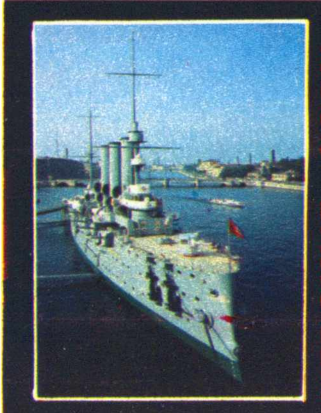
Советский тип государства
нами завоеван,–
это есть шаг вперед всего
человечества...

В.И.ЛЕНИН

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 45 НОЯБРЬ 1987



НЕВСКИЕ ЗОРИ

ШАХТЕРСКИЕ ДИНАСТИИ





ЦЕНТР ТВОРЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

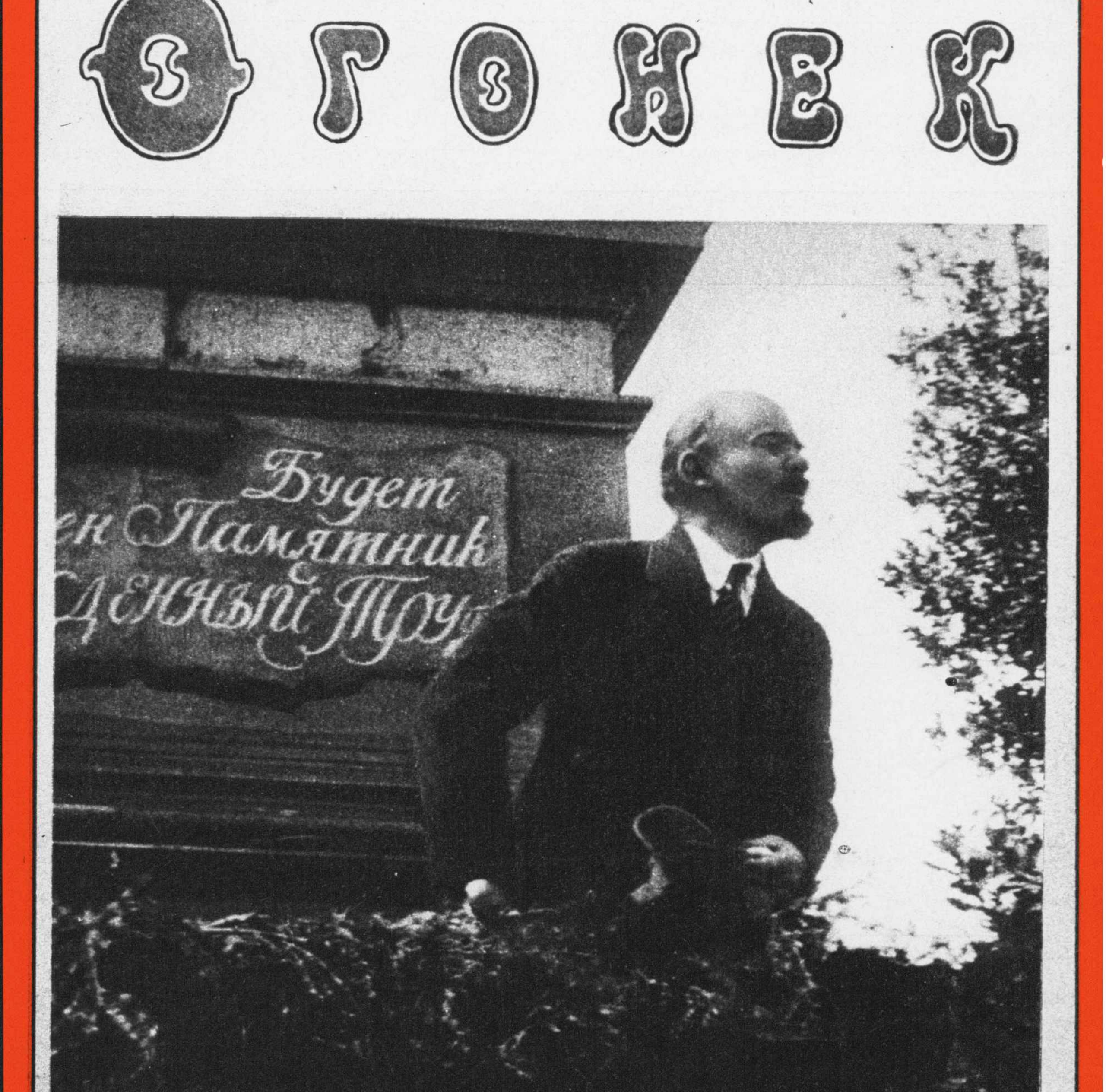
Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (3146)

7—14 НОЯБРЯ

1917 1987

СЕМЬ ДЕСЯТИЛЕТИЙ — И КАКИХ! — ЗА ПЛЕЧАМИ НАРОДА, СТРАНЫ. У КАЖДОГО — СВОИ НЕМЕРКНУЩИЕ ЧЕРТЫ, СВОЙ ПОЧЕРК, СВОЯ ПЕСНЯ. ОНИ НЕОТДЕЛИМЫ ОТ НАС, И В ЛЮБОЙ ПРАЗДНИК, ТЕМ БОЛЕЕ ТАКОЙ, КАК СЕГОДНЯ, МЫ ВОЗВРАЩАЕМСЯ К НИМ МЫСЛЕННЫМ ВЗОРОМ, ЧТОБЫ УВЕРЕННЕЕ ШАГАТЬ В ЗАВТРА. ШЕСТЬ РАЗНЫХ НОЯБРЬСКИХ МАТЕРИАЛОВ — ОТ ДЕСЯТИЛЕТИЯ К ДЕСЯТИЛЕТИЮ — ВЫБРАЛИ МЫ ДЛЯ ЭТОГО НОМЕРА ИЗ ОГОНЬКОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ ВРЕМЕНИ. НАШИ КОРРЕСПОНДЕНТЫ ОТПРАВИЛИСЬ ПО СТАРЫМ АДРЕСАМ, ВСТРЕТИЛИСЬ С ТЕМИ ЛЮДЬМИ И МЕСТАМИ, О КОТОРЫХ ЖУРНАЛ ПИСАЛ В КАНУН ЮБИЛЕЕВ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ.



ЛЕНИН — НАШ ВОЖДЬ!

Трудящиеся и угнетенные всего мира празднуют десятилетие героического Октября. Под гениальным руководством своего вождя российский пролетариат и крестьянство создали первую в мире республику труда.

Десять лет по указаниям и по заветам Ильича мы шли от завоевания к завоеванию, от победы к победе.

Во второе десятилетие строительства социализма мы, продолжая итти по пути, указанному Лениным, придем к мировому Октябрю.

Помещаем неопубликованную фотографию: В. И. Ленин на открытии памятника освобожденному труду 1-го мая 1920 года в Москве, у Кропоткинской набережной.

Снимок из архива Института Ленина.



О ЧЕМ ГОВОРЯТ КАМНИ

1927

КОЛЫБЕЛЬ РЕВОЛЮЦИИ, ГОРОД ЛЕНИНА. О ЧЕМ ГОВОРЯТ КАМНИ СМОЛЬНОГО, ЗИМНЕГО, ДВОРЦОВОЙ ПЛОЩАДИ? В ЮБИЛЕЙ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ЧИТАТЕЛЕЙ «ОГОНЬКА» ПО МЕСТАМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ ПИТЕРА ВЕЛ КОРРЕСПОНДЕНТ ЖУРНАЛА НИКОЛАЙ ПОГОДИН, ТОТ САМЫЙ, КТО НАПИШЕТ ЗАТЕМ «ЧЕЛОВЕКА С РУЖЬЕМ» И «КРЕМЛЕВСКИЕ КУРАНТЫ» — ПЬЕСЫ, ВОШЕДШИЕ В ЗОЛОТОЙ ФОНД СОВЕТСКОЙ ДРАМАТУРГИИ. О СЕГОДНЯШНИХ ДЕЛАХ И ЗАБОТАХ ЛЕНИНГРАДЦЕВ РАССКАЗЫВАЕТ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЛЕНСОВЕТА.

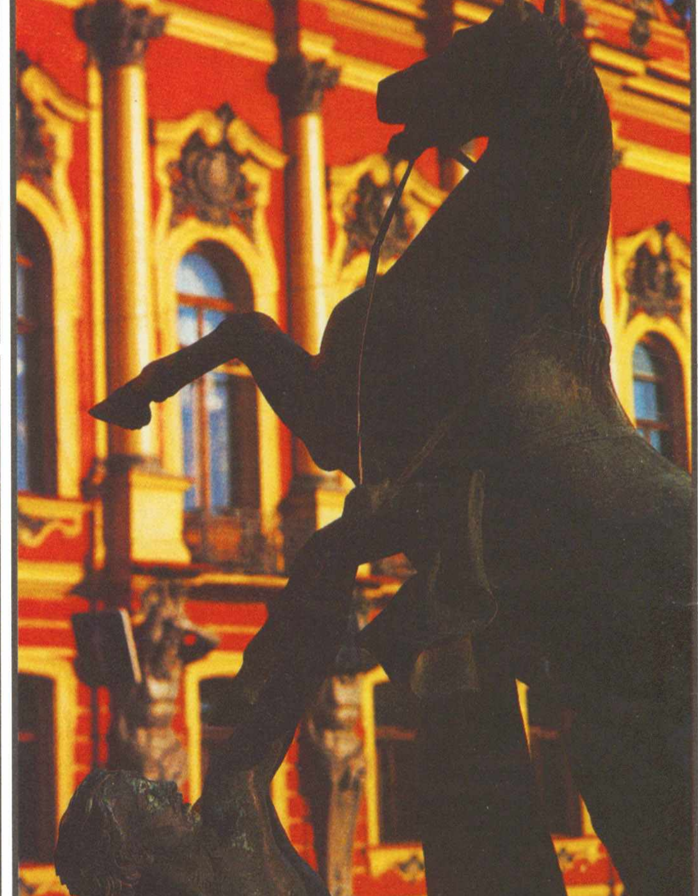


...ИДУ К ЗИМНЕМУ.
В ТУМАНЕ СТОИТ
ЧЕРНАЯ, ВОЗВЕДЕННАЯ
ИЗ ГРАНИТА
МОРСКАЯ.
КРУГЛЫЙ
ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШАР
БЛЕЩЕТ В АРКЕ
ШТАБА.
ТИХО. ПУСТЫННО...
НАСТОРОЖИШЬСЯ,
ПРИСЛУШИВАЕШЬСЯ —
ВДРУГ ЗАГОВОРИТ
ЭТОТ ГРАНИТ,
ВДРУГ ВОЗНИКНУТ
КРИКИ КОМАНДЫ,
И ОТ КАМЕННЫХ СТЕН
ОТДЕЛЯТСЯ ТЕНИ
КРАСНОГВАРДЕЙЦЕВ,
И ВЕТЕР С НЕВЫ
ДОХНЕТ МОГУЧИМ
ОКТЯБРЕМ,
И ПОДЫМЕТСЯ
НАД ТЕМНЫМИ
ВОЛНАМИ
ОБРАЗ «АВРОРЫ»
С ПУШКАМИ,
ВОЗВЕДЕННЫМИ
НА ЗИМНИЙ...
ПРОХОЖУ АРКУ.
ОТКРЫЛСЯ ВИД,
КОТОРЫЙ
ЗАПОМИНАЕТСЯ НА
ВСЮ ЖИЗНЬ,
ВИД ГИГАНТСКОГО
КАМЕННОГО ПЛАЦА,
ОКРУЖЕННОГО
ГРОМАДАМИ,
КОТОРЫЕ ВИДЕЛИ
ДЕНЬ
9 ЯНВАРЯ 1905 ГОДА
И ВЕЧЕР 25 ОКТЯБРЯ
1917 ГОДА.

Николай ПОГОДИН.
Из очерка
«О чем говорят камни»
(«Огонек» № 45, 1927).











С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ИСПОЛКОМА ЛЕНИНГРАДСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ВЛАДИМИРОМ ХОДЫРЕВЫМ БЕСЕДУЕТ НАШ СОБСТВЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ ОЛЕГ ПЕТРИЧЕНКО
Фото Николая РАХМАНОВА

ТОВАРИЩ ЛЕНСОВЕТ

Владимир Яковлевич, в канун 70-летия Великого Октября на заседании Президиума Совета Министров СССР был одобрен Генеральный план развития Ленинграда и Ленинградской области на 1986—2005 годы.

Читая этот документ, как бы совершаешь увлекательное путешествие в ближайшее будущее, находишь в нем деловые, конкретные ответы на многие насущные для ленинградцев вопросы. Меня лично больше всего поразил нестандартный, не побоюсь сказать, революционный подход к решению жилищной проблемы. 147 тысяч семей состояло на городской очереди до недавнего времени. Сейчас, в связи с решением включить в число очередников жителей коммунальных квартир, она увеличится до 800 тысяч. И тем не менее к 2000 году квартирой должна будет обеспечена каждая ленинградская семья!

Почему именно на этом делаю акцент? Убежден, по тому, как будем осуществлять программу жилищного строительства, люди будут судить о реальности всех остальных замыслов. Разумеется, предусмотренный планом рост объемов, качества промышленного и сельскохозяйственного производства впечатляет не меньше, но жизнь доказала, этих вершин мы достигнем только в том случае, если у подножия их построим хорошие дома, позаботимся об остальных, первоочередных нуждах человека.

— Не так давно довелось мне выступать по Ленинградскому телевидению в прямом эфире. Во время этой встречи ленинградцы задали около пятисот вопросов. Причем не все желающие, как потом выяснилось, смогли дозвониться: установленные в студии телефоны постоянно были заняты. Так вот, среди всего этого множества вопросов были и об издержках в эксплуатации жилого фонда, и о некомплексности застройки, и о сбоях в работе транспорта. Но основная масса — о жилье. Что же, выходит, совсем плохо у нас с ним обстоят дела? Да нет, этого никак не скажешь. Позволю себе привести несколько цифр. За семьдесят лет Советской власти в нашем городе построено фактически три дореволюционных Петербурга. Для справки: жилой фонд в городе в 1917 году составлял 22 миллиона квадратных метра. Сейчас — почти 83 миллиона. Словом, сегодня у каждого есть крыша над головой. И в то же время сегодня человеку уже мало, скажем так, только крыши. Изменился критерий оценки качества среды, в которой он живет, трудится, отдыхает. Вот и в данном случае людям надо не просто жилье, а свое, отдельное. Не случайно партия поставила вопрос однозначно: каждая советская семья должна быть обеспечена к 2000 году отдельной квартирой. Такое требование, естественно, прежде всего и нашло отражение в социальном разделе нашего генерального плана.

Но новый генеральный план — это не только программа жилищного строительства, не только рост объемов, качества промышленного и сельскохозяйственного производства. Это документ, в целом пронизанный заботой о человеке. Каждое его положение, каждая строка — для него, в его интересах. Генплан предусматривает выход на качественно иной уровень практически во всех без исключения социальных сферах — в здравоохранении, на транспорте, в торговле и бытовом обслуживании. Уже к концу нынешней пятилетки намечено практически полностью удовлетворить потребности в детских дошкольных учреждениях как в Ленинграде, так и в области. К концу пятилетки станет правилом установка телефонных аппаратов жителям Ленинграда в течение года после подачи заявления.

Вот о чем думаю в этой связи. Да, сегодня мы отстаем пока по уровню потребления от некоторых капиталистических стран. Это факт. Но у нас есть великое, данное Октябрем преимущество перед ними: мы твердо знаем, что и как надо сделать, чтобы завтра жить лучше, чем сегодня.

Нигде в капиталистическом мире материальный и культурный уровень жизни народа не может стать целью производства. В социалистических же странах он является высшей целью государственной экономической стратегии. И я бы сказал, есть глубокий политический смысл в том, что новый генеральный план вступил в силу в преддверии 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Все положения его служат, хочу еще раз повторить, главной цели, начертанной на знаменах Октября,— поступательному и целенаправленному повышению благосостояния советского человека.

И это закономерно, ведь уже с первых дней революции Советы взяли на себя заботу о хозяйственном, социальном и культурном строительстве, то есть занялись тем, в чем на деле проявляется забота государства о реальных нуждах людей, подлинный социалистический демократизм. В частности, усилению созидательных и ослаблению негативных тенденций в социально-экономической жизни во многом способствовало то, что в 60-е годы по инициативе ленинградских трудовых коллективов, поддержанной депутатами, были разработаны и затем получили широкое распространение комплексные планы экономического и социального развития. По сути дела, эти планы стали базой для очередных важнейших шагов — разработки программы интенсификации производства, единого комплексного плана города и области на двенадцатую пятилетку и разработанного опять же впервые в стране единого генерального плана развития города и области до 2005 года.

Он возник, как говорится, не на пустом месте, является логическим продолжением генплана развития Ленинграда на предыдущие двадцать лет, как бы отталкивается от той ступени, на которую мы шагнули за тот период. А шагнули, надо сказать, не так уж и плохо. Новые жилые районы — Купчино, Ржевка-Пороховые, Шувалово-Озерки, Юго-Запад, Правый берег Невы, ряд крупных зданий культурного и общественного назначения, архитектурных ансамблей на набережных Невы и на основных городских магистралях, морской фасад города на Васильевском острове, новые мосты через Неву — все это итог работы по предыдущему генплану. Перечисление всего сделанного заняло бы слишком много места.

Сегодня Ленинградский народнохозяйственный комплекс — один из ведущих в стране, крупнейший центр ускорения научно-технического прогресса, центр культуры и просвещения общесоюзного и мирового значения.

— Знаете, мы обычно не слишком задумываемся над тем, что стоит за словом «генплан». Считаем его чем-то само собой разумеющимся, а ведь это, по сути, концентрация наших достижений, надежд. В чем особенности нынешнего?

— Впервые в практике советского градостроительства все проблемы перспективного развития города взяты в единстве с проблемами развития области. Комплекс градостроительных решений разработан на реальной планово-экономической базе, полностью сбалансирован с нашими территориальными возможностями — природными и трудовыми ресурсами, мощностями строительных подрядных организаций, реальными капитальными вложениями и другими экономическими факторами. Насколько это важно, можно судить по опыту предыдущего, действовавшего до 1985 года генплана, согласно которому, в частности, намечалось ограничить рост численности населения до четырех миллионов человек. Сформированный преимущественно на так называемой нормативной основе, он, образно говоря, определял, что нужно строить и где для достижения нормативов в обеспечении жильем, объектами культурно-бытового назначения, но не учитывал в полной мере, за счет чего это будет достигнуто. А достигалось в немалой степени за счет увеличения числа работающих, то есть приглашения людей из других районов страны. Но ведь им тоже нужны и жилплощадь, и коммунальные услуги... Механический прирост — за счет иногородних — составлял в среднем 35—40 тысяч человек ежегодно. В итоге численность населения на 900 тысяч человек превысила планировавшуюся, что, в свою очередь, породило немалые дополнительные трудности с жильем, детскими садами, медицинским, транспортным обслуживанием и т. д.

Эти ошибки учтены. В расчеты нынешнего генплана заложены напряженные, но реальные задания, которые будут выполняться за счет интенсивных факторов.

Подчеркну, что достижение этих рубежей было бы весьма проблематично при прежних темпах развития народного хозяйства. Они становятся реальностью только в условиях перестройки и ускорения, о чем свидетельствуют как итоги работы в прошлом году, когда получены самые высокие темпы роста в ленинградском регионе за все восьмидесятые годы, так и итоги девяти месяцев текущего года. Если среднегодовые темпы прироста производительности труда в промышленности Ленинграда за минувшую пятилетку составили 2,5 процента, то в этом году они уже достигают ориентировочно 4,8 процента.

Теперь непосредственно о жилье. Вы, кстати, коренной ленинградец?

— Коренной. Родился и вырос в тесноте, но не в обиде — в огромной коммуналке на улице Марата, о многочисленных жильцах которой сохранил самые теплые воспоминания. Сейчас все мы разъехались, все получили отдельные квартиры. Очень рад за стариков, все-таки несправедливо, что многие блокадники из-за каких-то «лишних» метров, а то и сантиметров не имели даже призрачных шансов прожить оставшиеся годы в более комфортабельных условиях.

— Конечно, это несправедливо. Поэтому исполнительный комитет Ленинградского городского Совета народных депутатов принял недавно такое решение: отныне в первую очередь считать нуждающимися в улучшении жилищных условий граждан, которые проживают в коммунальных квартирах, причем независимо от размера занимаемой ими площади. Разумеется, при условии, если они имеют десятилетнюю постоянную и непрерывную прописку в Ленинграде.

Постановка на учет (а началась она с 1 октября нынешнего года) будет вестись поэтапно. Начали мы с ветеранов войны, тех, кто в годы блокады работал на предприятиях и в организациях города, семей погибших и пропавших без вести воинов, других граждан, пользующихся установленными законом льготами. Работа огромная, требует кропотливого анализа состояния коммунальной жилплощади. А действительность здесь крайне сложная — квартиры бывших доходных домов старого города имеют порой до 20 комнат. Ситуации встречаются совершенно немыслимые, но решать их надо, потому что люди устали жить без надежды. И Советы обязаны не просто эту надежду подать, поставив на очередь, но и обеспечить безоговорочное достижение намеченной цели — предоставить к 2000 году каждой семье отдельную квартиру

Каким образом? Вообще-то это те-

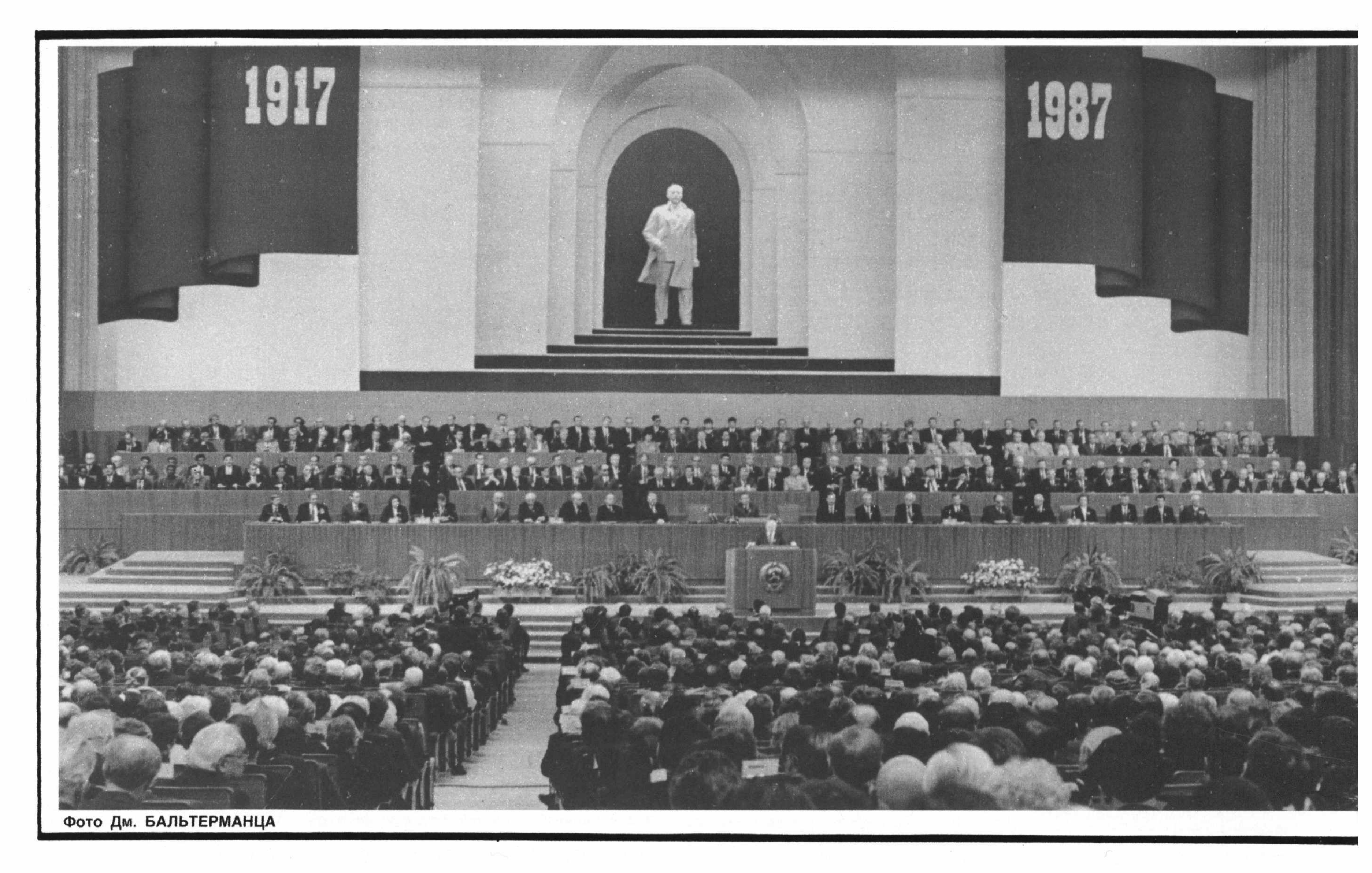


Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

ма отдельного обстоятельного разговора, сейчас перечислю только основное. Ну, во-первых, резко прибавит наша стройиндустрия: уже в текущей пятилетке объемы жилищного строительства в Ленинграде возрастут до 9 миллионов 300 тысяч квадратных метров общей площади. В прошлом году мы превысили плановое задание по вводу жилья, и нынче взятые темпы не хуже. Предоставляются помощь и ряд существенных преимуществ предприятиям, организациям, возводящим жилье своими силами; определенные надежды связываем со строительством молодежных жилищных комплексов. Ну, и конечно, резко ограничится приток иногородних.

— Насколько мне известно, каждый «человек со стороны» будет с 1 января 1988 года обходиться предприятию в 13 тысяч рублей?

— Совершенно верно. Полностью без иногородних рабочих нам пока не справиться: население города стареет, своего требуют огромная жилищная программа, некоторые другие отрасли. И вместе с тем надо закрыть лазейку для руководителей, привыкших мыслить, действовать по-старому: вместо того чтобы усовершенствовать производство и тем самым ликвидировать нужду в лишних рабочих руках, они привычно рассчитывают на лимитчиков. Теперь в условиях набирающего силу хозрасчета, самофинансирования пусть считают, что выгоднее. А цифра взята не с потолка, по расчетам ученых, не менее 13 тысяч рублей приходится у нас на каждого человека при сооружении детских садов, школ, дорог, объектов соцкультбыта.

К слову сказать, в первом квартале будущего года ожидаем пятимиллионного жителя, готовимся торжественно встретить его появление на свет. А к 2005 году население Ленинграда составит пять миллионов пятьсот тысяч. Миллион 850 тысяч человек будет в области. Эту численность разработчики генплана считают предельно возможной, и на основе ее намереваемся строить демографическую политику.

— Во время своего недавнего визита в Ленинград Михаил Сергеевич Горбачев, в частности, заметил: «...если не ускорить темпы реконструкции... старого жилого фонда, не расширить масштабы, а остановиться на уровне, которого сегодня вы достигли, то, я должен сказать, на это уйдут десятки лет. Значит, это не подходит. Значит, есть тут опять проблема для обсуждений. Давайте думайте, товарищи, находите способы решений. Инициатива прежде всего должна исходить от вас».

Очень верные слова. Но я невольно вспомнил инициативу, проявленную группой молодежи возле бывшего «Англетера», бурные дискуссии вокруг домов на Разночинной, зданий, связанных с именем Достоевского, и т. д. В Ленинграде, если не ошибаюсь, более 15 тысяч дореволюционных строений, многие из которых воздвигнуты на бутовых, булыжных, кирпичных фундаментах, а то и на деревянных сваях, лежнях. Их безжалостно разрушали время, война, наводнения, в ремонте нуждается фактически каждый, и почти каждый чем-то нам дорог, представляет определенную историческую ценность. Все ленинградцы, а не только ревнители старины считают: облик старого города мы обязаны беречь и сохранять. А с другой стороны, понимаешь — реставрация такого количества зданий нереальна, невозможно законсервировать на долгие годы дома не только по техническим причинам, но и потому что там проживает около миллиона человек. Нельзя сказать этим людям: вы потерпите, потеснитесь еще несколько десятилетий, пока мы будем дискутировать. Безусловно, нужны самые кардинальные меры.

— Нужна прежде всего гласность в обсуждении вопросов, касающихся всех нас. Вспомните: в новой редакции Программы партии сформулирована принципиально новая задача. Суть ее, как вы знаете, в том, чтобы, совершенствуя советскую демократию, все более полно осуществлять социалистическое самоуправление народа на основе активного и действенного участия трудящихся, трудовых коллективов, общественных и самодеятельных организаций в решении вопросов государственной и общественной жизни. Неотъемлемая часть этих процессов — гласность. Она глубоко и прочно входит и в жизнь ленинградцев, становится действенным звеном перестройки, надежным компасом в поисках дополнительных резервов интенсификации производства, развития социальной сферы.

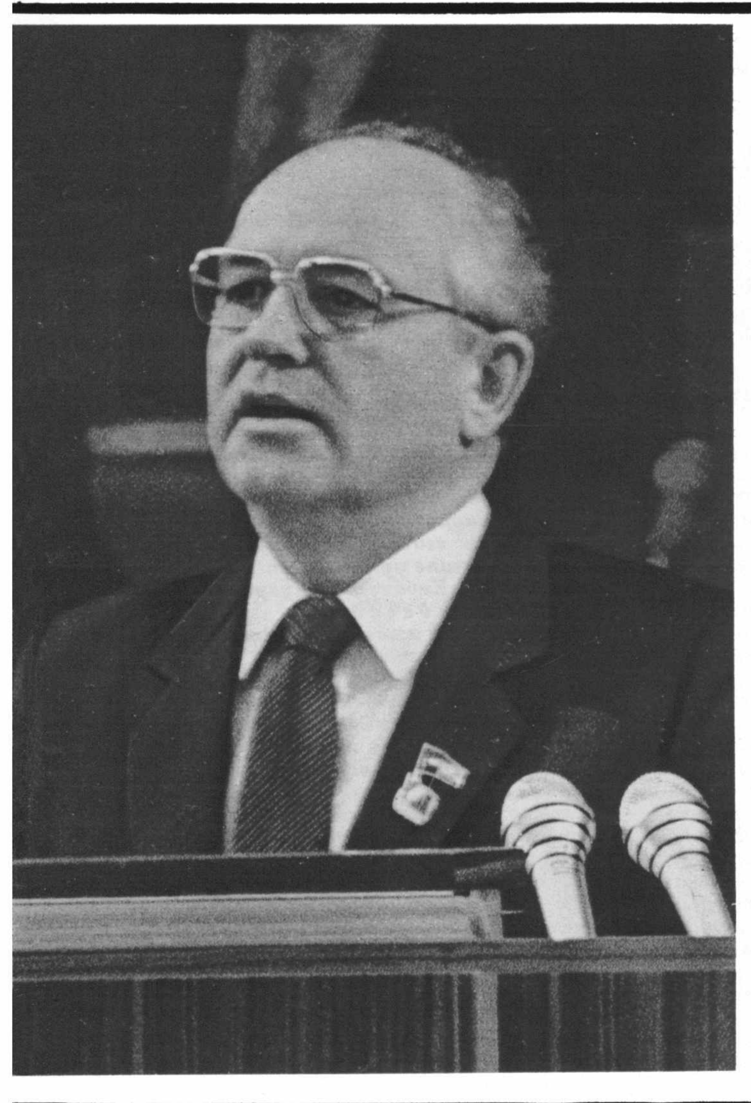
Откровенность в работе, широкий диалог с общественностью по жизненно важным для города вопросам — сегодня явление обычное для местных Советов Ленинграда. Правилом стали предварительные обсуждения на страницах местной печати и в трудовых коллективах решений сессий и докладов, вопросов, выносимых на заседания исполкома, встречи работников местных органов власти, подведомственных им подразделений с ленинградцами, пресс-конференции, выступления по телевидению, так называемые контактные телефоны. Введен свободный, без всяких ограничений, прием граждан по субботам руководством и членами исполкома. Они консультируют людей, дают ответы на интересующие вопросы. И это характерно не только для исполкома Ленсовета, но и для районных исполнительных комитетов. У нас большинство районов по численности населения, промышленному потенциалу под стать иному областному центру. Поэтому прежде всего здесь — и именно так ставим задачу — из первых, так сказать, рук должны получать люди информацию, четко знать, что будет делаться в микрорайоне, в котором живут, в их доме, какие объекты будут строиться, какие ремонтироваться, в какие сроки, кто отвечает за их сооружение, что, наконец, зависит от самих трудящихся районов, чтобы планы стали реальностью.

Однако кое-кто под видом расширения демократии занимается — назову вещи своими именами — социальной демагогией. Ясность, по-моему, здесь должна быть полная: демократия — это не вседозволенность, не анархия, это не только права, это ответственность, обязанности, это вопрос высокой дисциплинированности. В единстве прав и обязанностей и реализуется социалистическая демократия.

В традициях буржуазной демократии подменять принятие и реализацию решений в интересах большинства трудящихся бесконечными обсуждениями.

Но обсуждение — и это само собой разумеется — должно вестись не ради обсуждения, а ради выработки конструктивного, идущего на пользу человеку решения. В том-то и отличие Советской власти как нового типа демократизма, что это власть не только слова, но и дела. Да, каждый должен быть внимательно выслушан, все доводы, даже и не конструктивные на первый взгляд, должны быть внимательно рассмотрены. Этим руководствуется исполком и в отношениях с так называемыми «неформальными» объединениями. Но окончательное решение, как поступить по тому или иному вопросу, остается за Советом народных депутатов, представляющим интересы громадного большинства. «Если слова: «революционная демократия»,— писал Владимир Ильич Ленин,— употреблять не как шаблонную парадную фразу, не как условную кличку, а **думать** над их значением, то быть демократом значит на деле считаться с интересами большинства народа, а не меньшинства...»

Отнять у Советов это право — значит выхолостить демократическую суть Советской власти. Это начинают понимать и наиболее сознательные представители самодеятельных объединений. О чем, в частности, свиде-



СОВМЕСТНОЕ ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС, ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР И ВЕРХОВНОГО СОВЕТА РСФСР, ПОСВЯЩЕННОЕ 70-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ОКТЯБРЬСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

2—3 ноября в Кремлевском Дворце съездов состоялось торжественное заседание, посвященное 70-летию Великого Октября.

Вступительным словом его открыл член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко.

С докладом «Октябрь и перестройка: революция продолжается» выступил Генеральный секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза М. С. Горбачев.

В ОКТЯБРЕ 1917 ГОДА МЫ УШЛИ ОТ СТАРОГО МИРА, БЕСПОВОРОТНО ОТРИНУВ ЕГО. МЫ ИДЕМ К НОВОМУ МИРУ — МИРУ КОММУНИЗМА. С ЭТОГО ПУТИ МЫ НЕ СВЕРНЕМ НИКОГДА!

М. С. ГОРБАЧЕВ

Из доклада на торжественном заседании

тельствует обращение к исполкому Ленсовета участников митинга, проведенного в связи с принимаемыми исполкомом мерами по сохранению дома, где жил Ф. М. Достоевский.

Для некоторых же людей, как показывает жизнь, важны не суть конфликта и не его принципиальное разрешение, а конфликт как таковой, возможность создать вокруг него обстановку противостояния, проявить свои амбициозные стремления.

— Это проявилось и во время последней пресс-конференции в Доме архитектора, куда, кроме журналистов, были приглашены депутаты, представители общественных организаций, молодежных любительских объединений и где вы рассказывали о новом генплане развития города и области.

— Встреча продолжалась около четырех часов, была в целом деловой, полезной, но, честно скажу, некрасивое впечатление произвели попытки некоторых представителей молодежных любительских объединений вести разговоры в ультимативном тоне. Повторяю, Советская власть — это власть не исполкома как такового, а Совета депутатов. Их выбирает народ, выбирает из числа лучших, заслуживающих доверия людей. И никто не имеет права решать что-либо через их головы. Им дано право представлять точку зрения многих тысяч избирателей, и нет такого вопроса, который депутат не мог бы поднять на сессии, добиться его обсуждения, решения.

Да вот пример: собрались было строить станцию технического обслуживания автомобилей в одном из новых микрорайонов, в Шувалово-Озерках. Проект был утвержден, согласован во всех инстанциях, обошелся недешево, но жители близлежащих домов заявили, что место строительства выбрано неудачно. И обратились к своему депутату — рабочему Алексею Арбузову. Он доказал их правоту, добился отмены начатого было строительства.

Уверен, только так, подлинно демократическим путем, и надо разбираться во всех возникающих проблемах. Но, подчеркиваю, все начинается с каждого из нас, личной общественной активности каждого. Необходимо стремиться к тому, чтобы в Советы действительно избирались достойные люди, активные бойцы за интересы трудящихся.

— Готовясь к разговору с вами, Владимир Яковлевич, я познакомился с почтой, адресованной Ленсовету (что любопытно, многие так и обращаются: товарищ Ленсовет). И вот, в частности, встретился с таким достаточно необычным коллективным письмом, пришедшим из объединения «Большевичка».

«Узнав о возможном выдвижении нашего генерального директора Н. В. Царьковой на советскую работу, весь коллектив крайне встревожен и озабочен. Царькова проявила себя как истинный лидер, ведущий и мобилизующий трудовой коллектив на решение поставленных задач. Мы понимаем, что она заслуживает выдвижения на советскую работу, но в настоящее время это крайне отрицательно отразится на работе коллектива. Проведенное среди работников анкетирование показало, что 71 процент опрошенных выразили мнение о соответствии Царьковой занимаемой должности, 23 воздержались от оценки из-за непродолжительной работы и только 6 процентов дали отрицательную оценку. Учитывая вышеизложенное, просим не лишать объединение опытного руководителя в трудный момент перестройки предприятия».

— Примечательно это письмо. Оно наглядно отражает возрастающий демократизм общественных отношений. Трудовой коллектив имеет свою точку зрения и отстаивает ее.

Знаю Нонну Викторовну Царькову и как толкового генерального директора, и как активного депутата Куйбышевского районного Совета. В общем-то это как раз тот человек, который действительно принес бы пользу на советской работе. Учитывая, однако, что ленинградская легкая промышленность, и объединение «Большевичка» в частности, переживает сложный период реконструкции и социального обновления (для справки: на эти цели объединением будет освоено в нынешней пятилетке около девяти миллионов рублей), мы согласились с мнением коллектива.

Но меня письмо прежде всего заинтересовало потому, что в нем чувствуется глубокое уважение трудящихся к Советской власти, сознание того, что в ее органах должны трудиться деловые, принципиальные, требовательные люди, сознающие свою ответственность перед временем и перед народом.

— Отвечает ли, на ваш взгляд, этим требованиям нынешний состав Ленсовета?

— В основном да. В результате первых после XXVII съезда КПСС (и под прямым воздействием его идей) выборов состав Ленсовета обновился более чем на две трети. Из 600 его депутатов 329 — рабочие. Число руководителей различного ранга по сравнению с предыдущим созывом сократилось на треть. Аналогичные перемены и в составе исполкома. Если раньше среди его членов было только двое представителей, так сказать, снизу (остальные — работники различных звеньев управления), то сегодня их уже 10 из 14 членов исполкома, в том числе рабочие, врач, учитель, инженер...

И уже первая, посвященная перестройке работы Советов сессия показала, что перемены эти отнюдь не формальны: ни одно утверждение на должность не было гладким; вопросов, причем весьма нелицеприятных, задавалось много, но вместе с тем много было и деловых, конкретных предложений по исправлению различных недостатков в городском хозяйстве. В общем, к власти пришли не случайные, не равнодушные люди. И мне вот, в свою очередь, интересно, а вы как горожанин это заметили?

— Тысячи ленинградцев приняли участие в подготовке последней сессии, посвященной перестройке здравоохранения, коренному улучшению оказания медицинской помощи населению. Сужу об этом по письмам, поступившим в редакции городских газет, в адрес исполкома. Раньше столь широкого предварительного обсуждения не было. Понравилась мне и подлинно творческая атмосфера, царившая в большом зале исполкома Ленсовета, где проходила сессия, в работе которой участвовали — уже не в первый раз — рядовые граждане. Необычайной, на мой взгляд, была в этой деловой, требовательной обстановке активность депутатов, понравились их страстность, горячая заинтересованность. И теперь есть уверенность, что ни одно из принятых решений, как, увы, бывало иногда в прошлом, не повиснет в воздухе.

Сужу об этом и по опыту предыдущей сессии. Сколько лет, скажем, маялись горожане, которые, получив садовые участки, ломали головы, как доставить туда стройматериалы, как проложить дороги, как, наконец, самому построить домик. А сейчас все хлопоты берет на себя недавно созданное управление «Садовод». Конечная цель, поставленная перед ним,— сдавать построенные по нашим заказам дома под ключ. Знаю, что сейчас в распоряжении ленинградцев около 300 тысяч участков, а в дальнейшем добавится к ним еще свыше 200 тысяч. Представляю, сколько сил, энергии, нервов будет сэкономлено в результате одного только этого разумного решения, принятого на сессии!

Подобных примеров могу привести немало, как. справедливости ради, замечу, и примеров обратного свойства: еще далеко не все службы исполкома шагают в ногу со временем.

— Да, мы знаем это. Не хватает местным органам власти порою боевитости, настойчивости в доведении дела до конца, а зачастую и горячей заинтересованности в улучшении положения дел во всех сферах, определяющих доброе настроение человека. Это прежде всего характерно для районных исполнительных комитетов, ряда главных управлений и управлений Ленгорисполкома. Тут нам

предстоит много и серьезно потрудиться, чтобы ленинградцы были твердо уверены: раз вопрос — в компетенции данного должностного лица, оно его решит. И если даже в чем-то вынуждено будет отказать, то обоснует этот отказ в строгом соответствии с законом.

Наводит порядок Ленгорисполком и в собственном доме. Борется неуклонно с любыми проявлениями бюрократизма со стороны работников аппарата. При каждой повторной обоснованной жалобе, вызванной тем, что не были устранены ее причины, строго спрашивается с соответствующих должностных лиц.

Сейчас, между прочим, у нас проходит предметная, взыскательная аттестация работников аппарата. Ряду из них пришлось расстаться со своими должностями, а некоторые аттестованы условно.

Принятое в прошлом году постановление ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР еще больше расширило права местных органов власти. Но много прав — это и много ответственности, и в первую очередь за то, чтобы всегда и во всем служить человеку труда.

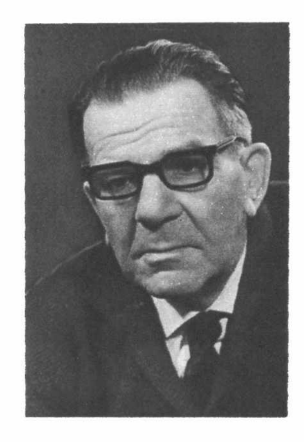
В Ленинграде шесть тысяч депутатов. Это большая общественная сила, и она все активнее начинает заявлять о себе.

Вспоминается, как на первой сессии нынешнего, двадцатого созыва попросил слово молодой рабочий из объединения «Русские самоцветы» Михаил Степанов. Он обратился с просьбой от себя и еще от нескольких товарищей по депутатскому корпусу включить их в состав постоянной комиссии Ленсовета по делам молодежи. В общем-то предварительно намечалось, что они будут работать в других постоянных комиссиях. Но ребята сказали, что хотят как депутаты всерьез заняться именно молодежными делами. Сессия поддержала их просьбу. Ребята действительно стараются, в частности, провели инвентаризацию пустующих помещений с тем, чтобы использовать их для организации досуга юношей и девушек. Как известно, каждый Совет имеет свою партийную группу. А члены постоянной комиссии по делам молодежи предложили создать и комсомольскую — чтобы молодежными проблемами занималась не только соответствующая постоянная комиссия, но и все остальные. Кстати, председателем комсомольской группы избран Михаил Степанов.

— Владимир Яковлевич, одни Советы, одни депутаты вряд ли многого добьются, если не будет широкой поддержки их начинаний со стороны всех ленинградцев. Согласитесь, только общими усилиями можно чего-то достичь. Город станет еще краше, если все вместе будем беречь каждое его здание, все, что нас окружает, сообща выполнять намеченное.

— Должен сказать, что большинство ленинградцев именно так и понимают свой гражданский долг. И это тоже ленинградская традиция, яркое проявление верности делу революции, делу Ленина, идеалам Октября.

В 1918 году на заседании ВЦИК Владимир Ильич Ленин сказал: «Советы, которые народ сумел создать вполне самостоятельно, это — форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран». 70-летний опыт деятельности Советов Ленинграда, работающих под непосредственным руководством областного и городского комитетов партии, наглядно подтверждает предельную точность этой ленинской формулировки. Не просто складывались их судьбы на определенных этапах истории, но неизменным оставалось одно: стремление всемерно укреплять связи с широкими массами населения, неотступное служение интересам народа, делу социалистической Родины.



В 1986 году в журнале «Знамя» был опубликован роман замечательного советского писателя Александра Бека «Новое назначение», большой фрагмент из которого впервые напечатал «Огонек». Эта вещь вызвала неподдельный читательский интерес и у нас, и за рубежом. Впрочем, диалог «Нового назначения» с читателем и критикой только еще начинается. В 1970 году, за два года до смерти, писатель в основном закончил новую свою вещь — «На другой день», посвященную событиям, которые развернулись сразу после Великой Октябрьской социалистической революции. В первоначальный замысел входило написать роман о Владимире Ильиче Ленине, любимейшем на протяжении всей жизни герое Бека. Роман «На другой день» (завершенный композиционно, лишь не вполне дошлифованный писателем) построен, как и всегда у Бека, на уникальной гармонии документа и интуиции, факта и воображения, когда реальные исторические личности соседствуют с вымышленными, но обобщенно-типизированными героями, такими, как Кауров. Фактический материал для романа автор с гигантским усердием собирал в архивах, хранилищах, библиотеках Москвы, Тбилиси, Баку, Ленинграда, Парижа. В конце 60-х годов маленький кабинет Бека был сплошь завален томами сочинений Ленина, «Ленинскими сборниками», протоколами и стенограммами партийных съездов, книгами и рукописями воспоминаний старых большевиков. А главное направление работы определялось его излюбленным методом (он ведь в начале пути прошел школу горьковского «Кабинета мемуаров») — в бесчисленных б е с е д а х с оставшимися в живых очевидцами тех легендарных событий. 6 ноября 1969 года писатель делает в дневнике горьковато-шутливую запись: «В общем, снова берусь с аппетитом за работу. Напечатать не рассчитываю. Но все равно хочется все, что имею, вложить в вещь. Вот как меняется время: писать романы — это теперь «хобби»...» К счастью, время меняется в о и с т и н у. Вот оно и изменилось на наших глазах (как жаль, что до этого не дожил Александр Бек): настоящие романы — не хобби, а поступки,— не пришедшиеся ко двору тогда, теперь наконец возвращаются к нам. Предлагаем вниманию читателей начальный фрагмент из романа А. Бека «На другой день», который и сам автор при жизни выделял в самостоятельную новеллу «Юбилейный вечер».

ЮБИЛЕЙНЫЙ ВЕЧЕР

Александр БЕК

РАССКАЗ

1

Высоченный, сутулый, худой — сквозь темную ткань пиджака заметны выступы лопаток, шея просечена извивами крупных морщин,— Горький шагает по настилу сцены к кафедре в зале Московского комитета партии. Это торжественный вечер в честь пятидесятилетия Ленина. Ряды сплошь заняты. Сидят даже на краю помоста, предназначенного для президиума и ораторов. С виду Горький угрюм, бритая, с шишкообразными неровностями голова наклонена, впалые глаза затенены насупленными кустистыми бровями. В зале тихо; Горький, ухватившись обеими руками за ободки кафедры, молчит. Лишь двинулись, проступили желваки. Потом шевельнулись обвислые моржовые его усы, окрашенные над губой многолетним, дегтярного тона, осадком никотина. Усы шевелятся, будто он уже начал говорить, но голосовые связки, как можно понять, стиснуты спазмом волнения.

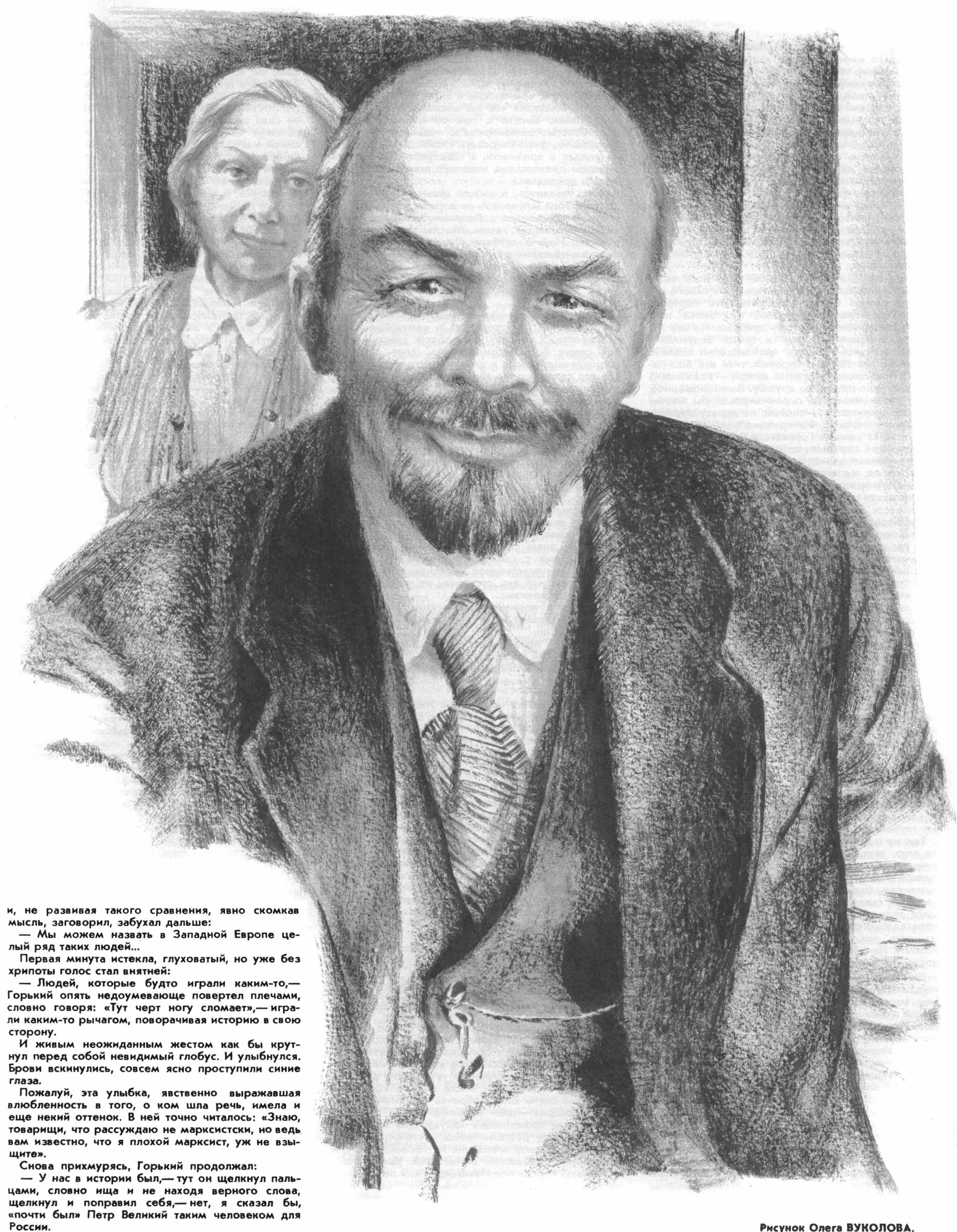
Горький прокашлялся. И приподнял голову. Стали видны большие на удивление его ноздри. Проглянула и синева глаз. Все еще хмурясь, он неловко подвигал костлявыми плечами и развел длинные руки. Это был откровенный жест беспомощности. Хрипловатым басом, окая, он произнес первую фразу:

— Товарищи, есть люди, значение которых както не объемлется человеческим словом.

Досадливо крякнул. Возможно, его требовательное ухо литератора отметило нескладность оборота «человеческим словом»: каким же в самом деле оно может быть иным? Впрочем, до стилистики ли Горькому сейчас? Почти два года назад, в сентябре 1918-го, он пришел к Ленину, который был тогда чуть ли не смертельно ранен двумя пулями, что почти в упор террористка всадила ему в шею и в грудь, пришел после длительных несогласий с Лениным и с того дня заново определил свое место во все ожесточавшейся борьбе, впрямую вопрошавшей: «На чьей ты стороне?», решил: если стреляют в революцию, то я с ней, в ее рядах! Однако на большом политическом собрании Горький со времен октябрьского переворота, кажется, лишь впервые выступал.

— Русская история,— глухо громыхал его бас,— к сожалению, бедна такими людьми. Западная Европа знает их. Вот Христофор Колумб...

Приостановившись, Горький опять крякнул, махнул рукой — было видно, что он не находит выражений, недоволен, что его занесло к Колумбу,—



и, не развивая такого сравнения, явно скомкав мысль, заговорил, забухал дальше:

— Мы можем назвать в Западной Европе целый ряд таких людей...

Первая минута истекла, глуховатый, но уже без хрипоты голос стал внятней:

— Людей, которые будто играли каким-то,— Горький опять недоумевающе повертел плечами, словно говоря: «Тут черт ногу сломает»,— играли каким-то рычагом, поворачивая историю в свою сторону.

И живым неожиданным жестом как бы крутнул перед собой невидимый глобус. И улыбнулся. Брови вскинулись, совсем ясно проступили синие глаза.

Пожалуй, эта улыбка, явственно выражавшая влюбленность в того, о ком шла речь, имела и еще некий оттенок. В ней точно читалось: «Знаю, товарищи, что рассуждаю не марксистски, но ведь вам известно, что я плохой марксист, уж не взыщите».

Снова прихмурясь, Горький продолжал:

— У нас в истории был,— тут он щелкнул пальцами, словно ища и не находя верного слова, щелкнул и поправил себя,— нет, я сказал бы, «почти был» Петр Великий таким человеком для России.

Рисунок Олега **ВУКОЛОВА.**

Выдержал паузу, подумал и, подняв указательный палец, произнес:

— Вот таким человеком только не для России, а для всего мира, для всей нашей планеты является Владимир Ильич.

Далее Горький опять затруднился, опять вертел в воздухе пальцами, не то ловя, не то вылепливая на глазах у всех какую-то нужную фразу. И тут же признался:

— Нет, не найду, хотя и считаюсь художником, не найду слов, которые достаточно ярко очертили бы...— вновь он водил руками, поднимая их выше головы, как бы не в силах нечто охватить, объять,— такую коренастую... такую сильную... такую огромную фигуру...

Опять слово ему не повиновалось. Он не сдержал слезу, затерявшуюся в крупной морщине, словно прокопанной от скулы к подбородку. И не стеснялся умиленности — той умиленности, какую в художестве не потерпел бы: она под пером сладка.

Месяц или два спустя Горький попытался нарисовать Ленина штрихами писательского своего пера. Тот ранний вариант литературного портрета заканчивался такими строками: «...Я снова пою славу священному безумству храбрых. Из них же Владимир Ленин — первый и самый безумный».

Это маленькое изящное произведение вызвало резкий отклик Ленина. Впрочем, гнев его был направлен не столько против автора — возобновив многолетнюю прежнюю дружбу, Ленин, наверное, лишь рассмеялся бы, сыронизировал бы насчет «самого безумного»,— сколько по адресу журнала «Коммунистический Интернационал», напечатавшего в № 12 заметки Горького о Ленине. Не вынося малейшей неряшливости в области теории, Ленин, как только прочел эти посвященные ему страницы, тотчас же стремительной, будто наклоненной в беге искосью, по обыкновению без помарок, выделяя подчеркиванием отдельные слова или даже части слов, написал проект постановления Политбюро о том, что в высказываниях Горького, помещенных в «Коммунистическом Интернационале», «не только нет н и ч е г о коммунистического, но много а н т и коммунистического».

Однако, чтобы не впасть в грех упрощения и односторонности, быть может, самый опасный для задуманного нами труда, дадим еще коротенькую справку. Это выдержка из письма Надежды Константиновны Крупской, посланного Горькому: «...Ильич в последний месяц своей жизни отыскал книгу, где Вы писали о нем, и велел мне вслух читать Вашу статью. Стоит у меня перед глазами лицо Ильича, как он слушал и смотрел в окно куда-то вдаль — итоги жизни подводил и о Вас думал».

Вернемся в зал Московского комитета партии — зал, что звался красным, ибо его стены были выкрашены темно-вишневым колером,— на заседание, посвященное пятидесятилетию Ленина.

Юбилей происходил без юбиляра. Владимир Ильич не захотел выслушивать поздравительных речей, отверг все уговоры, назвал затею никчемушной. Передавали, что, высмеивая назначенное чествование, он обратился к самому себе по Чехову: «Глубокоуважаемый шкаф!» И наотрез заявил, что ни за какие коврижки его не заманят сыграть эту глупейшую да и попросту непристойную роль.

Тем не менее на вечере разнесся и другого рода слух, исходивший не то от Надежды Константиновны — вон она, очень худая, с приметной родинкой справа на лбу, с непривычным ее щекам румянцем, сидит в седьмом или восьмом ряду,— не то от светловолосого Бухарина, поворачивающего туда-сюда лысеющую голову, мальчишески непоседливого даже и тут, за столом президиума, слух, что все-таки в какой-то мере удалось уломать Ленина: он здесь появится, правда, лишь после того, как отговорят ораторы.

Докладчиком выступил Лев Борисович Каменев, тогдашний председатель Московского Совета, или, как в шутку говорили, лорд-мэр Москвы. В этой шутке содержалось что-то меткое. Он, член Политбюро Российской Коммунистической партии, что вершила самую решительную в мировой истории революцию — революцию всех обездоленных против всех угнетателей,— впрямь являл в своем облике, в повадке некую напоминавшую Англию респектабельность. Спокойные, плавные жесты подошли бы представителю безукоризненно солидного, устойчивого дела. Осанку подчеркивал красивый постав головы, которую увеличивала русая, с отливом золота густая шевелюра, уже на висках с проседью. Линии столь же золотистых, с рыжей окаемкой бородки и усов были мягки. Спокойно двигались белые, породистые руки. Мягкость, природное добродушие сквозили и в выражении голубых, немного выпуклых глаз, взиравших сквозь пенсне. Военного образца коричневая куртка, именовавшаяся френчем, на нем как-то не замечалась, обмявшимися складками свободно облегала кругловатые плечи, плотную, склонную, как говорится, к полноте, но отнюдь еще не располневшую фигуру.

За Каменевым не числился дар сильной самостоятельной мысли, и, вероятно, поэтому он, несмотря на эрудицию, юмор, острый, быстро схватывающий ум, ораторскую и литературную талантливость, оставался все же несколько безличным, бесцветным. Вместе с тем он обладал редкой способностью резюмировать, подводить итог высказывания, формулировать сложившееся мнение, не впадая в крайности, в пристрастия. И сплошь и рядом превосходно исполнял роль председателя или докладчика.

Ушли, казалось, в дымку времени дни семнадцатого года, когда он — в апреле и затем в октябре — схватывался с Лениным, получая в ответ нещадно разящие удары. Мысль, воля, непримиримость Ильича сгибали Льва Борисовича. Со склоненной повинной головой он тогда же возвращался к Ленину. И теперь эпически спокойно, основательно, в духе своих лучших резюме произносил вступительный доклад к чествованию Ленина:

— Человек величайшего ума, величайшей воли, величайшего напряжения и величайшей прозорливости. Я не хочу употреблять здесь, в родной семье борцов-коммунистов, слов слишком широковещательных и слишком больших, но если все это сжать в одно-два слова, то это слово было бы, конечно, гениальная способность Владимира Ильича.

Фразы несколько шаблонны, уже стерты в обиходе, но пробивается живая теплота:

— Человек, который неоднократно оставался один, человек, который неоднократно объявлялся сектантом, раскольником, который неоднократно видел, что он как будто оказывается в стороне от широкой исторической дороги. И вдруг выяснилось, что эта широкая историческая дорога пролетариата лежит там, где стоит Ленин.

Что-то личное, не свойственное стилю Каменева, еще заметней возникает в его речи.

— Я не знаю случая, чтобы Ленин задумался над расколом с самым близким своим другом, с самой могущественной организацией, если он был уверен, что они отступили от теории пролетарского социализма.

Перейдя к прежнему эпическому изложению, Каменев выделяет самые дорогие Ильичу, заветнейшие мысли:

— Русский пролетариат принужден был ходом истории России поставить вопрос о власти и государстве. Первые образцы революционного решения вопроса о власти были даны Владимиром Ильичем.

Сейчас ни одной интонацией Лев Борисович не показывает, что в свое время и он отвергал эти идеи Ленина. Да, было и быльем поросло. Зато потом он, ничуть не поступясь солидностью, заново крестился, так сказать, в ленинской купели, стал как бы ревнителем ленинской теории государства:

— Когда Владимир Ильич сказал, что трудящиеся низы сами должны управлять государством, это было в истории человечества действительно новым словом. Ленин создал эту новую теорию, конечно, опираясь на гениальное предвидение Маркса, извлек его и разработал в целую систему, воплотил в ежедневную практику управления. Вот это абсолютное доверие, эта абсолютная уверенность, что каждый чернорабочий может взяться за государственное строительство,— вот это и спасает наше дело.

2

Вслед за Каменевым говорил Горький.

Среди слушателей находился Алексей Платонович Кауров, прибывший с Юго-Западного фронта делегатом Девятого партийного съезда, задержавшийся в Москве из-за болезни — он на пути в столицу подхватил еще гулявшую по стране жестокую хворь, что звалась испанкой, ходил, температура, на съезд и был вдобавок наказан воспалением легких. Лишь вчера выпущенный врачами на волю, он пристроился тут вместе с другими, кому не досталось места в зале, прямо на половицах сцены близ добротно сработанной трибунки, которая — дитя революции — не блистала лаком, была промалевана немудрящей морилкой. В том же углу расположились и стенографистки, порой недовольно шикавшие на теснившихся и к их столику безместных слушателей. Доставалось и Каурову, иногда ворочавшемуся или по живости натуры общавшемуся шепотком с соседями. Уловив идущее от столика «т-с-с-с», он всякий раз картинно зажимал кулаком рот, потом просил извинения улыбкой, что выказывала чуть обозначившиеся ямочки на осунувшихся в дни болезни щеках, где, правда, уже пробивался свежий румянец, характерный для Каурова, словно добавлявший мазок наивности серьезным его чертам.

Ему не привелось сбросить с плеч шинель, опоздав, он пренебрег раздевалкой, прошел напрямик, благо тут, в Московском комитете, как, впрочем, в те годы и повсюду, не было на сей счет строгостей. Примостившись на дощатом настиле, он снял свою изрядно мятую военную фуражку, обнажив небольшую лысинку, образовавшую на самой макушке розовый правильный кружок среди льняных тонких волос. Белесый короткий зачес странно сочетался с густо-черными, точно нанесенными углем бровями. Так перемешались, перепутались в нем черты отца, русского полковника, и грузинки-матери.

Время от времени Кауров наскоро фиксировал в записной книжке некоторые, на его взгляд, чем-либо знаменательные, сказанные с трибуны слова. Сегодняшняя его карандашная скоропись, подчас едва разборчивая, где зачастую окончания слов отсутствовали, не залежится, пойдет в дело, будет прочтена вслух сотоварищами-политотдельцами, понадобится, наверное, и для его докладов на партсобраниях в частях армии, с которой он делил и невзгоды отступления, и победный путь на берега Черного моря,— завтра-послезавтра он снова укатит туда.

Придется, должно быть, и во фронтовую газету дать отчет о вечере, что называется, по личным впечатлениям. Однако это-то для него, сотрудничавшего еще в дореволюционной «Правде», разлюбезное занятие: он охотно посидит над статьей за полночь, были бы бумага, карандаш да табак!

Как и притихшую аудиторию, Каурова растрогала нескладица горьковской речи, признание: слов не нахожу, не понимаю, совершено нечто чудесное, необъяснимое, совершено Лениным, редчайшим в истории человеком, которому под силу чудеса.

Опять черкануз в записную книжку строку-другую, Алексей Платонович (или коротко Платоныч, как в товарищеском кругу прозвали его) посматривал на Горького.

Нечто чудесное... Да, возглавляемая большевиками революция отстояла, утвердила себя в вооруженной борьбе. Поле сражения в бывшей Российской империи — еще только в ней одной!— осталось за нами, за невиданным новым государством, новым обществом. Вот заполненные сплошь ряды. Гражданская война положила свой отпечаток на одежду. Штатских пиджаков немного. Галстуков — один-два и обчелся. Там и сям кожаные куртки. И суконные, с накладными карманами френчи. Несколько красных косынок, повязанных вокруг женских голов,— единственные яркие вкрапления. Еще не минуло и трех лет с тех пор, как Ленин вынужден был скрываться в шалаше, а ныне...

Нечто необъяснимое... Нет, не по его велению произошла Октябрьская революция. История была ею беременна. Ленин это угадал, постиг. Если не танцевать от такой печки, конечно, ничего не уяснишь. Платоныч не раз в этаком духе трактовал закономерность Октября в своих лекциях в армейской политшколе,— он, нагруженный еще многими обязанностями, все-таки урывал время, чтобы вести там курс исторического материализма.

...Место на трибуне уже занял Ольминский, давний последователь Владимира Ильича, один из старейших в этом зале. Нежно-розовая, не тронутая морщинами кожа как бы усугубляла ребячливость его лица, охваченного седой, без единого темного волоска густой шевелюрой и вольно разросшейся столь же белой бородой.

Он, когда-то подписывавший свои статьи в нелегальных большевистских газетах броским псевдонимом «Галерка», теперь шутливой ноткой развеял торжественную серьезность собрания:

— Приглашение высказаться было, товарищи, для меня нечаянным, и первым чувством у меня был страх.

Шутка дошла — дошла, наверное, потому, что в ней содержалась и правда. Стенографистка условной закорючкой обозначила «смех». Вместе с другими засмеялся и Кауров.

А седовласый ветеран партии, участник множества политических драк, неизменно воевавший на стороне, как говорилось, твердокаменного большевизма, теперь, улыбаясь почти детской голубизны глазами, продолжал:

— У Владимира Ильича есть хорошие словечки. Например, хлюпкий интеллигент. Все мы, интеллигенты, действительно хлюпики, кроме товарища Ленина и некоторых других.

Каурову в тот миг подумалось: переборщил! Себя Платоныч к званию хлюпиков не причислял.

Тем временем оратор, отрекомендовавшийся — в шутку ли, всерьез ли? — интеллигентом-хлюпиком, проделал то, о чем позабыли и председатель, и докладчик, и все, кто уже выступил.

— Тут говорили,— произнес Ольминский,— что Ленин великий организатор. Я, товарищи, внесу добавление. Да, Ленин великий организатор с помощью Надежды Константиновны, своего самого...

Загремевшие отовсюду хлопки прервали речь. Все, не жалея ладоней, аплодировали. Слышались возгласы: «Надежду Константиновну в президиум!», «Надежда Константиновна, встаньте, покажитесь!». Но она, опустив голову — Кауров со сцены мог видеть ее темно-русые волосы, разделенные неглубокой бороздкой пробора, не очень приглаженные и сегодня, приметил и запылавшие, не совсем скрытые прической ее уши,— она, опустив голову, по-прежнему сидела в седьмом или восьмом ряду. Поверх белой свежей блузки был надет обыденный, что и на работе служил Крупской, темный в полоску сарафан. На коленях лежали нервно сцепленные ее руки, давненько утратившие молодую плавность очертаний: уже пролегли выпуклости вен, угловато выдавались косточки у основания худощавых, не помилованных морщинками пальцев.

Наперекор шуму Ольминский пытался сказать что-то еще о жене Ленина:

— Самый близкий, самый верный ему человек...

Какие-то фразы пропадали в гуле. Выразительно взглянув на председателя, стенографистка держала над тетрадью замершее, бездействующее сейчас перо. Кауров все же улавливал:

— Исключительное свойство Ленина: готов остаться хоть один против всех во имя... Нет, он и тогда не один: с ним в самые трудные минуты Надежда Константиновна.

Она так и не поднялась: переждала, пересидела овацию.

Платоныч вновь на нее поглядывал. Судьба в некотором роде обделила его. Ему уже тридцать два года, но женщины-друга он доселе не обрел. Бывали, конечно, увлечения, но любви, такой, в которой сплелись бы, сплавились два существования, ему знавать не привелось. Кауров привык к этой своей доле, что в мыслях как-то связывалась с мытарствами революционера, с профессией, которой он себя отдал. Но понимал: у каждого это решается особо, не вынешь рецепта. И почти не задумывался о своей незадаче.

Выступил на вечере и Луначарский, один из одареннейших людей ушедшего в историю времени.

Пленительная легкость речи, будто самопроизвольно льющейся, сочность, сочетавшаяся с афористичностью, редкая щедрость ассоциаций, экскурсов в далекое и близкое прошлое, меткость наблюдений, необыкновенный талант характеристики, способность несколькими живыми штрихами дать почти художественный словесный портрет — таков бывал на трибуне оратор божьей милостью, народный комиссар просвещения Анатолий Васильевич Луначарский.

Воевавшая революция посылала его, превосходнейшего агитатора, и на фронты. Памятью об этом явились кадры кинохроники, изображавшие Анатолия Васильевича в красноармейской гимнастерке и грубых военных сапогах близ бронепоезда. И все же вопреки всяческим превратностям тех стремительных годов Луначарский каким-то почти непостижимым способом сохранил давнюю холеность небольших усов и бородки, что на французский лад звалась «буланже». «Старый парижанин» — так иной раз под веселую руку он был не прочь рекомендовать себя.

На мясистом и вместе с тем тонко пролепленном носу прочно угнездилось пенсне в роговой темной оправе, так сказать, чеховское, хоть и без шнурка, но с предназначенным для него выступающим колечком. Эти черточки как бы олицетворяли интеллигентность, может быть, даже чуточку богемную, вольно литераторскую.

Однако довольно описаний! Заглянем в записную книжку Алексея Платоновича, где он, если воспользоваться выражением позднейших времен, «взял на карандаш» и кое-что из посвященной Ленину речи Луначарского.

...Редко когда земля носила на себе такого идеалиста.

...Откуда этот неудержимый поток энергии? Почему эта суровая расправа с врагами? Только потому, что это нужно для реализации высоких идеалов.

...Непреклонность Ильича.

...Знать, чего хочет противник, проникнуть в тайники его души, прищуренным глазом рассмотреть, что он скрывает за своим словом, проницательно его поймать — таков Ильич.

3

Председательствующий объявил:

— Слово предоставляется товарищу Сталину.

По-прежнему восседая на полу, Кауров заворочался, посмотрел туда-сюда, даже себе за спину. Вот так штука — проглядел Кобу: этим именем, партийной кличкой, и по сию пору называли Сталина давние товарищи. К таким принадлежал и Кауров. Однажды, еще в дореволюционном Питере, Коба, не склонный к излияниям, скупо ему сказал: «Ты — мой друг!»

Среди тех, кто обретался на помосте — даже на дальних, у задника, стульях,— Сталина не оказалось. Это, впрочем, не было в новинку: словно бы презирая тщеславие, Сталин не любил, особенно в торжественных случаях, красоваться на виду, предпочитал побыть в тени. Э, вон Коба выходит из-за кулис, из глубины, что заслонена перегородкой. Наверное, по свойственной ему привычке он там расхаживал, потягивая дымок из трубки.

Да, на ходу спокойно прячет трубку в карман военных, защитного цвета брюк. Из такого же военного сукна сшита куртка с двумя накладными верхними, на груди, карманами, немного оттопыренными. Крючки жесткого стоячего воротника он оставил незастегнутыми — это придает некую вольность, простоту его обличью. Сапоги на нем тяжелые, солдатские, с прочно набитыми, ничуть не сношенными, крепчайшей, видимо, кожи каблуками. Широки раструбы недлинных голенищ.

В конце прошлого, 1919 года ему минуло ровно сорок. Малорослый, поджарый, он идет не торопясь, но и не медлительно. Чуточку сутулится, не заботится о выправке — этот штрих тоже будто говорит: да, солдат, но не солдафон. Походка кажется и легкой, и вместе с тем тяжеловатой, верней, твердой: он ставит ногу всей ступней. Черные, на редкость толстые, густые волосы, возможно, зачесанные лишь пятерней, вздыблены над низким лбом. За исключением лба черты в остальном соразмерны, правильны. Прикрытый жесткими усами рот, отчетливо вычерченный подбородок и особенно взгляд чуть исподлобья — этот взгляд, впрочем, враз не охарактеризуешь,— делали сильным смуглое, меченное крупными оспинами его лицо.

Подходя к трибуне, Сталин вдруг увидел среди устроившихся на половицах сцены приметное лицо Каурова. Тускловатые, без искорок глаза Кобы выразили узнавание, под усами мелькнула улыбка, физиономия, да и вся повадка Сталина еще не утратила подвижности.

Его не встретили ни аплодисментами, ни какой-либо особой тишиной. Член Политбюро и Оргбюро Центрального Комитета партии, он, не блистая ораторским или литературным искусством, пользовался уважением как человек ясного ума, твердой руки, организатор-работяга, энергичнейший из энергичных. Ничего для себя, вся жизнь только для дела — таким он в те годы представал.

Взойдя на приступку кафедры, он сунул за борт куртки правую ладонь, левую руку свободно опустил и, не прибегая к помощи блокнота или какой-либо бумажки, спокойно, даже как бы полушутливо, со свойственным ему резким грузинским акцентом заговорил. Фразы были коротки, порою казалось, что каждая состоит лишь из нескольких слов. Однако слово звучало весомо, быть может, именно потому, что было кратким.

Неотступно раздумывая впоследствии, много лет спустя, над тем, как обернулись пути партии и страны, да и над собственной участью, Кауров не однажды возвращался мыслью к тогдашнему, на вечере в честь Ленина выступлению Кобы.

Прорицал ли тяжелый взор Сталина схватку, борьбу, что разыгрывалась лишь еще в затуманенной, не сказать непроглядной дали? Рассматривал ли, рассчитывал ли, готовил ли уже будущие смертоносные свои удары?

Некогда, чуть ли не в первую встречу — это было весной 1904 года в буйно зеленевшем грузинском городке,— обросший многодневной щетиной подпольщик Коба, беседуя с исключенным из гимназии юношей Кауровым, тоже членом партии, сказал:

— Тайна — это то, что знаешь ты один. Когда знают двое — это уже совсем не тайна.

Кауров счел изречение странноватым, не придал тогда ему значения. Но потом...

Однако не лучше ли послушать речь Сталина на вечере, о котором мы даем отчет? Сперва, впрочем, заметим: в свежем, без малого сплошь отданном пятидесятилетию Владимира Ильича номере «Правды» была опубликована статья Сталина «Ленин, как организатор и вождь РКП». Поэтому в кругу отборных партийцев Сталин мог себе позволить как бы вдобавок к статье, выражавшей поклонение Ильичу, затронуть кое-что, не предназначенное для газеты.

Он начал так:

— После произнесенных речей и воспоминаний мне остается мало что сказать. Я хотел бы только отметить одну черту, о которой никто еще не говорил,— это скромность товарища Ленина и его мужество признавать свои ошибки.

Не заботясь порой о грамматике, все в той же неторопливой, словно бесстрастной манере, без жестов Коба изложил следующее:

— Мне вспоминается, как Ленин, этот великан, дважды признался в промахах, допущенных им. Первый эпизод — решение о бойкоте Виттевской думы в Таммерфорсе, в Финляндии, в 1905 году в декабре, на общероссийской большевистской конференции.

В этих простых фразах, далеких, казалось бы, от злобы дня, в этих названиях и датах, которые будто только сейчас, сию минуту рождались в памяти не пользующегося никакой записью оратора, содержалось или, точней, таилось что-то, заставлявшее внимательно слушать.

— Близкие товарищу Ленину люди — семерка, которую мы, провинциальные делегаты, наделяли всякими эпитетами, уверяла, что Ильич против бойкота и за выборы в Думу. Оно, как выяснилось потом, так и было действительно. Но открылись прения, повели атаку провинциалы-бойкотисты, питерцы, москвичи, сибиряки, кавказцы,— Сталин приостановился, выговорив это слово «кавказцы», ничем больше он против скромности не погрешил, не выдвинул себя,— и каково же было наше удивление, когда в конце наших речей Ленин выступает и заявляет, что он был сторонником участия в выборах, но теперь он видит, что ошибался, и примыкает к делегатам с мест. Мы были поражены. Это произвело впечатление электрического удара. Мы ему устроили овацию. А семерка...

Оборвав или, хочется сказать, обрубив фразу, Сталин левой рукой как бы отмахнулся, что-то будто сбросил. Таков был первый его жест. Отнюдь не размашистый, даже, пожалуй, не свободный, как если бы кто-то придерживал локтевой сустав, не давал воли. Правая рука за бортом кителя вовсе не двинулась.

Далее Сталин перешел ко второму случаю. Тут он сообщил некоторые подробности Октябрьского переворота. Рассказал, что еще в сентябре Ленин предлагал разогнать так называемый предпарламент, сформированный правительством Керенского. Разогнать и захватить власть.

— Нам казалось, что дело обстоит не так просто... Нам казалось, что все овражки, ямы и ухабы на нашем пути нам, практикам, виднее.

Опять Сталин себя не выставлял, формула «нам, практикам», сочетала, казалось, скромность и достоинство. Ни капли лицемерия никто не смог бы различить в спокойном его тоне, в правильных, исполненных силы чертах рябой физиономии. Он продолжал:

— Но Ильич велик. Он не боится ни ям, ни ухабов, ни оврагов на своем пути, он не боится опасностей и говорит: «Встань и иди прямо к цели».

Что-то покоробило Каурова. «Велик... Встань и иди прямо». Иронизирует? Но тон ровен, не ироничен. Впрочем, за Кобой водится такого рода не открывающая себя интонацией, спокойная насмешливость. Или, может быть, он, доселе так и не овладевший изгибами, тонкостями русского языка, лишь грубо обтесывающий фразу, негибко, плохо выразился? Вероятно, он сейчас себя поправит. Нет, Сталин удовлетворился определением.

— Мы же практики, считали,— продолжал он,— что невыгодно тогда было так действовать, что надо обойти эти преграды, чтобы взять потом быка за рога. И, несмотря на все требования Ильича, мы не послушались его, пошли дальше по пути укрепления Советов и довели дело до съезда Советов 25 октября, до успешного восстания.

Хм... Что ж это такое? Октябрьская революция, значит, совершена, так сказать, несмотря на ошибки Ильича? «Не послушались его...» Для чего, собственно, Сталин завел такую речь? Что в ней заложено? Предупреждение, что не всегда надо слушаться Ленина? И поработать собственным умом? Конечно, только это. И ничего больше.

— Ильич был,— говорил Сталин,— тогда уже в Петрограде. Улыбаясь и хитро глядя на нас, он сказал: «Да, вы, пожалуй, были правы». Это опять нас поразило.

Помолчав — такие паузы были в выступлении Кобы нередки — он кратко закончил:

— Товарищ Ленин не боялся признать свои ошибки. Эта скромность и мужество особенно нас пленяли.

Не закруглив речь какой-либо эффектной концовкой, не ожидая аплодисментов, как бы равнодушный к знакам одобрения, хвалы, верный себе, своей строжайшей схиме, он оставил кафедру, зашагал не быстрой, но и не медлительной твердой походкой в глубину сцены.

Ему захлопали. Кауров тоже подключился к небурной волне рукоплесканий, заглушив копошившиеся в нем туманные сомнения. Случайно он опять взглянул на Крупскую. Надежда Константиновна сидела уже не опустив голову, а выпрямившись, глядя на сцену. Она не аплодировала. Суховатые сцепленные пальцы застыли на полосатой ткани сарафана. Каурову почудилось, что ее глаза, которым базедова болезнь придала характерную выпуклость, сейчас словно прищурены. Да, стали явственней гусиные лапки у глаз.

Каурову и это припомнилось впоследствии, много лет спустя, когда он раздумывал над большими судьбами, да и над собственной своей долей. И над давними-давними словами Кобы: «Тайна — это то, что знаешь ты один».

4

Вскоре был объявлен перерыв. Участники собрания хлынули в коридоры, на лестницу и в сени, тогда еще не именовавшиеся вестибюлем. Некоторые выбрались во двор, где темнели голые с набухшими, нераскрывшимися почками кусты и погуливал изрядно похолодавший к ночи ветерок. Лишь крайняя необходимость могла кого-либо принудить не остаться на предстоящее продолжение вечера. Все ожидали Ленина. Какими-то путями — они на фронте зовутся «солдатским телефоном» — распространилась весть: Крупская только что позвонила Владимиру Ильичу, сообщила об окончании юбилейных речей, и он уже сел в автомобиль, едет сюда.

Помост сцены в минуты перерыва обезлюдел. Вслед за другими, кто тут занимал стулья или, подобно Каурову, местечко на половицах, Платоныч, то и дело здороваясь с давними знакомыми, разговаривая на ходу с тем или иным, пошел за переборку в примыкавшее к сцене помещение. Оно, хоть и обширное, казалось сейчас тесным. Там стояли и прохаживались, разносился гомон голосов, порой в разных концах вспыхивали раскаты смеха. Немало известных в партии острословов, мастеров шутки оказались сейчас здесь.

Достав папиросу, Кауров пробирался к раскрытому настежь окну, возле которого сгрудились курильщики. И вдруг малоприметная боковая дверка распахнулась, оттуда чуть ли не прямо на Каурова быстро шагнул Ленин. В одной руке он держал папку, другая уже расстегивала пуговицы демисезонного, с потертым бархатным воротником пальто, купленного еще за границей. Кепка, служившая, видимо, со дней возвращения Ленина в Россию, покрывала его голову. В тени козырька был заметен живой блеск небольших глаз, прорезанных несколько вкось, словно природа здесь положила монгольский штришок, еще, пожалуй, усиленный приметными на худощавом лице выступами скул. Широкий нос, крупные губы, в уголках которых будто таился задор или усмешка, темно-рыжие, уже явно нуждавшиеся в стрижке, залохматившиеся бородка и усы — все это было не то профессорским, не то мужицким, характерно русским: русский профессор, как известно, частенько смахивает на мужика.

Едва не столкнувшись с Кауровым, Ленин проговорил:

— Извините.

И, присмотревшись, воскликнул:

— А, математик! Здравствуйте.

Затем порывисто обернулся, крикнул:

— Надя, где же ты?

Поспевавшая за быстро взбежавшим сюда мужем, раскрасневшаяся и как бы помолодевшая в этот особенный вечер, Надежда Константиновна появилась в проеме растворенной дверцы. Длинное темное платье-безрукавка почти достигало грубоватых, на шнурках башмаков. Лицо отнюдь не принадлежало к таким, что зовут точеными. Наоборот, крупную лепку отличала некая простонародность. Неудивительно, что в минувшем веке Крупская, повязавшись платком, проникала под видом работницы в труднодоступные пропагандистам корпуса фабричных спален или опять-таки в обличии работницы ездила летом 1917 года к скрывавшемуся в Финляндии Ильичу.

Сейчас неожиданно женственным, будто впрямь вернулась молодость, движением она поправила закрученные назад в бесхитростный узел, заколотые немногими шпильками русые волосы. Ее сутуловатость теперь не была заметной.

— Трёпа я, трёпа,— негромко сказала она. И перевела дух.— Ох, с тобою запыхаешься.

Владимир Ильич мгновенно спохватился:

— Черт побери, виноват... Как же это я?

Он сдернул кепку, обнажив мощный лысый купол, впоследствии бесчисленно описанный. Не раз в этих описаниях фигурировало имя мыслителя древности Сократа: сократовский лобный навес, сократовские выпуклости. Здесь, однако, просится впечатляющее свидетельство иного рода. Пусть читатель примет его вместо лирического отступления.

Роза Люксембург в 1907 году в Штутгарте на конгрессе Второго Интернационала сказала Кларе Цеткин:

— Взгляни хорошенько на этого человека. Обрати внимание на его упрямый, своевольный череп. Настоящий русский мужицкий череп с некоторыми слегка монгольскими линиями. Череп этот имеет намерение пробить стены. Быть может, он при этом расшибется, но никогда не поддастся.

Владимир Ильич сдернул кепку и, не без досады будто крякнув, почесал в затылке. Каурову припомнилось: вот точно так же широкая кисть Ленина потянулась к затылку в один далекий день, свыше десяти лет назад в Париже, когда он, Кауров, в ту пору студент-математик Льежского политехнического института, сидел у Ильичей, как звали в эмиграции совместно Ленина и Крупскую...

5

Теперь, десять лет спустя, в Московском комитете партии в комнате за сценой Кауров, уже наживший и круглую плешинку, и взлызы, подбирающиеся к ней, держа в руке военную фуражку с красной жестяной на околышке звездой, в шинели, которую наискось пересекает ремешок полевой сумки, вновь лицом к лицу повстречался с Ильичами.

Не раз в годы революции Алексей Платонович видел и слышал Ленина то издалека, то поближе, но лишь теперь впервые после парижского знакомства с ним разговаривает.

В комнате гомон сменяется затишьем, распространяющимся будто волна,— заметили появившегося Ильича. Оглянувшись на жену, которую быстрый его шаг вогнал в одышку, почесав в затылке, как бы прося этим у нее извинения, Владимир Ильич опять обращается к Каурову, или — по давней партийной кличке — Вано:

— Настали-таки или, вернее, настают, товарищ Вано, времена, когда нам требуются математики.— Стремительность вновь овладевает Лениным, он чуть ли не скороговоркой кидает вопросы: — Как у вас на сей счет обстоят дела? С тех пор еще учились? Закончили математический?

— Не кончил, Владимир Ильич.

— Наверстывать думаете? Отвоюем — и наверстывайте!

Кругом водворяется прежний живой шумок. Нет, впрочем, не совсем прежний, поглуше. Сунув кепку в карман пальто, Ленин непроизвольным движением крепко, словно бы с мороза, потирает руки. Потирает уже на ходу, быстро шагая. Вот кому-то он кивнул, с кем-то перебросился, приостановившись, фразой-другой и опять пошел широким скорым шагом.

Алексей Платонович здоровается с Крупской. Она мягко, но, пожалуй, несколько рассеянно улыбается ему. И снова ее зеленовато-серые, выпуклые от «базедки» (так издавна в семье Ильичей называют базедову болезнь, которая еще в эмиграции стала неотвязной ношей Надежды Константиновны) глаза обеспокоенно следят за мужем. Что-то, вероятно, стряслось в те немногие часы, протекшие с обеда, когда по обыкновению они сошлись втроем — то есть еще и Мария Ильинична, Маняша, сестра Ленина,— в своей кремлевской кухоньке-столовой. За обедом Ильич был ровен, шутлив: поев, играл с котенком, а сейчас не тот — охвачен волнением, возбужден. Наверное, для стороннего взгляда остается неприметным это состояние Ленина: ведь Ильич и обычно-то порывист. Крупская, однако, разгадывает проникновенней. Что-то произошло. Даже походка его чуть изменилась: корпус, как в беге, слегка вынесен вперед. Таким Ильич бывал в самые значительные, в решающие дни. Из-за чего же теперь он запылал? Конечно, причина не в этом вот юбилейном вечере, который он вышучивал. Но в чем же? Не приключилось ли чего на заседании Совнаркома, где только что он председательствовал? Или, может быть, она ошиблась? Может быть, ей лишь мерещится, что Ильич как-то особенно заряжен?

В углу у вешалки Ленин энергичным движением высвобождается из своего пальто. Нечаянно пальто увлекает за собою рукав расстегнутого ленинского пиджака. Ленин на какие-то мгновения остается в жилете и в голубоватой линялой сорочке. Мягкая манжета аккуратно стянута запонкой. Воротник тесно, посредством цепочки, прилегает к проглаженному темному галстуку. Видно, как широка, объемиста грудная клетка. Ткань сорочки обрисовывает мускулистые, дюжие выступы плеч.

Прозванный еще в свои молодые годы Стариком, он и сейчас, когда стукнуло полсотни, отнюдь не стар. Атлетическое его сложение как бы предвещает, что он еще долго будет этаким же крепышом, здоровяком. Чудится, нет ему износа.

У Платоныча, неотрывно глядящего на Ленина, мелькает мысль: его здоровье — это несокрушимая координата революции.

Усмехаясь собственной оплошке, Ленин быстро надевает пиджак. Его уже обступили, поздравляют. Он, выставив перед собой широкие коротко-палые ладони, этим картинным жестом защищается, отказывается принимать поздравления. И вдруг громко разносится его всем тут знакомый, с характерной картавостью голос:

— Анатолий Васильевич, вы опять, кажись, уда-а-ились в идеалистическую чушь. Гово-о-ят, возвели и меня в идеалисты.

Луначарский, с кем-то оживленно разговаривавший, круто оборачивается и, придерживая покачнувшееся на мясистом носу пенсне, умоляюще опровергает:

— Владимир Ильич, поверьте. Даю вам слово, это...

Взрыв хохота прерывает его уверения. Выясняется, что вовсе не Ленин обратился к Анатолию Васильевичу. Это сделал, с удивительным искусством подражая говору Ильича, записной шутник — чернявый подвижный Мануильский, автор множества анекдотов, наделенный и талантом имитатора. При случае он разыгрывал целые сценки в лицах, изумительно копируя любой голос и повадку. Роль Владимира Ильича является одним из коронных номеров его репертуара. И уж так повелось: где Мануильский, там неудержимый смех.

Ленин осуждающе покачивает лобастой головой. Расшалились, словно дети. Но явился же он сюда не для того, чтобы наводить скуку. Вновь непроизвольно потерев руки, он и качает головой, и улыбается. Кто-то острит:

— Неужели и сегодня, Владимир Ильич, у вас чешутся руки задать порку?

— Напрашиваетесь, батенька? — тотчас откликается Старик.

И длится смех. Покрасневшему Анатолию Васильевичу тоже не остается ничего более, как рассмеяться.

Шутка Мануильского, раскаты хохота заставили почти всех обернуться. Лишь Сталин мерно шагал к противоположной стене. Только пыхнул дымком из трубки. Видна его сухощавая, облегаемая военной, со стоячим воротником курткой сутуловатая спина.

6

Меж тем несколько кудлатый, с темной щеточкой усов, весь как бы на шарнирах Мануильский не унимается — некий бесенок подбивает его отколоть новое коленце. Озорно посмотрев на Сталина, он опять искуснейше воспроизводит грассирующий говорок Ильича:

— А вы, това-а-ищ...

Уже на кончике языка повисло: Сталин. Вдруг непревзойденный имитатор запинается. К нему с неожиданной, будто кошачьей легкостью повернулся Коба, вперил тяжелый взор. Черт возьми, каким нюхом Коба разгадал, что ему в спину нацелена стрела? Затылком, что ли, видит? Глаза Сталина сейчас недвижны, в карей радужке явственно проступил отлив янтаря.

Под этим взглядом Мануильский на миг, что называется, прикусывает язык. Однажды этот весельчак уже имел случай убедиться, что со Сталиным лучше не шутить.

Случай был таков. Поезд Сталина, возглавлявшего Революционный Военный Совет Царицынского фронта, шел с Волги в Москву. Охрана в теплушке, дежурные пулеметчики на бронеплощадке на всякий случай прикрывали поезд. В хвосте двигался вагон Мануильского, которому была тогда поручена горячая работа чрезвычайного комиссара продовольствия в районе Украины и прилегающих южных областей.

В пути Мануильский коротал вечерок у Сталина в его вместительной, по вагонным масштабам, столовой. Туда сошлись некоторые близкие Сталину люди, сопровождавшие его. За стаканом вина Мануильский разыгрался. Кого только он в тот вечер не показывал! Начал с Троцкого, воспроизвел металлически чеканный голос, сумел даже, как божьей милостью иллюзионист, достичь того, что присутствующие вдруг словно

узрели несколько высокомерный профиль Троцкого, профиль не то Мефистофеля, не то пророка. Неприязнь, вражда между Сталиным и Троцким в те месяцы — в жизни Сталина «царицынские» — разгорелась, стала открытой. Эффектные сценки с участием Троцкого вознаграждались хохотом. Удались на славу и другие импровизации-перевоплощения.

Уже поздно, что называется, под занавес, Сталин спросил:

— А меня показать можешь?

— Пожалуйста!

И разошедшийся, слегка под хмельком, гость талантливо в нескольких эпизодах сыграл Сталина. Придал физиономии грубоватость. Заставил глаза каким-то фокусом утратить блеск. Изобразил: Сталин, сунув руку за борт френча, диктует телеграмму: «Я, Сталин, приказываю дежурному немедля отправить по назначению. Москва. Ленину. Пусть Мануильский даст телеграфное распоряжение своим уполномоченным не захватывать наших продовольственных грузов и мануфактуры, не противодействовать приказам Сталина. Копию за номером мне, Сталину. Горячий привет. Сталин».

За столом вновь хохотали. И больше всех смеялся Сталин.

Распрощавшись, вернувшись к себе, Мануильский сладко уснул под убаюкивающее постукивание, покачивание вагона. Утром, уже сквозь дрему, он неясно ощущал какую-то странно долгую тишину и неподвижность. Оказалось, его вагон отцеплен, стоит в тупике на какой-то глухой станции.

С того времени Мануильский уже не рисковал шутить со Сталиным. Теперь поддался было соблазну, но, встретив взгляд Сталина, осекся.

И в мгновение перестроился. Восклицание, имитирующее голос Ильича, прозвучало так:

— А вы, това-а-ищ...э...э... Каменев? Изволили засаха-а-инить наше госуда-а-ство? Сп-я-ятали в ка-а-ман бю-о-ок-а-тизм? Благода-а-ю, п-е-евосходнейший пода-а-ок!

Давно замечено, что артист в сфере своего таланта предстает человеком более тонкого, более проникновенного ума, чем в повседневности. Это следует в какой-то мере отнести и к Мануильскому.

Коротенькое восклицание угодило, что называется, в точку. Интонация ильичевской иронии столь уместна, что удается на минуту обморочить и достопочтенного «лорд-мэра». Не распознавший подвоха, застигнутый врасплох, Каменев благодушно возражает:

— На юбилее и про бюрократизм? Не бестактно ли?

Ленин раскатисто хохочет. Сдается, все тело участвует в этом приступе безудержного смеха. Опять смеются и вокруг. Слышно, как Ленин, еще рокоча, выговаривает:

— Попались, батенька! — Уняв себя, он продолжает: — А по мне, долой такие юбилеи, на которых нельзя огреть коммунистических чинуш.— И посерьезнев, добавляет: — Выдавать теперешнюю нашу республику за образец — это такая, гм-гм, снисходительность, из-за которой в один прекрасный день нас с вами повесят.

— Но вы же сами, Владимир Ильич, писали, что...

Ленин отмахивается:

— Доводилось, доводилось писать. Но такое лыко нам в строку не поставят, если не заважничаем.

Выставив плечо, Ленин пробирается к Сталину и, взяв его за локоть, увлекает к свободному простенку. Они встали рядом, приблизительно равного роста, один — пятидесятилетний в поношенном опрятном европейском костюме, не расстававшийся во все годы российских потрясений даже с жилеткой, с запонками, с цепочкой в косых срезах воротничка, живо поворачивающий туда-сюда отсвечивающую крутизну лысины, другой — на девять лет моложе, в одежде фронтовика, на вид невозмутимый, с копной отброшенных назад черных толстых волос над низким лбом.

Из внутреннего пиджачного кармана Владимир Ильич достает сложенную вчетверо бумагу, которую час-полтора назад ему привез мотоциклист, или, как тогда говорилось, самокатчик, развертывает и без слов подает Сталину. Бумага помечена грифом «Полевой штаб Революционного Военного Совета Республики. Совершенно секретно». В сообщении говорится, что сегодня, 23 апреля, на Западном фронте вторая и третья галицийские бригады, ранее перешедшие к нам от Деникина, подняли восстание в районе Летичева, то есть на стыке 12-й и 14-й армий, и повернули оружие против советских войск. На этом участке фронта образовался опасный разрыв. Для подавления мятежа в район Летичева направлены резервы обеих наших армий.

Прочитав, Сталин поднимает голову. Ничто в его смуглом лице не изменилось. Не разглядишь душевных движений и в жесте, каким он возвращает бумагу Ильичу. Обоим отлично известны ходы и контрходы в попытках закончить миром войну с Польшей. Воинственный, верующий в свою историческую миссию глава Польского государства Пилсудский, соглашаясь на переговоры, вместе с тем отклонил предложение установить перемирие на советско-польском фронте. Там, как бы в предзнаменование близкого конца войны, уже много недель не было боев, но... Но Ленин еще с февраля, когда обозначился разгром Деникина, требовал перебрасывать и перебрасывать войска на усиление Западного, словно бы тихого, фронта. Как раз сегодня Первая Конная армия, прославившись в боях на юге, сосредоточенная под Ростовом, выступила в тысячекилометровый марш на запад. А теперь вот галицийские бригады, занимавшие изрядный отрезок фронта,— можно угадать безмолвный комментарий Ленина: «Мы тут были не рукасты, ротозейничали»,— галицийские бригады восстали, далеко опередив прибытие наших новых крупных сил. Польские войска еще не двинулись в брешь, как бы не реагировали. Однако не последует ли удар завтра-послезавтра?

— Увертюра? — вопросительно произносит Ленин.

Ответ короток:

— По-видимому.

Вот и вся беседа. Борьба требовала такого рода спетости.

7

Раздается настойчивый, приглашающий трезвон. Достав карманные часы, Ленин кидает взгляд на циферблат. Уже и отсюда, из-за кулис, гурьбой тянутся в зал. Надежда Константиновна, так и простоявшая у боковой дверцы, тоже уходит. Кауров бросает окурок в урну-пепельницу и пристраивается к покидающей кулисы череде. Вдруг он слышит:

— Тόго, здорово!

Никто, кроме Кобы, не называл этак Каурова. Но Сталин когда-то, еще в дни русско-японской войны, наделил его такою кличкой и с удивительным упорством иначе не именовал. Да, сейчас неподалеку спокойно, как бы вне спешки, толкотни, стоит улыбающийся Сталин. Несколько лет — с памятного 1917-го — им не доводилось этак вот увидеться, перекинуться словцом.

— Здравствуй, Коба.

Крепкое рукопожатие точно возрождает давнишнюю дружбу. Кауров, как ему случалось и прежде, делает некое усилие, чтобы выдержать тяжеловатый пристальный взгляд Сталина. И тоже смотрит ему прямо в глаза — узкие, миндалевидного, унаследованного с кавказской кровью сечения, цвет которых обозначить нелегко: исcера-карие да еще с оттенком желтизны, то едва заметным, то иногда явственным.

— Какими судьбами ты здесь обретаешься? — спрашивает Сталин.

Кауров кратко сообщает про свои злоключения: ехал на съезд, заболел, врачи только теперь наконец выпустили.

— Валандаться, Коба, тут не собираюсь. Загляну туда-сюда, наберу литературы и, наверное, послезавтра в путь.

— К себе в поарм?

Произнеся «поарм», Сталин, не затрудняясь, назвал и номер армии. Каурову приятно это слышать: Коба знает, помнит, где работает его давний сотоварищ.

— Конечно. А куда же?

— В какой ты там пребываешь роли?

— Секретарь армейской парткомиссии.

Кто-то подходит к Сталину, обращается к нему. Тот неторопливо и вместе с тем живо отказывается:

— Минуту! — И продолжает разговор с Кауровым: — Того, надо бы встретиться, потолковать без суеты.

— Буду рад.

Наклонившись, Сталин достает из широкого своего голенища блокнот, или, верней, военную полевую книжку. Эта простецкая солдатская манера использовать раструб сапога вместо портфеля опять-таки нравится Каурову. Полистав книжку, помедлив, Сталин говорит:

— Завтра день субботний... Так!!! В три часа завтра ты свободен?..

— Освобожусь.

— Приходи в Александровский сад. Друг друга отыщем.

Сквозь переборку в почти опустевшие кулисы врывается громыхание аплодисментов, в зале увидели Ленина.

— Иди, иди,— произносит Сталин.

А сам, нашарив в кармане карандаш, что-то помечает на раскрытой страничке, складывает книжку, сует за голенище. И остается за кулисами.

...Ленин уже вышел к трибуне:

— Должен поблагодарить вас за две вещи: во-первых, за те приветствия, которые сегодня по моему адресу были направлены, а, во-вторых, еще больше за то, что меня избавили от выслушивания юбилейных речей.

Аудитория и смеется, и аплодирует. Ленин, не выжидая тишины, демонстрирует присланную ему сегодня в подарок карикатуру двадцатилетней давности, изобразившую тогдашний юбилей Михайловского — одного из столпов народничества. Среди поздравителей нарисованы и русские марксисты. Художник представил их детьми, «марксятами».

Пустив карикатуру по рукам, Ленин быстро ведет далее свою речь. Пожалуй, ее можно счесть несколько разбросанной, не подчиненной единому архитектурному каркасу. Однако каркас есть.

Вот будто вне какой-либо связи с началом оратор обращается к строкам Карла Каутского, тоже давнишним, поясняет:

— Тогда большевиков не было, но все будущие большевики, сотрудничавшие с ним, его высоко ценили.

Зал внимает цитате:

— ...Центр тяжести революционной мысли и революционного дела все более и более передвигается к славянам.

Кауров, опять присевший на помост близ стенографисток, видит на краю кулисы Кобу, уже надевшего шинель. Суховатая рука держит на весу еще не донесенную к черноте зачеса меховую шапку. Ленин читает дальше выдержку из Каутского:

— ...Новое столетие начинается такими событиями, которые наводят на мысль, что мы идем навстречу дальнейшему передвижению революционного центра, именно: передвижению его в Россию...

Этой цитатой Ленин как бы пополняет арсенал доводов, которые он, взыскательный к себе марксист, без устали отыскивает в обоснование исторической правомерности того, что совершилось в России.

Вместе с тем в статье, приводимой Лениным, русский марксизм, русская пролетарская партия уже предстают вступившими в пору возмужалости. Наглядён убыстренный шаг истории. Детство, мужание и...

— Наша партия может теперь, пожалуй, попасть в очень опасное положение,— именно, в положение человека, который зазнался.

Надежда Константиновна со своего места в седьмом или восьмом ряду различает, как посверкивают, играют искорки в глазах-щелках Ильича. Карманы его пиджака привычно оттопырены упрятанными туда кулаками. Но куда денешь неуступчивый, драчливый наклон головы? Наверное, сейчас еще поднесет пилюлю.

Да, кто иной позволил бы себе этак здесь говорить о партии? Бестактно? Краешком глаза Ильич, может быть, схватывает в президиуме осанистую фигуру златоволосого стража тактичности. И режет:

— Известно, что неудачам и упадку политических партий очень часто предшествовало такое состояние, в котором эти партии имели возможность зазнаться.— Дает пинок самообольщению.— Блестящие успехи и блестящие победы, которые до сих пор мы имели,— ведь они обставлены были условиями, при которых главные трудности еще не могли быть нами решены.

Почти всегда выступления Ленина содержат нечто поражающее, не вдруг усваиваемое, кажущееся иной раз неуместным. Такова и его сегодняшняя речь. Слушатели попритихли.

Жестом обеих рук он как бы что-то округляет:

— Позвольте мне закончить пожеланием, чтобы мы никоим образом не поставили нашу партию в положение зазнавшейся партии.

Под рукоплескания, скорей раздумчивые, нежели бурные, он покидает трибунку, которую занимал не более десяти минут.

...Потом, уже после концерта, когда одетый во все кожаное шофер-богатырь Гиль захлопнул автомобильную дверку и плавно стронул машину, Надежда Константиновна, глядя на едва в полумгле различимый профиль Ильича, тихо спрашивает:

— Польша?

Владимир Ильич поворачивает к ней голову в нахлобученной кепке. Ведь о Польше он на минувшем вечере ни словечком не обмолвился. И кивает:

— Угу...

Вступление, подготовка текста и публикация Татьяны БЕК.

МГНОВЕНИЯ ИСТОРИИ

Фото Павла ЛУКНИЦКОГО

Удостоверение № 3219 от 14 марта 1920 г.
Российский Совет Народного Хозяйства
Главное управление Государственных сооружений
Постройка Военно-срочной дороги
Александров-Гай — Эмба
Новокузнецк

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Предъявитель сего т. Лукницкий Павел Николаевич состоит служащим по постройке военно-оперативной железнодорожной линии Красный Кут — Александров-Гай — Эмба в должности помощника зав. транспортом.

Линия эта признана Советом Рабоче-Крестьянской Обороны от 24 декабря 1919 года военно-оперативной и имеющей исключительное значение для Республики.

Все советские, гражданские и военные власти обязаны оказывать тов. Лукницкому полное и всемерное содействие во всех его законных требованиях.

Тов. Лукницкий считается мобилизованным и состоящим на военной службе в районе военных действий.

Его квартира и имущество находятся под охраной Рабоче-Крестьянской власти.

...В феврале — марте 1917 года, мотаясь по улицам родного города, еще не зная и, конечно, не понимая того, что происходит в мире, а только волнуясь, предощущая что-то грандиозное, он принимает в жизни первое самостоятельное решение: бросить гимназию и начать трудовую жизнь.

Здесь надо отдать должное его отцу. Он понял сына, помог ему разобраться в происходящих событиях, объяснил значение революции, напутствовал словами: «Николашку сбросили, теперь Россией будет править народ. Трудись ему на славу». А сам в 1918 году вступил в Красную Армию. Потом Н. Н. Лукницкий был в числе первых руководителей Волховстроя, Свирьстроя, а также одним из создателей военных оборонительных сооружений в Ленинграде в Великую Отечественную войну.

И еще отец подарил Павлу фотоаппарат, и мальчик сделал первые кадры. Это были картины Петрограда между Февральской и Октябрьской революциями.

Петроградская сторона, где жили тогда Лукницкие, представляла собою часть революционного ядра. Павлик бегал по улицам, фотографируя своим «кодаком» волновавшие всех события. Думал ли он тогда о том, что через 70 лет фотокадры эти окажутся исторической реликвией?

Дежурства домкомбедов. В контору (сейчас ее называли бы какой-нибудь базой Союза печати) на улицу Скороходова привозили газеты. Ватага мальчишек-газетчиков, среди которых часто оказывался и Павлик Лукницкий, набрав по 200—300 экземпляров (кто сколько успевал и мог дотащить), разбегалась по улицам, продавая их. Названия менялись изо дня в день. «Речь» превращалась в «Молву», «Молва»— в «Эхо»... Особенно нравилось мальчишкам название газеты «Кузькина мать», которым было заменено название газеты «Копейка» — уж больно хлестко было выкрикивать! Продавали, не разбираясь еще в расстановке политических сил.

В снимках, предлагаемых читателям «Огонька», само дыхание 1917 года.

...17 марта 1917 года по старому стилю. На Марсовом поле революционные солдаты роют братскую могилу для тех, кто пал за свободу.

Павел Николаевич рассказывал, как в начале апреля 1917 года он понес ненужные ему уже учебники своему дружку по гимназии. По улицам и переулкам спешили куда-то люди, и он присоединился к ним. У дворца Кшесинской столпился народ, и на балконе самого дворца он увидел человека. Тут он узнал, что это есть Владимир Ильич Ленин.

Лукницкий вспоминал об этом всю свою долгую жизнь и отчаянно жалел, что снимка не сделал. Но родились стихи.

В ТОТ ДЕНЬ,
ПЕРЕД ДВОРЦОМ КШЕСИНСКОЙ

Я шел по Каменноостровскому
И, миновав извозный двор,
Глядел на памятник матросскому
Геройству, где царю в укор —

Открыв кингстоны морю бьющему,
Приняв на грудь воды гранит,
Матрос бессмертье «Стерегущему»
В час смерти собственной дарит.

А по проспекту — не гранитные,
А во крови и во плоти —
Балтийцы шли, ломтями ситными
Делясь с мальчишками в пути.

Мастеровые с гимназистами
Вливались в строгие ряды,
И несколько старушек истово
Крестились: «Не было б беды!»

Навстречу им, от моста Троицкого,
От цирка, с берега реки
Другие шли... «Пора построиться!—
Раздался голос,— старики!

Держи порядок! Все по чинному,
Мальцов и девок не сдави!».
...Тех толп с историей причинную
Связь я тогда не уловил.

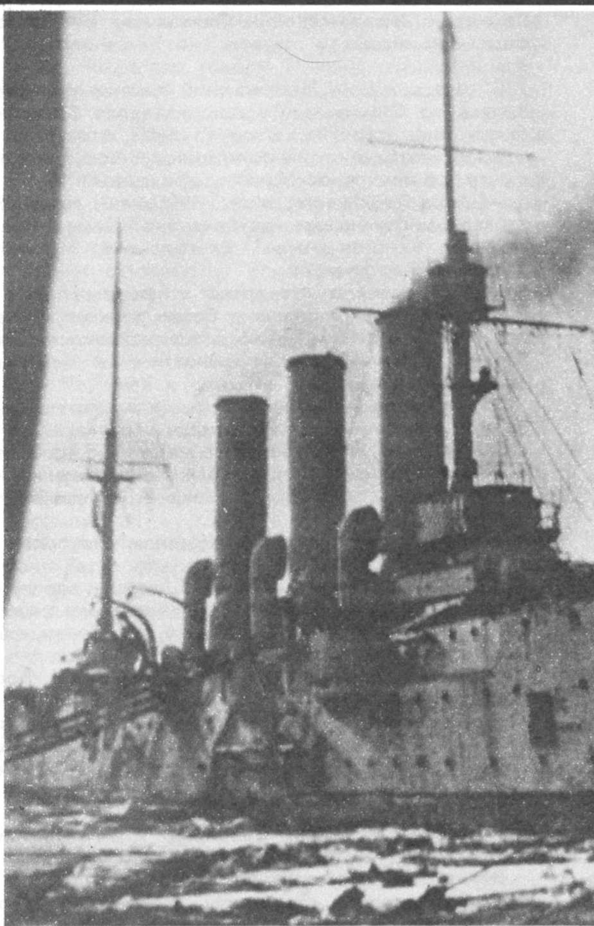
Тут над перилами балконьими
Усталый Человек возник,
И жестом ласковым, ладонями
Весь гул народный снял он вмиг.

Заговорил, весь мир расковывая
Чуть-чуть картавым языком,
О том, что н е и з б е ж н о новое
Для всех, кто стал большевиком!..

. . . .

...Минуту-две и я, как прочие,
Молчал (хотел мечту сберечь!).
Пред моряками и рабочими
Тот человек закончил речь.

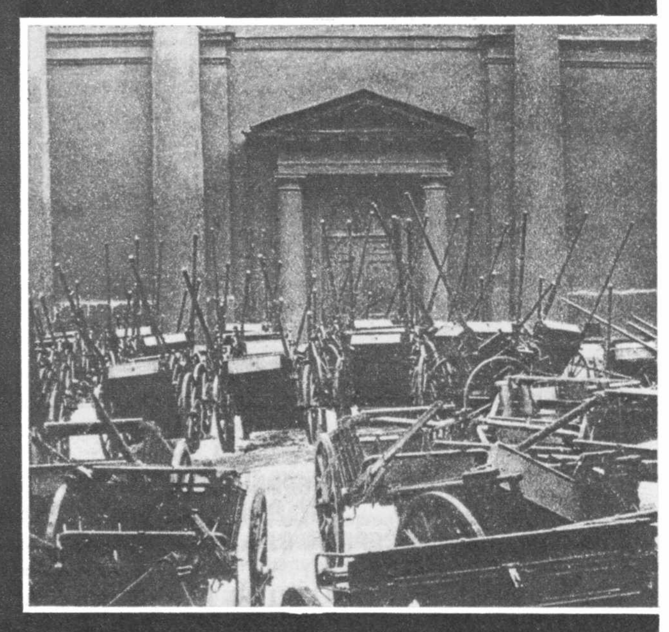
















С учебником тригонометрии
Под мышкой, сдавленный толпой,
Проникся я в тиши безветрия
Предвестьем бури мировой,

И так качнулось мироздание,
С планеты сбрасывая тьму,
Что вдруг сквозь все мое незнание,
Я сердцем вверился ему.

«Кто он?» Матрос ответил вспененно:
«Малец, ты что? С луны упал?
То наш Ильич!».
Так имя Ленина
Впервые в жизни я узнал!..

Взволнованный настроением встретивших Владимира Ильича Ленина петроградцев, парнишка бродил по улицам и оказался на Марсовом поле в момент, когда народ торжественно хоронил борцов, павших в боях за свободу...

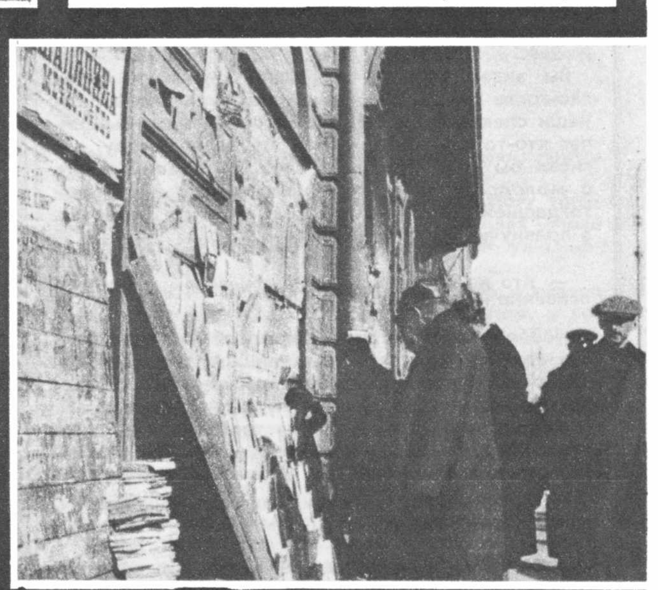
1 мая 1917 года (по старому стилю). Слово «свобода» окрыляло всех тех, кто в этот день вышел на улицы. Рабочий класс и солдаты шли мощными колоннами. А по Каменноостровскому проспекту прошла даже детская демонстрация с плакатами: «Ученье — свет, а неученье — тьма», «Да здравствует свобода!», «Да здравствует весна народа!», «Школа — путь к добру, свету, истине!», «Больше школ — сила в знании!»

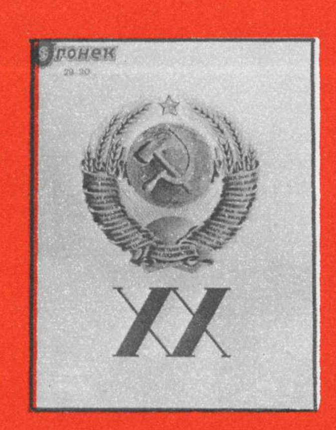
...Октябрьская революция свершилась! В громе ее вся Россия, весь мир услышали залп «Авроры». Вот она стоит на Неве, охраняя завоевания величайшей в истории человечества революции! Этот снимок сделан в момент, когда легендарный крейсер в апреле 1918 года вновь стал на якорь в водах Невы, готовясь вместе со всем победившим народом в первый раз отпраздновать — теперь уже советский — Первомай.

Вера ЛУКНИЦКАЯ









1937

«РЕБЯТА — ЧЕСТНЕЕ, НЕТЕРПИМЕЕ ЭМОЦИОНАЛЬНЕЕ ВЗРОСЛЫХ». ТАК НАЧАЛ СВОЮ СТАТЬЮ В «ОГОНЬКЕ» О ПРОБЛЕМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА КУКОЛ ЕГО МОЛОДОЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ. БЫЛО ЭТО РОВНО 50 ЛЕТ НАЗАД. А ТЕПЕРЬ? НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ОБРАЗЦОВ ПО-ПРЕЖНЕМУ СТРЕМИТСЯ ОТКРЫВАТЬ ДЕТСКИЕ СЕРДЦА НАВСТРЕЧУ ДОБРУ И СПРАВЕДЛИВОСТИ, ПО-ПРЕЖНЕМУ ОДЕРЖИМ ТВОРЧЕСКИМИ ПЛАНАМИ, ПО-ПРЕЖНЕМУ МОЛОД ДУШОЙ, О ЧЕМ ВЫ УЗНАЕТЕ ИЗ ИНТЕРВЬЮ С НИМ Ф. МЕДВЕДЕВА.


ДЕТИ-ЗРИТЕЛИ

ОБ ИНТЕРВЬЮ С С. В. ОБРАЗЦОВЫМ, ЧЕСТНО ГОВОРЯ, Я НЕ ДУМАЛ. НО ЖУРНАЛИСТСКАЯ РАБОТА ПОДЛЕЖИТ, КАК ПРАВИЛО, НЕОЖИДАННЫМ ВТОРЖЕНИЯМ БЫСТРОТЕКУЩЕГО БЫТИЯ. СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ САМ ПРИШЕЛ В РЕДАКЦИЮ. ЗАГОВОРИЛИ, РАЗГОВОРИЛИСЬ, ПРИСЕЛИ, ПРОГОВОРИЛИ НЕСКОЛЬКО ЧАСОВ. Я К БЕСЕДЕ НЕ ГОТОВИЛСЯ, ОБРАЗЦОВ ТАКЖЕ, ИБО ВСЯ ЕГО УДИВИТЕЛЬНО БОГАТАЯ, ИНТЕРЕСНАЯ ЖИЗНЬ — МАТЕРИАЛ ДЛЯ ПРЕКРАСНОЙ КНИГИ. СЛОВО ЗА СЛОВО, МЫСЛЬ ЗА МЫСЛЬЮ — МНЕ ПОКАЗАЛОСЬ, ЧТО Я БЕСЕДУЮ С ОДНИМ ИЗ ИНТЕРЕСНЕЙШИХ ЛЮДЕЙ НАШЕЙ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ. А ПОТОМ, КОГДА ИНТЕРВЬЮ БЫЛО ГОТОВО, Я ЗАГЛЯНУЛ В СОВЕТСКИЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ: «ОБРАЗЦОВ СЕРГЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ (Р. 1901), СОВЕТСКИЙ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ДЕЯТЕЛЬ, АКТЕР И РЕЖИССЕР, НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР (1954), ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА (1971). С 1931 РУКОВОДИТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО ТЕАТРА КУКОЛ. С 1973 ПРОФЕССОР ГОСУДАРСТВЕННОГО ИНСТИТУТА ТЕАТРАЛЬНОГО ИСКУССТВА ИМЕНИ ЛУНАЧАРСКОГО. ПРЕЗИДЕНТ МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА КУКОЛЬНИКОВ (С 1976) И СОВЕТСКОГО ЦЕНТРА ЭТОЙ ОРГАНИЗАЦИИ. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ СССР (1946)».

НАУЧИТЬСЯ ЛЮБИТЬ!

— Мне 86 лет. Вместе со страной я пережил и счастливые, и нелегкие, подчас трагические годы нашей истории. Близко к сердцу принимаю не только то, что происходит сегодня, но и то, что происходило вчера. Читаю роман Рыбакова «Дети Арбата», мне кажется, что это все и про меня. Ведь многое творилось со мной рядом...

Интересно, что мой брак — своего рода продукт эпохи. Несколько лет мы жили с женой не расписываясь, время было тревожное, и мы думали о том, что вдруг нам тоже не повезет и однажды ночью раздастся неожиданный стук в двери. Кто будет тогда носить передачи? И мы побежали в загс.

Вы знаете, о чем я думаю: вероятно, живут где-то те самые ребята, которые тогда смотрели наши спектакли. Я был бы счастлив, если бы сейчас кто-то из них, прочитав эту нашу беседу, написал бы мне хоть пару слов. Как напоминание о молодости, об интересной работе, о суровой тогдашней эпохе. У меня ведь уже три правнука, а правнучка в школу пошла.

— Кто из людей искусства советской эпохи вам особенно интересен?

— Мейерхольд, Таиров, но особенно Михоэлс. Его судьба — это судьба умнейшего человека, понимавшего, что происходило вокруг. К сожалению, я не могу гордиться дружбой с Михоэлсом. Трагедия его жизни — это трагедия человека страстного темперамента, подвижника и в жизни, и в искусстве.

Интересный был человек Соломон Михайлович, талантливый, очень умный. И очень советский.

— Какой смысл вы вкладываете в это понятие?

— Вы знаете, мой отец, беспартийный, член ВЦИКа двух созывов, был тоже очень советским человеком. Его именем названы институт в Ленинграде, техникум, улица в Москве. Как только произошла Октябрьская революция, он понял, что созидается новая страна, понял радость строительства невиданного дотоле государства. И в новой России стал крупнейшим ученым, специалистом по железным дорогам.

Не все интеллигенты сразу стали советскими людьми, наоборот, многие долго сомневались. Вчерашние товарищи, коллеги от него отказались и не подавали руки. А отец с еще большей энергией отдавал свои силы, талант новой жизни.

Вот так я и понимаю слово «советский»— бескомпромиссное участие в общем деле переустройства жизни. И сегодня, сейчас, сию минуту это понятие не менее актуально. Участвовать в перестройке — значит быть советским человеком.

— Не могли бы вы конкретизировать ваши слова? Ну, например, то, что на старом Арбате в Москве молодые художники за деньги рисуют прохожих? По-советски это или нет?

— Когда я вижу такое в Париже или Нью-Йорке — людей, рисующих за деньги прямо на улицах, я огорчаюсь. Жалею, что общество поставило людей в такое положение. Лежит кепка, над кепкой стоит человек и играет на скрипке. Для меня это все равно что нищий, и я его жалею. И когда я вижу такое же на нашем Арбате, то я не понимаю, в чем дело. Что же такое, значит, этот молодой человек вынужден зарабатывать на жизнь таким способом? А может, он получает больше, чем наша театральная машинистка, имеющая оклад 100 рублей, или научный сотрудник в нашем театре, получающий 110—120 рублей?

— Но что же здесь плохого — ведь инициатива нынче приветствуется? К тому же у таких художников имеются патенты, значит, они платят государству налог.

— Но эта «экзотика» мне не нравится в Москве.

— Потому что вы старый москвич?

— Дело не в том, что я старый москвич, я советский человек. Государство должно быть так организовано, чтобы подобных явлений не было. Я вообще не переношу всяческого унижения человеческого достоинства. В Испании есть плакаты, посвященные корриде, на них оставлено пустое место, чистая строка. Для чего? Для того, чтобы потом вписать свою фамилию и всем показывать: вот какой я герой Образцов — быка убивал. Я там на эти корриды не мог ходить. Считаю, что если человек получает наслаждение от присутствия при чужой опасности, то этот человек дрянь. В Индии я видел, как юноша за деньги прыгал с высокой стены вниз головой в небольшую яму с грязной водой. Промахнешься — смерть. Стоят люди и за один доллар наблюдают: разобьется или не разобьется? Что за радость?

Честно говоря, я не люблю цирк и не хожу туда. Не могу смотреть на дрессированных животных. Не люблю бокс.

Наш бокс еще туда-сюда, я его могу смотреть, а в Японии, например, где количество раундов не оговорено, дерутся до нокаута, еле-еле ходят по рингу. Люди кричат, подзадоривают, радуются... Я не понимаю таких вещей.

О Москве... Восемьсот сорок лет создавалась Москва, строилась. Потом ее начали разрушать и многого добились. Но представьте, что мы ее сохранили и жили бы в старых, зачастую без удобств домах. Разве мы смогли бы жить в таких условиях? Думаю, что нет. Конечно, когда идет развитие человечества, цивилизации, неизбежно что-то старое должно разрушаться. Тут невозможно иначе. Вы же не можете продолжать жить в избе по-черному. Я знаю, что это такое — жить и спать в избе по-черному, где дым стоит под потолком, как будто натянутая материя. В экспедиции это было, которую вел мой отец, а я пребывал в ней в качестве рабочего. Там, где сейчас вышки стоят, нефть течет, там ничего не было. Просто нефть сама текла из земли, все было залито нефтью, чуть ли не озера нефтяные были. Только уши заячьи торчали, потому что зайцы завязали лапа-

ми. Тайга удивительна, и там были тогда удивительные избушки на курьих ножках, без окон и без дверей. Бор сосновый называется яг, мох называется ягель, думаю, что баба-яга там как раз и жила. Так вот, я в этой избушке спал.

И в баньках по-черному мылся. Интересно, экзотично. Но сейчас я бы не хотел жить в избе по-черному и мыться в баньке по-черному.

Так вот, в движении вперед неизбежно что-то пропадает. Если сейчас вместо больших домов поставить трехэтажные, то Москва в поперечнике будет не 60 километров, как сейчас, а 200. Недавно я впервые оказался в Бирюлеве. Подмосковье я знаю хорошо. Ведь я вырос в теперешнем городе Видное, а когда-то это была просто маленькая станция Расторгуево.

Я не только русский, я еще и москвич. Поэтому мне было бы неуютно даже в Ленинграде, куда я с удовольствием езжу, любуюсь им, люблю его по-своему. Но жить я хочу в Москве и Подмосковье. Я привязан именно к Подмосковью.

В Бирюлеве великолепные здания. И ничего, что многое одинаково. Торжественный вид одинаковых зданий — это тоже искусство, и оно в чем-то тоже замечательно, лично я не считаю, что коробки — сплошное безобразие. Суммы этих коробок дают ритмы. Но в то же время я очень люблю старые здания.

— Значит, по-вашему, неизбежен процесс разрушения старинных построек, памятников зодчества?

— Я знаю о многом утраченном, потому что мой сын архитектор и мой внук архитектор.

Когда-то в Москве была очень красивая площадь, называлась она Скобелевской. Там стояла фигура генерала Скобелева. Потом вместо Скобелева поставили обелиск Свободы, а потом памятник основателю Москвы. Так вот, та Скобелевская площадь была красивой. Точно такая же площадь была в Твери, не знаю, сохранилась она или нет. Маленькая красивая площадь.

Сколько красивых площадей в Ленинграде! А в Москве почти нет. Площадь Маяковского? Какая же это площадь! Разве она как-нибудь спроектирована?

— Сергей Владимирович, знаете ли вы родословную своего дома?

— Я живу на улице Немировича-Данченко в доме, построенном в начале XX века. О моем доме нельзя ничего не знать, он весь облеплен досками: «Здесь жил и работал...»

— Вы многих знали из тех, кто жил и работал...

— Не только знал, но и дружил с ними — Москвиным, Грибуниным, Тархановым... Тарханов был замечательный эстрадник.

— С Качаловым вы были близки?

— Да. Он был человеком обаятельным, умевшим расположить и целый зал, и каждого человека. Любил рассказывать разные истории. Он никогда не торопился скорее выйти на сцену на сборных концертах. Все торопятся: «Пустите меня...» А он курит папиросу и ждет, когда его выпустят.

В театр меня принимал Владимир Иванович Немирович-Данченко, так сказать, мой крестный отец. Тоже здесь жил, в нашем доме. Миша Немирович, его сын, мой товарищ по театру, к сожалению, умер. В квартире живет внук Немировича. Так что все ушедшие для меня — живые люди.

— Вы называете имена всенародно любимые, крупные. Вот, например, ваше поколение лучше ли, талантливее ли нынешнего или нельзя так ставить вопрос?

— Человеку трудно усидеть сразу на трех стульях одновременно. Если он дома смотрит телевизор, то он уже не сидит в кино и не находится в театре. Сегодня надо отчетливо понимать, на какие спектакли пойдет человек. Он должен получить от театра что-то особенное.

Вы, наверное, не знаете, что МХАТ рождался как бы отторгнутым от зрителя. Полная четвертая стена. Аплодировать во МХАТе не имели права, кланяться актеры не имели права, смотреть в зрительный зал не имели права. Тогдашняя драматургия не была рассчитана на то, чтобы какая-то героиня Чехова обращалась к зрительному залу. А сейчас герой современной пьесы спокойно может обратиться в зрительный зал. Даже роль автора присутствует во многих пьесах. Кстати, в этом смысле удивительный спектакль поставил в свое время Немирович-Данченко — «Воскресение». Постановка гениальная. Там все было построено на том, что актер (помню Качалова) все время разговаривал с нами, со зрительным залом. Со зрителем нужно соединяться.

Да, театр переживает большой кризис. Особенно на периферии. Это расстраивает. В Москве проездом, пролетом останавливаются миллионы людей, они спешат в любимые театры. И это отчасти спасает столичные залы.

И нельзя так ставить вопрос, что раньше были талантливые люди, а сегодня нет. Просто сейчас у зрителей иные потребности.

— Более утонченные?

— Нет, другими стали формы восприятия, а у актеров другая манера игры.

— Может быть, драматургия сегодня слабее, ведь от ее качества многое зависит?

— И драматургия становится иной, все меняется, все изменилось.

— А о каких достижениях нашей драматургии вы могли бы сказать?

— Честно говоря, я мало ее знаю. Могу только сказать, что мимо нас прошла целая эпоха европейской драматургии практически уже нового времени.

В одной из передач по телевидению я сказал о том, что идеи мы превратили в лозунги, а лозунги заштамповали, и они перестали работать. Потому что есть замечательная (я-то «закон божий» сдавал в свое время) заповедь: «Не помяни имени господа бога твоего всуе». Вы улыбаетесь, понимаю — такие сравнения. Но повторяю, мы во многом затрепали наши идеи, а без идей молодежь не может, она обязана быть чем-то увлеченной.

Я беспартийный, но абсолютно уверен, что коммунизм наступит. Я проехал 48 стран и знаю, что так, как живут во многих странах, жить нельзя. Не может же сегодня человек родиться, чтобы думать только о том, как бы не умереть завтра. Я видел спящих бездомных и умирающих на тротуарах одиноких людей.

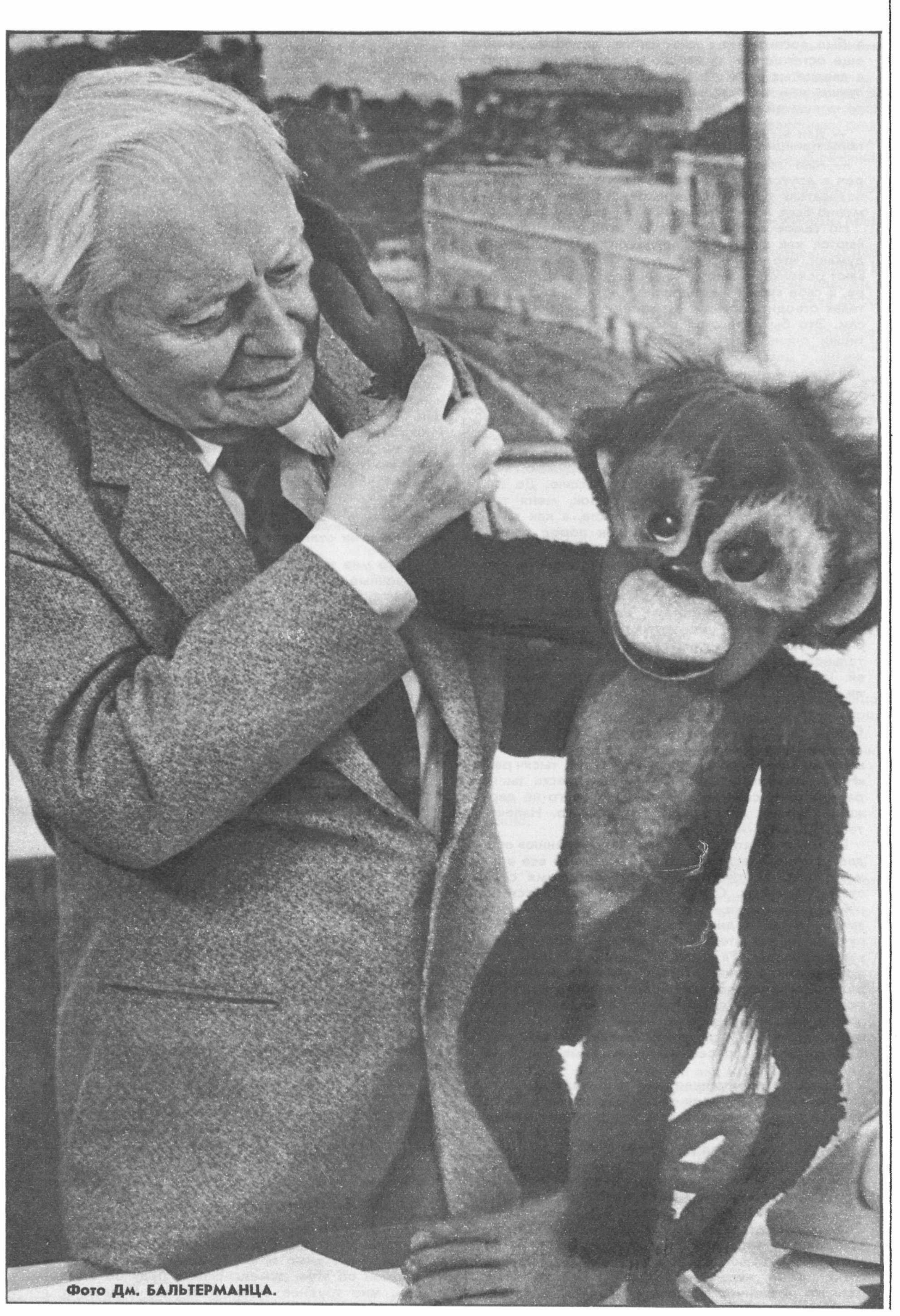


Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Нет, так люди жить не могут. Человек — это действительно звучит гордо. Несмотря ни на что, несмотря ни на какие тридцать седьмые. Надо понимать, что люди не стулья. И два человека не больше, чем один. Это два стула больше, чем один. Каждый человек единствен, уникален, неповторим. И беречь надо каждого.

Для того чтоб любить человечество, надо еще научиться любить человека.

— А как насчет конфликта поколений в вашей семье? Большая она у вас?

— Сын, дочь, внуки. Живем мирно, дружно.

— Без споров, без трений?

— Спорим иногда. Но спорим по чисто «вкусовым» вопросам, когда кому-то что-то больше нравится, кому-то меньше. У нас нет принципиальных разногласий по основным жизненным позициям. Никто из моих внуков не был стилягой, хотя джинсы, конечно, носят, да и сам я ношу джинсы. Дети и внуки мои — современные люди, но они не в конфликте со мной, со стариком.

— Может быть, потому, что у вас характер хороший, мягкий, добрый?

— Нет, я думаю, потому, что у меня с моим отцом не было конфликтов.

— Так, может быть, это ваша наследственная черта — бесконфликтность характера, натуры?

— Я думаю, что характер не наследуется. Наследуется темперамент. Темперамент может создать бандита или героя, это зависит от обстоятельств жизни человека. Воровство может наследоваться плохим воспитанием, но чтобы оно было в крови — такого не бывает.

— Скажите, а как воспитывались дети в вашей семье?

— Вы удивитесь, но мои дети больше воспитаны моим отцом и моей матерью, чем мной, потому что их мать умерла при родах. И они уже воспитывались не родной матерью. Воспитание взяла на себя их бабушка, она стала им матерью. Дед, конечно, подавал пример, он был замечательным человеком. Семья моего отца и моей матери эталонна, потому что, например, не было во всей их совместной жизни даже пяти минут, чтобы они поссорились. Такого я не знаю, не помню. Такого и быть не могло.

— Что вы принимаете и что не принимаете из того, что нынче происходит?

— Меня раздражает расслоение в обществе. Расслоение по цвету машин, например. Верю, что в результате свершаемого переустройства многое изменится к лучшему.

— Но владение одним человеком «Жигулями», а другим «Волгой» — разве это расслоение?

— Вы имеете право иметь любую машину. Но как понять особые больницы, особые пайки, особые закрытые магазины? Я могу еще сказать, что́ мне нравится и что́ не нравится. О том, что касается моей работы. Например, выборы художественных советов, по моему разумению,— ужасная новация. Театр — это вроде конструкторского бюро. Режиссер — это тот же Туполев, тот же Антонов, которые подбирают себе конструкторов, необходимых им по деловым качествам, по знанию, по таланту. Так вот мне, как главному режиссеру и директору театра, нужен художественный совет, который не защищает актеров от меня (для этого есть местком), а который помогает мне создавать театр. Это — конструкторское бюро, мы конструируем сердца человеческие. И детские в том числе, что архиважно. Значит, мне нужен совершенно определенный театровед, совершенно определенный художник и так далее. Художественный совет должен создаваться руководителем театра, так он собирает себе помощников.

У нас в театре три раза выбирали художественный совет, а он все равно несовершенен. Актеров у нас 55 человек, а музыкантов двадцать. Так вот от музыкантов выбрали четыре человека и от актеров четыре тоже. Вот и выходит, выбрали однобокий художественный совет.

Дальше. Обязательное переизбрание актеров. Каждый в течение десяти лет переизбирается. Не понимаю зачем. Во-первых, из одного изюма сделать кулич нельзя, нужно тесто. Пусть данный актер даже постарел, пусть он не может играть каких-то там ролей, но он ведь несет идею театра, он его создавал, я без него не могу обойтись, он держит этику театра. А что же я, из одних гениев сделаю театр? Ничего не выйдет. Второе. Нельзя, чтобы актеры все время жили под страхом, что их вот-вот переизберут. Мне кажется, что главный режиссер отвечает за труппу, за актеров, за состав. Он должен его создавать, но он может и утверждать данного актера, и предложить художественному совету освободиться от иного актера.

Хорошего много сегодня: мы сами решаем вопросы репертуара, сами заказываем пьесы, сами имеем дело с авторами, над нами не висит реперткомм. Это просто здорово.

— А заметны ли, по-вашему, изменения в иных сферах жизни, в быту?

— Очень серьезный сейчас вопрос — детский. Наш театр — один из учредителей Детского фонда имени Ленина.

Некоторые вещи мне непонятны. Например, в детском доме живут дети, у которых есть родители. Почему же они не платят алименты? Мне непонятно. Почему мать, которая отказалась от ребенка уже в родильном доме, спокойно выходит из него и не платит алиментов? Если бы ей сказали: «Пожалуйста, оставляйте ребенка, только платите 25 процентов вашей зарплаты»,— она бы тогда подумала. Мне кажется, что тут что-то не продумано.

Моя трудовая деятельность началась с того, что я был воспитателем сиротского детского дома, еще оставшегося от царского времени. Это было в двадцатых годах. Кстати, дети тогда снабжались лучше, чем взрослые. У взрослых не было сахара, а у детей он был.

— Как вы считаете, изменились ли с той давней поры принципы педагогики?

— Мне трудно ответить определенно. Я уверен в другом, в том, например, что хороший преподаватель математики в школе должен одновременно быть и воспитателем.

Но самое серьезное в том, что дети воспитываются как раз тогда, когда родители и школа думают, что их никто не воспитывает. А воспитывают ребенка во многом старшие товарищи во дворе. В свое время я предложил в строящихся кварталах отводить помещение для клубов по интересам. Это бы вытащило ребят из подъездов. Детишки очень быстро клюют на интерес. Я всю жизнь, с детства, голубятник. К сожалению, совсем недавно мне пришлось расстаться со ста двадцатью голубями, потому что у меня началась от них аллергия. Вы знаете, какое счастье, когда шестьдесят голубей сидят на яйцах, а шестьдесят в небе! Все мое детство было занято голубями и аквариумами. Из-за этого увлечения мой брат стал биологом. Я не стал биологом, но, думаю, мои увлечения повлияли на мою профессию. До сих пор, когда я иду на Птичий рынок, меня там встречают не как народного артиста, а как голубятника, как аквариумиста. Сорок пород рыб я привез из-за границы в Москву, первым привез неоновых, хеннен-гуппи. Я обожаю Птичий рынок, это удивительное учреждение.

Я думаю, что из кружка конструкторов вырастают инженеры, изобретатели, из кружка филателистов — историки, из кружка аквариумистов — биологи. Ребятам нужно всегда что-то увлекательное. То, что потом может стать их профессией. Так вот я за то, чтобы на каждой улице были клубы по интересам.

— Сергей Владимирович, а сколько детей побывало на всех ваших спектаклях?

— На всех не знаю, но вот, например, «По щучьему велению» сыграли несколько тысяч раз. «Необыкновенный концерт» больше шести тысяч раз, ни один спектакль в мире так долго не держится. Кстати, вспомнил одну историю. Напечатать ее пока не успел.

В нашем спектакле «По щучьему велению» есть две царевны Несмеяны. Одна — которая все время плачет, а другая — которая все время смеется. Две куклы. Очень простые. Надеваются на руку, как перчатки,— на три пальца: большой, указательный и средний. Большой и средний — это руки, а на указательный надета голова — деревянный шарик. Раз две Несмеяны, значит, два одинаковых шарика. Только раскрашенные поразному. У веселой Несмеяны глаза открыты и рот смеется, а у плачущей глаза закрыты, а рот плачет. Ну, конечно, еще носы есть. Но, кроме того, что глаза у плачущей Несмеяны закрыты, к этим глазам привешены стеклянные бисеринки. Слезы.

Пятьдесят лет прошло, как поставили мы этот спектакль, больше трех тысяч раз сыграли, а все продолжаем играть. И нам, и зрителям нашим он до сих пор нравится.

Первой, кто сыграл роль Несмеяны, была очень молодая женщина, красивая, стройная, голубоглазая Ася. Хорошо играла — задорно, весело. Только вдруг однажды надо спектакль начинать, а Несмеяны и нет. Не пришла Ася. Непонятно. Она всегда аккуратная, точная. Звоним домой. Там говорят, что сами не знают, где она. Вчера днем ушла и вот до сих пор нету. Отменили спектакль. А через некоторое время из дому Асиного позвонили и сказали, что Ася арестована. Стала играть Несмеяну другая актриса.

Прошло время. Телефонный звонок. Голос знакомый. «Ася?» «Я». «Откуда?» «Из дому. Свободна я. Совсем освободили. Никакой вины не нашли. Назад примете?» «Конечно». «Когда можно прийти?» «Да хоть завтра». «А можно тогда, когда в театре никого не будет?» «Почему, Ася?» «Волнуюсь я очень, боюсь — не сдержусь. Лучше, если без людей». «Тогда приходите сегодня вечером, часов в одиннадцать. Все уйдут, а я буду ждать». «Спасибо, приду».

Пришла. Ровно в одиннадцать. Улыбается. «Ну, пойдемте по театру». Зажег люстру на лестнице, которая в верхнее фойе ведет. Медленно идет Ася. На люстру смотрит. Красивая люстра. По слухам, она когда-то то ли у городского головы, то ли у генерал-губернатора висела. Сейчас в новом театре висит. Зажег синие фонари в фойе. Медленно идет Ася. Каждый фонарик оглядывает. Зажег зрительный зал. Там четыре деревянные люстры висят. А по стенкам балкончики для осветителей. Вроде испанского дворика. Ася все глазами ощупала. На сцену пошли. Темно и пу́сто. Декорации все убраны. Постояли на сцене и пошли вниз по лестнице в подвал. Там у нас актерские комнаты и мастерские, где кукол делают. Вошли в мастерскую, а там как раз куклы «Щучьего веления» в ремонте.

Вниз головой Несмеяна висит. Ася подошла, сняла с веревки. Надела на руку, повернула к себе лицом, и глядит на нее «плачущая» Несмеяна. Слезы из глаз на ниточках качаются. Смотрю на Асю, вижу, и у нее из глаз тоже стеклянные слезы по щекам бегут. Трудные были времена. Говорил уже, не одна ведь Ася...

На следующее утро пришла она в театр. Обнимали ее все, целовали. Плакала она. Только это уже были другие слезы. Радостные. На смеющиеся губы падали. Стала опять Несмеяну играть.

У Аси дочка Галя. Ей лет десять. Из зала на мамину Несмеяну смотрит. И растет. Быстро растет. Вот ей уже двенадцать. Не успели оглянуться — шестнадцать. Время бежит, как орехи, годы щелкают. Восемнадцать, двадцать. Высокая, стройная, веселая Галя. Мама научила Несмеяну играть. И плакать, и смеяться, и на печке ездить. И она стала актрисой нашего театра.

Давно это было. А будто вчера. Да нет, давно. Ася уже прабабушка, а Галя, значит, бабушка. Некогда им в куклы играть — внуки да правнуки все время отнимают.

— Вы наблюдали детей в самых разных странах. В чем их отличие от ребят нашей страны?

— Это мне трудно сказать. В Японии они очень раскованные. А у нас, с одной стороны, много хулиганов, а с другой стороны, многие наши дети как бы зажаты.

— Что нужно, чтобы прожить долго и интересно?

— Что посоветовать? Я был знаком с актером Театра сатиры Тусузовым, прожившим 92 года и до последнего дня игравшим на сцене. Когда его спрашивали, что помогло ему так хорошо сохраниться, он отвечал так: никогда не делал гимнастику, никогда не женился и никогда не обедал дома. Смешно? Лично у меня все было иначе. Гимнастику я, правда, тоже не делаю, женат я два раза, первая моя жена умерла после того, как родила мне дочку, а со второй женой я живу долго. Как-то в Швейцарии зашли с женой в кафе самообслуживания, набрали на маленькие подносики еду, пододвинулись к молоденькой кассирше. Заговорили по-немецки. Она спросила: «Вместе?» Я ответил: «Уже 52 года вместе». Она: «Ужасно».

Но в последнее время я все-таки сдал. Мне сейчас 86 лет, стало трудно ходить, развился ревматизм пальцев. Врачи не пустили меня в Китай и в Японию. Жаль. Там меня ждали, я написал книгу про китайское театральное искусство, изложил законы китайского музыкального театра. Когда я был в Китае, а был я там целых два месяца, каждый вечер садился с китайцем — знатоком своего дела,— и он мне подробно обо всем рассказывал...

Каждый раз вхожу в театр и думаю: «Как такое могло случиться, что у нас замечательнейшее здание? В нем все красиво, и залы, и мебель, и аквариум, и канарейки, вплоть до того, что в зимнем саду цветут и дают плоды кофейные деревья».

— Каким вы видите будущий театр?

— Чаще всего театр умирает вместе с создателями. Не знаю. Что будет с нашим театром после меня, я не знаю и, по правде говоря, даже не должен об этом думать. Если я буду об этом думать, мне труднее будет работать. Я должен думать только о том, что живу.



ПОЭЗИЯ

Хута ГАГУА

БАЛЛАДА О ПАВШЕЙ КРЕПОСТИ

Ты пил блаженную струю
надежды, промысла и веры.
Был тверд, как башен камень серый.
И нес легко судьбу свою.

И у реки прозрачных утр
враги в согласии и силе
лукавой лестью погасили
глаза,
повернутые внутрь.

Ты изнемог... И скорбь темна,
что, не случись глухой измены,
ты б отстоял святые стены...
Твоя твердыня отдана.

Познай, как лют любовный яд,
Как не в отца дитя родится...
И — в путь, что горечью дымится,
куда глаза ни поглядят.

Ступай. Пожитки собери.
Хватает вóронам поживы.
Не мешкай! Что увечить жилы?
Бог мертв снаружи и внутри.

Все кончено. Уста, как лед.
Молиться некому отныне.
Не приступом берут твердыни —
их ключ предательства сдает.

Ступай. Ознобом грудь полна.
И жизнь, и битва одиночки
тобой проиграны до точки.
Меч брошен. Месть не суждена.

Ступай, отчаянно влача
нагую мысль отца и мужа.
Пусть гонит ветреная стужа
тебя, как лист карагача.

— Простите мне! В мой смертный час
не надо слез жены и сына,
что вновь убьют меня... Пусть глина
заплачет, холодом сочась.

НА СЕЛЬСКОЙ ДОРОГЕ

Бреду ль куда? Бегу ль чего?
С удачей иль внакладе?
Путь смутен, как во времена
Хафиза и Саади.
И впереди летит листва,
и облетает сзади.

Бегу ль чего? Бреду ль куда?
К усладам или бедам?
Для гор негадан мой приход
и мой уход неведом.

Будь проклят час рожденья мой
и час кончины следом!

Я брошен миром. Не избыть
в груди тоски-твердыни...
А радость, вот она — взгляни! —
гусей пасет в долине.
Три дня тому пропали как,
да отыскались ныне.

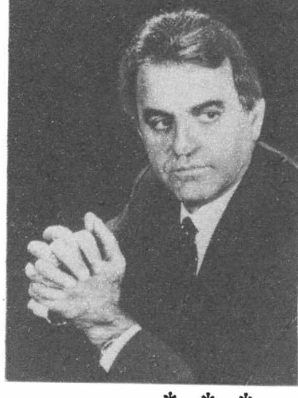
МОЕ РЕМЕСЛО

Мое богатство — право ремесла.
Мне в дар его природа принесла.
И я в него уверовал впервые,
когда на плечи опустились мне
павлины зорь в родимой стороне.
И я простил обиды ножевые.

Сегодня вновь бескрылая молва
недобрым подозрением жива,
напеву благодарному чужая.
И яростно завистники галдят,
что не бальзам в стихах моих, а яд.
А я живу, меча не обнажая.

— Смешно! — затылки круглые
скребут.
— Грешно!— купюры крупные
стригут.
И жилы их темнеют от надсада.
— Какой такой павлиний благовест,
коль платит всяк, пока он пьет и ест,
а если нечем — экая досада...

Но разве я от бедности зачах,
павлинов предержащий на плечах?
Я не мудрец, но я душа побега
живой лозы и не лишен родства
с великим откровеньем естества.
И в том мое роскошество и нега.



* * *

Ночь одиночества. Ночь листопада.
Мука бессонницы и благодать
неизреченной строкой передать
жизнь до последнего вздоха и
взгляда.

Сердцу чужому, что петь разучилось,
воля и страсть отзовутся в ответ
в пору, когда ему крепости нет:
вера ушла, а другой не случилось.

Так у надежды, бегущей обмана,
светлые слезы причастия есть.
Так обитает счастливая весть
в капле дождя о волне океана.

Ветер ударит, но дум не остудит.
Добрый побег, молодая лоза
душу разбудят, откроют глаза
в годы, когда нас на свете не будет.

Перевел с грузинского
Сергей БОРИСОВ.

Диомид КОСТЮРИН

КОЛОКОЛА

Молчали,
Молчали
И вот не молчат,
Кидая тени косые.
Слышишь,
Колокола звучат —
Сколько их есть в России?

Летит немота,
Как осколки стекла,
Склеить —
Не хватит клея,
Ибо грохочут колокола
Все яростней,
Все смелее.

Чернеет их неподвижный ряд
На алой кромке рассвета.
Видишь,
До неба взмывая,
Парят
Гортани, полные света.

Вот тот безъязык был,
А тот был смят,
Но, распрямившись,
Как дали,
Слышишь —
Все вместе они гремят,
Даже и те,
Что сняли?

Бьют,
Раскаляются,
Ветер мчат,
Так что землю колышет.
Слышишь,
Колокола кричат:
«Проклят будь,
Кто не слышит!»

ПИМЕН

Бедный Пимен горькой правдой
болен,
Не слабеет с возрастом недуг.
Ничего
Он зачеркнуть не волен
Из того,
Что деется вокруг.

Пишет все как есть,
А это значит,
Пишет то,
Что быть бы не должно.
Иногда напишет
И заплачет,
Там, где с близкими
Сопряжено.

Ну, а близких у него так много,
Что занять бы где-то нужно слез.
Вряд ли одолжат —
Они от бога.

Ну, а если говорить всерьез,
Хочется ему углы хоть сгладить,
Чтоб умерить муки торжество.
Но не в силах он с собою сладить,
Пробовал —
Не вышло ничего.

И не спится,
И опять не спится
Тихому,
Как свечка,
Старику...
Даже вырвать не сумел
Страницу,
Даже зачеркнуть не смог
Строку.

ДОРОГА

Едва от родного порога,
Едва от родного крыльца —
Дорога,
Дорога,
Дорога —
Дороге не видно конца.

Все те же деревья, и птицы,
Да тени коней и машин.
Вглядись в проходящие лица,
Как в близость далеких вершин.

С минутой умри и воскресни,
И этим навек оживи
Улыбки
И шутки,
И песни
На памяти и на любви.

Сменяется датою дата
С веселым иль горестным ртом.
Куда вы идете, ребята?
Ребята ответят потом.

МУРАВЕЙНИК

Муравейник ожил,
Отряхнувшись от стужи,
По закону весенней могучей любви.
Муравьев не бывает не лучше,
не хуже —
Все они муравьи,
Все они муравьи.
Все они одинаковы,
Все патриоты.
Ровно вдвое один стоит меньше
двоих.
Командарм их не знает полкам своим
счета,
Ибо нет никаких командармов у них.

Только чувство, что жить нужно смело
и строго.



Не беда,
Если ты, оказалось,
Убит.
Это чувство дается, конечно,
от бога,
Муравьиного бога,
Что их не щадит.

Потому о себе не жалеет убитый,
Если только дорога с пути
не свернет.
Лишь бы жил муравейник довольный
и сытый,
А иное не в счет,
Все иное не в счет.

Лишь бы жил муравейник,
Растя запасными
Муравьями
Их смелой и строгой крови.
Вы не верите мне?..
Наклонитесь над ними:
Все они различимые,
Все муравьи.

1917
1987



1947

В ТРУДНЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ДАЛЕКО ЗА ПРЕДЕЛЫ ДОНБАССА РАЗНЕСЛАСЬ СЛАВА О ШАХТЕ ЛИДИЕВКА. ТОГДА, В НОЯБРЕ СОРОК СЕДЬМОГО, «ОГОНЕК» ПОСВЯТИЛ ЕЙ ФОТОРЕПОРТАЖ. СЕГОДНЯ НАШ РАССКАЗ О ТЕХ, КТО С ЧЕСТЬЮ НЕСЕТ НА ЛИДИЕВКЕ ГОРНЯЦКУЮ ЭСТАФЕТУ ПОКОЛЕНИЙ.



ДВА ВЕКА ШАХТЫ

Станислав КАЛИНИЧЕВ,
Павел КРИВЦОВ (фото),
специальные корреспонденты «Огонька»

Среди прочих публикаций к 30-летию Советской власти помещен фоторепортаж о шахтерах Лидиевки из Донбасса. Этот коллектив восемь раз подряд завоевывал звание лучшей шахты страны. В подписях к фотографиям часто упоминается фамилия шахтеров Половинкиных. В объектив попали инженер Александр и машинист подъема Зоя, горные мастера Николай и Владимир, глава семьи ветеран Федор Иванович и младший из братьев, горный техник Виктор. Корреспондент застал его в самый торжественный момент — в день свадьбы.

Редакция поручила мне вернуться к этой публикации, посмотреть, что там теперь через сорок лет. Сохранилась ли сама шахта? Ведь в Донбассе уже в те годы из каждых десяти — пятнадцати шахт, построенных до революции, в строю оставалась одна. А Лидиевка закладывалась в самом начале века. По смутным семейным преданиям знаю, что мой отец еще мальчишкой работал в ее подземельях задолго до революции. Сколько можно черпать на одном месте? И еще одно — чем лучше работает шахта, тем быстрее выдыхается.

Но Лидиевка и сегодня в строю! Еще с автобусной остановки за зеленым массивом парка видны стройные, устремленные высоко в небо копры, на которых весело мельтешат огромными спицами шкивà — как говорят шахтеры: качают дóбычь на-горà.

Секретарь парткома А. В. Чернов первым делом сообщил самое необходимое:

— По всем расчетам наши недра давно иссякли. Но если сравнить с тем, что было сорок лет назад... Добываем раза в три больше! Условия, конечно, хуже не придумаешь. Но, к чести лидиевцев, за всю советскую историю не было еще случая, чтобы шахта не выполнила годовой план. Это, пожалуй, наша главная загадка. И объяснить ее не так-то просто.

Александр Васильевич потрогал на столе бумажки, как будто искал заготовленный ответ, потом пожал плечами:

— Главное, конечно, люди. Вот вы интересовались династией Половинкиных. Виктор Федорович, который там на снимке — жених, он давно уже дедушка, на пенсии, но продолжает трудиться. Он сейчас войдет, я пригласил. Но у нас подобных династий много — Оберемко, Шолоховы, Гриценко... Есть такие, у которых общий стаж работы на нашей шахте — двести лет, триста! А как-то пробовали подсчитывать трудовой стаж Фингиных — их же не один десяток, несколько поколений — так около тысячи лет насчитали и сбились. Но главное — не семейственность, а то, что сама шахта вроде родного дома. Отсюда и ее живучесть. Впрочем, об этом лучше могут рассказать другие. Меня самого, когда ваши корреспонденты прошлый раз приезжали, еще и на свете не было.

Секретарь парткома познакомил меня с М. И. Вислым. Михаил Иванович много лет проработал тут директором шахты, теперь на пенсии, но еще трудится в диспетчерской, где его опыт особенно необходим.

— Лидиевцев надо понимать,— как нечто самое важное сообщает бывший директор,— тут народ на доброе отношение к нему очень отзывчивый.

Сам Михаил Иванович — человек здесь известный. Все, кто встречался нам по пути, здоровались с ним. Он показал мне мемориальную доску, где говорилось, что в 1932 году на Лидиевку приезжал и спускался с шахтерами в забои Всесоюзный староста Михаил Иванович Калинин. Он побывал тогда и в семьях горняков, и в общежитиях. Следовало понимать, что приезд сюда главы государства подчеркивал исключительные заслуги коллектива в индустриализации.

Сразу у шахты начинается тенистый парк, отделяющий ее от поселка, изрезанный тропками во всех направлениях, но есть и широкая аллея. Начинается она памятным знаком, поставленным на том месте, где до революции проходили митинги и маевки. Лидиевка пережила восемь крупных забастовок. В центре парка стоит скромный памятник первому командиру продотряда, который спасал шахтерские семьи от голода и погиб от рук белобандитов. По обеим сторонам аллеи смотрят с больших портретов лица тех лидиевцев, которые навсегда остаются современниками ныне здравствующих. Двое из них — участники восстания на броненосце «Потемкин», двое принимали участие в Параде Победы летом 1945 года. Вот глава шахтерской династии Андрей Миронович Оберемко — участник трех войн, он штурмовал Зимний, служил в охране Смольного осенью 1917-го. А неподалеку И. М. Пинтер — один из организаторов созданного в США в 1919 году Общества технической помощи советской России. Это общество, собрав по подписке нужную сумму, закупило новейшую по тем временам горную технику и вручило ее артели добровольцев, которая в 1922 году приехала работать на Лидиевку. Так что здесь впервые в нашей стране стали использоваться врубовые машины. Возглавлял артель американцев Иван Матвеевич Пинтер. Он организовал первые курсы врубмашинистов, испытывал и первые советские врубовки.

Всю свою жизнь И. М. Пинтер связал с Лидиевкой — тут стал коммунистом, создал прекрасную семью, в годы первых пятилеток его имя, как говорят, гремело среди ударников. В 1934 году нарком Орджоникидзе наградил его легковым автомобилем, который он в 1941-м сдал в фонд обороны. Ему же была доверена эвакуация оборудования, Иван Пинтер был начальником эшелона. Кстати, на выезде из Донецка я увидел рейсовый автобус «ЦЕНТР — ул. им. И. Пинтера».

Мой провожатый придержал шаг и как-то вопросительно поднял глаза. В аллее с большого портрета на меня смотрел... отец, каким я видел его в далекие довоенные годы. Подпись сообщала: «С. И. Калиничев — секретарь первой комсомольской ячейки на Лидиевке в 1921 году».

— Вы знали, что он здесь?— спросил Михаил Иванович.

— К стыду своему — нет. Много лет назад мне говорили, что создается на шахте музей...

Невозможно уйти от беспокойного, обжигающего чувства, вроде бы ты прикоснулся к обнаженному нерву истории — это в шахтном музее. Тут документы, начиная с переписи 1896 года и до сегодняшних дней. А сколько фотографий, документов, предметов шахтерского быта — и все знакомые фамилии, известные и легко узнаваемые места, события. Сюда приходят и пионеры, и молодые шахтеры, а уж старики — те все в добровольных помощниках у заведующей Л. Г. Вербицкой.

Приведу один штрих. На столе у Лидии Григорьевны мы увидели большую пачку, точнее, горку таких знакомых писем-треугольников военных лет, надписанных химическим карандашом, без марок... И все с одним адресом: Лидиевка, Лаврентию Ивановичу Ивкину. Это письма с фронта отцу и матери от четверых братьев Ивкиных — Ивана, Алексея, Наума, Михаила. Сколько в них деревенской уважительности к родителям, сколько шахтерской уверенности в нашей победе! Они добыли победу, но каждый из четверых заплатил за нее своей жизнью... Письма в музей принесла их сестра. Это случилось несколько дней назад.

Мне кажется важным и такой вроде бы неприметный факт: несколько раз Лидиевку пытались переименовать, но ничего не вышло. Тут общей памятью пронизано все, что делается сегодня, что было и что должenствует быть. Раскиданные по десятилетиям события так органично сплетены в представлениях простых людей, как предметы-символы на старых иконах.

— Брат мой Яков тут работал с девятьсот пятого... У него сыновья — тоже пенсионеры уже. А брат Михаил полез в шахту в девятьсот восьмом. У него сыновья: Виктор, который на фронте погиб, Бориса немцы расстреляли, Всеволод на шахте работал... Брат Анатолий помоложе, с семнадцатого года работал. Брата ●

В лаве — машинист комбайна Анатолий Бродзинский. Утренняя смена. Проходчики из бригады Василия Захаровича Ильчука.



ЛИДИЕВКИ

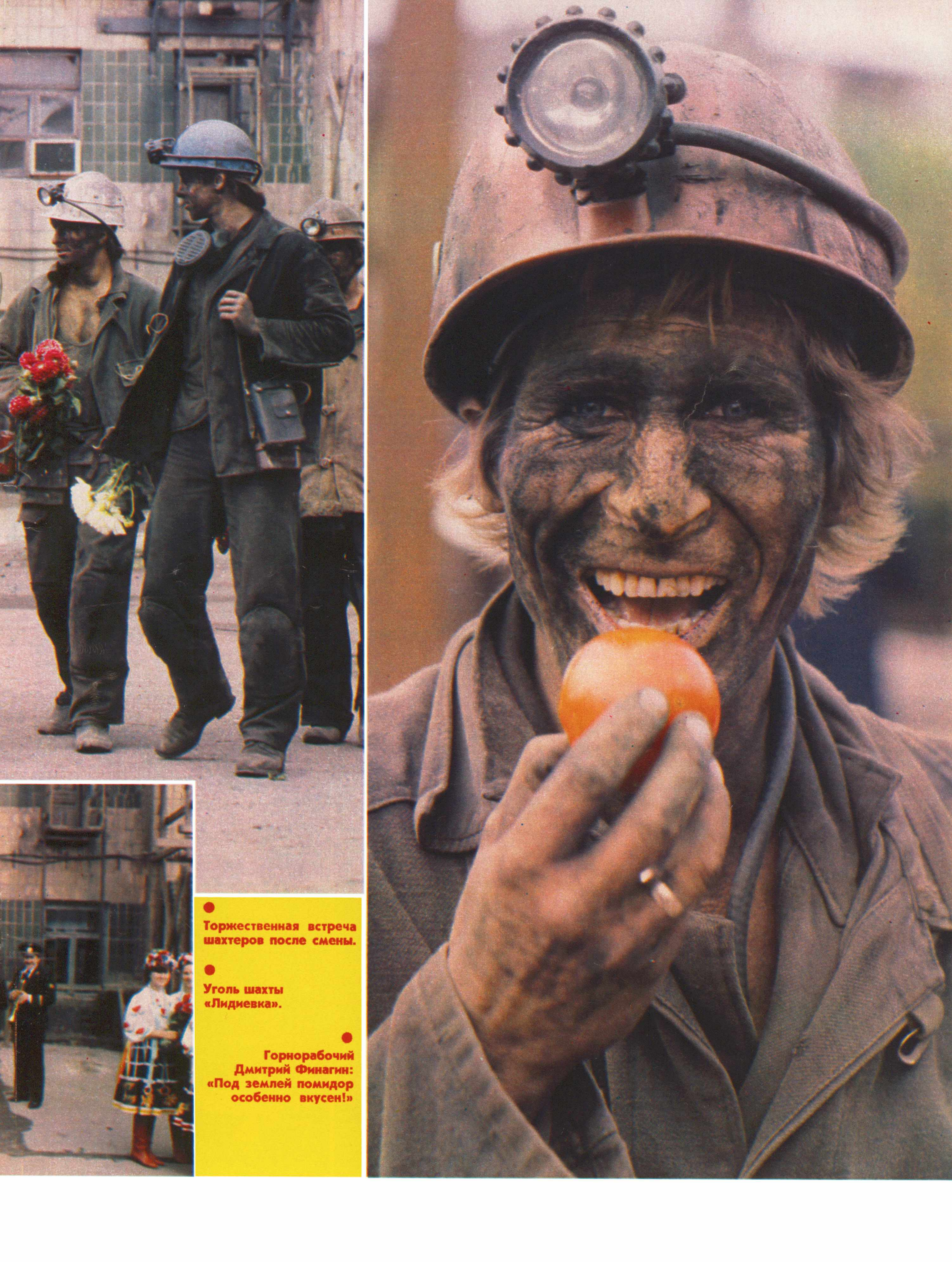


Федора тяжело ранило под Берлином, но живой остался, у него пятеро детей. А брат Григорий был в германском плену, еще в ту войну, до революции, а в сорок первом немцы, как пришли, расстреляли его вместе с племянником Борисом. У меня сын Михаил и внук тоже Михаил — он тут живет, через дорогу, может, зайдем?..

Так собирал в памяти свою родню старый шахтер, бывший политрук роты знаменитой Кантемировской дивизии Максим Никитович Гриценко.

Когда вникаешь в эту особую атмосферу общей судьбы, озаренной девятьсот пятым годом и Октябрем семнадцатого, высокой честью, добытой мозолями пятилеток и кровью Великой Отечественной, то многое в дне нынешнем становится понятнее.





Торжественная встреча шахтеров после смены.

Уголь шахты «Лидиевка».

Горнорабочий Дмитрий Финагин: «Под землей помидор особенно вкусен!»



● **За праздничным столом шахтерская династия Финагиных.**

● **Ветеран войны Герой Социалистического Труда почетный шахтер Владимир Антонович Мясищев.**

● **Еще одна свадьба. Сергей Грановский и Таня Алексич создали новую семью.**

● **Татьяна Финагина — жена шахтера.**

Скажем, быстро оценив возможности перестройки, лидиевцы уже в прошлом году возвели хозяйственным способом и сдали 100-квартирный дом. В него удалось заселить чуть ли не половину всех очередников. В этом году так же своими силами построили дом на 60 квартир и заложили еще такой же.

Но тут произошло нечто непредвиденное. Квартирная очередь, вместо того чтобы исчезнуть, увеличилась, и резко. Заявления стали поступать пачками. Многие, раньше и не помышлявшие (15 лет ждать!) о





новых квартирах, жили у родителей или в ветхих старых домах, вдруг стали подавать заявления. А тут еще Донецкий горисполком наказал лидиевцев за инициативу. Там, должно быть, решили: вы сами умеете строить... и в этом году «недодали» две тысячи квадратных метров жилья. Другим шахтам, которые сами не строят, отдали положенную долю из городского фонда, а лидиевцам — ни метра!

Но коллектив не отказался от инициативы, хотя она, как видим, пока еще наказуема. Тут вспомнили о заброшенном старом кирпичном заводике — возродили, теперь стеновой материал будет свой; открыли участок для формовки железобетонных деталей, сейчас хлопочут, чтобы расширить столярную мастерскую и выпускать рамы, дверные блоки... Не могу не упомянуть об одной мелочи, но она красноречива. Отдав на жилье все, что можно было по статьям соцкультбыта, коллектив отказался от тринадцатой зарплаты! Обсуждали это обстоятельно, проводили собрания в бригадах, на участках, голосовали поименно и всю тринадцатую зарплату с общего согласия перечислили на строительство жилья.

Тому, кто взялся бы изучать советский образ жизни, особенности нашего мышления, отношений в быту и на производстве, тому многое могло бы объяснить знакомство с шахтерами Лидиевки. Вполне логично раскрылась бы и главная загадка этого рудника: по всем расчетам, шахта должна была опустеть еще лет двадцать назад, но она и теперь неуклонно, из года в год, увеличивает добычу угля.

Справедливости ради отметим, что место для ее закладки было выбрано весьма удачно — на самом куполе большой свиты подземных пластов. Тут недра на сотни метров в глубину напоминают слоеный пирог, слегка примятый. Есть слои угля толщиной около метра или больше. Вернее, были. Четыре таких пласта на разных глубинах полностью вынуты на много километров вокруг. Но есть и такие, которые считались непригодными для разработки. Они слишком тонкие — около полуметра всего. Но местные шахтеры стали присматриваться к ним еще до того, как исчерпались балансовые запасы: подбирались подземными выработками, пробовали добывать разными способами и добывали, когда из «нормальных» забоев не хватало к плану.

Никакие институты не смогли бы сделать того, что сделал опыт сотен людей нескольких поколений. Об этом сложно рассказывать, но есть тут приемы технологии, которые нигде, кроме как на Лидиевке, не встретишь. И вот сейчас все, что добывается тут, а это около трех тысяч тонн угля ежесуточно, из так называемых забалансовых запасов. Спустившись под землю, пройдя там несколько километров по тесным выработкам, люди проходят к лаве, а это щель высотой 50 сантиметров. Теперь надо еще сотню-другую метров ползти по этой щели до рабочего места, да так и работать всю смену, почти не поднимая головы,— некуда. А угли тут крепчайшие, одни названия чего стоят: «алмаз», «корунд» и т. п.

Трудности и в том, что, выбирая пласты по обширным подземным полям, приходится пробивать все новые ходы, поддерживать их в рабочем состоянии. Сейчас общая длина этих выработок под землей составляет почти 130 километров!

Старая шахта, очень старая, но коллектив сохраняет и опыт, и нравственные установки прошлых поколений. Про директора шахты Николая Алексеевича Винника шахтеры отзываются так:

— Далеко смотрит, в мелочи не вмешивается... Одним словом, масштаб чувствует.

И это говорят люди, которые ему не то что в отцы — в деды годятся. Когда мы с фотокорреспондентом были на шахте, ее директору как раз исполнилось тридцать пять лет. Секретарю парткома и того меньше — тридцать два. Оба они уверены, что на Лидиевке им хватит дел до самой пенсии.

Вот такой сплав опыта, традиций и обостренного чувства современных масштабов придает людям силы, позволяет надеяться, что Лидиевка встретит еще не один юбилей Октября с горящей звездой на копре.

На этой мажорной ноте можно было и закончить рассказ. Но время такое, что требует всю правду до конца. Следует признать, что энтузиазм и сознательность нуждаются в помощи, без которой знаменитая шахта может попасть в прорыв. Тут назрела реконструкция, которую проводить некому, некогда и нечем. Учитывая, что даже забалансовые запасы иссякают, Лидиевке за счет соседей отвели новые поля — там, под землей, но за 6—7 километров от ствола. До них еще надо добраться, подготовить фронт работ, затащить и смонтировать тяжелую технику... Да и в поверхностном комплексе придется кое-что переделать. Но лидиевцы и тут видят выход, они лишь просят Минуглепром СССР помочь им. Для этого надо хотя бы на один год всего лишь на 15 процентов уменьшить план текущей добычи. Они подсчитали, что смогли бы тогда своими силами провести самые неотложные работы и обрести второе дыхание. При существующем, до предела напряженном плане такой подготовкой не смогут заниматься ни они сами, ни кто-то иной со стороны. Надо подняться над сиюминутной выгодой, дать людям перевести дух для нового рывка. А лидиевцы не подведут. Тут не только алмазная свита горных пластов, тут и добытчики не меньшей твердости.





Этот снимок со свадьбы Виктора и Лидии Половинкиных был помещен в «Огоньке» сорок лет назад. Верхний снимок супругов Половинкиных сделан в октябре нынешнего года.



НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ ЭТИ ВСТРЕЧИ

В 1937 году я окончил сельскохозяйственный техникум в Иркутске, а через год, когда мне было всего двадцать лет, уже работал начальником ветеринарного отдела Булганского аймака (области) под руководством советского ветврача Леонида Михайловича Карпова. В аймачной больнице выполняла обязанности хирурга, акушерки и терапевта его жена. Мы звали ее орос ээж — русская мама. Мой наставник был талантливейшим человеком, выучил монгольский язык настолько, что мог свободно разговаривать с аратами. А каким он был наездником! Здесь научился, в наших степях. Условия для работы были очень трудными. На одного ветфельдшера приходилось 180 тысяч голов скота, а сегодня в десять раз меньше. Мой первый жизненный университет я проходил у Карпова. Советский специалист помог не только мне стать опытным ветеринаром, но и научил меня шире смотреть на жизнь, стремиться к знаниям.

Итак, с этой встречей, изменившей всю мою жизнь, связано второе событие в моей судьбе. В 1942 году при бескорыстной помощи Советского Союза, в грозные военные годы, был открыт Монгольский государственный университет в Улан-Баторе, который я окончил в 1946 году. Первыми советскими учеными, приехавшими к нам, были Н. Т. Васильев, Ф. Ф. Порохов. Эти люди мне особенно дороги, потому что у них начинал я первые шаги ассистента и аспиранта. Диссертацию защищал я в Москве в 1952 году. Моим научным руководителем был Иван Георгиевич Шарабрин — известный советский ученый, доктор ветеринарных наук, профессор, заведующий кафедрой в ветеринарной академии.

Должен сказать, что не только мою судьбу изменили советские специалисты. Счастье моего народа и светлый сегодняшний день стали возможны благодаря помощи СССР, а значит это, что оно, счастье наше, рождено великим Октябрем.

Г. ШИНЖЭЭ,
кандидат ветеринарных наук, ныне пенсионер

Улан-Батор, МНР.

1917
1987



1957

АРБАТ ВСЕГДА АРБАТ. НО И ОН МЕНЯЕТСЯ ВМЕСТЕ СО ВРЕМЕНЕМ. ДОМ, О СУДЬБЕ КОТОРОГО ШЛА РЕЧЬ НА СТРАНИЦАХ НАШЕГО ЖУРНАЛА В ДАЛЕКОМ УЖЕ ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМОМ, ОБРЕЛ НЫНЕ НОВУЮ СУДЬБУ — ПРИНЯЛ В СВОИ СТЕНЫ МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР. ПРЕДЛАГАЕМ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ БЕСЕДУ С МИНИСТРОМ КУЛЬТУРЫ ВАСИЛИЕМ ГЕОРГИЕВИЧЕМ ЗАХАРОВЫМ О ТОМ, ЧЕМ ЖИВУТ В ГОД 70-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ ТВОРЧЕСКИЕ СИЛЫ СТРАНЫ, МАСТЕРА ИСКУССТВ.



ГОРИЗОНТЫ КУЛЬТУРЫ

НА ВОПРОСЫ НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ ОТВЕЧАЕТ МИНИСТР КУЛЬТУРЫ СССР ВАСИЛИЙ ГЕОРГИЕВИЧ ЗАХАРОВ

Если проанализировать почту — а для очередного выпуска рубрики «Хочу спросить» пришло более тысячи телеграмм, писем и открыток,— то обнаружатся многие болевые точки развития нашей культуры: министра спрашивают не о том, что хорошо, а о том, что плохо и почему плохо.

Около трехсот писем и телеграмм из полученной почты В. Г. Захарову мы не показали. Это вопросы о кино, телевидении, книгоиздательстве, торговле и рекламе — к Министерству культуры СССР не относятся.

Перед началом беседы Василий Георгиевич Захаров положил на стол пачку больших конвертов с рассортированными читательскими письмами и ответами на них...



— В одной из телеграмм был вопрос: можно ли духовную жизнь планировать? Если понимать это как концептуальное развитие сферы, то без определенных нормативов, без планирования не обойтись, как и без постоянного анализа положения дел.

Сфера учреждений культуры сегодня — это целая масштабная отрасль. Ее горизонты — от проблем маленьких библиотечек при сельских клубах и передвижных выставок до организации гастролей за рубежом в самой далекой африканской стране и проведения массовых праздников на стадионах...

Государственные учреждения музыкального и изобразительного искусства, охрана памятников, работа музеев, культурно-просветительские учреждения — все это наше. Мы входим в Госплан, в Совет Министров СССР, Верховный Совет СССР и другие инстанции с предложениями по развитию советской культуры, координируя свою работу с другими ведомствами и общественными организациями.

— Вы министр культуры СССР больше года. В чем видите реальные возможности для позитивных перемен в культуре?

— Прежде всего надо обеспечить выполнение принятых в последнее время по инициативе ЦК КПСС целого ряда очень важных решений по ускоренному развитию материальной базы культуры и искусства, улучшению условий деятельности творческих союзов. «Остаточный принцип» в отношении к культуре, особенно на местах, еще сильно дает себя знать. Серьезных изменений требует и наша кадровая политика. Нужны не просто организаторы, а мастера своего дела, те, кто разбирается в театральном искусстве, музыке, библиотечном деле, культпросветработе. Именно с этих позиций мы утверждали министров культуры Украины, Узбекистана, Казахстана.

Укрепление кадров началось с аппарата самого министерства. Сейчас, например, заместителем министра, ведающим музыкой, стал профессиональный композитор; заместителем, в ведении которого находятся театры,— драматург.

К сожалению, у нас пока еще много людей «непрофильных». Директора многих филармоний не имеют базового музыкального образования. Директора театров — это зачастую также далекие от искусства люди. Что нередко происходит на местах? Не справился человек на партийной, хозяйственной работе — его «сплавляют» на культуру. Простите мне это слово, но это действительно так: поручают руководить музеем, выставочным залом, филармонией, театром...

ЗАПИСКИ ИЗ КОНВЕРТОВ

— Сколько в СССР профессиональных артистов? (Горохов Ю. П., г. Ленинград.)

— Всего артистов в СССР семьдесят три тысячи человек. Из них двадцать четыре тысячи — до 30 лет. Около трех тысяч — пенсионного возраста.

— Ленгорисполком не поддерживает инициативу создания любительского объединения, которое бы воспитывало культуру общения с домашними животными. Как быть? (Камашко, г. Ленинград.)

— Существование такого любительского объединения правомерно. Оно может быть создано в соответствии с Положением о любительском объединении и клубе по интересам, утвержденным в 1985 году Министерством культуры СССР и другими заинтересованными ведомствами. Пример тому — московский клуб «Фауна». За помощью в решении данного вопроса рекомендуем обратиться в Главное управление культуры Ленгорисполкома.

— Будет ли решен вопрос о совместительстве работников искусств в самодеятельных коллективах? (Лукьянов, г. Казань.)

— Вопрос о разрешении совместительства работников искусств в самодеятельных коллективах решается соответствующими ведомствами. Министерство культуры СССР уже внесло свои предложения в Госкомтруд СССР.

— Будет ли повышена зарплата работникам сельских домов культуры? (Емиков А. И.)

— Повышение заработной платы всем категориям работников культуры ожидается с ноября этого года по определенным правительством регионам.

— Несколько лет назад окончила дирижерско-хоровое отделение Московского музыкального училища имени Ипполитова-Иванова. Не могу устроиться на работу по специальности (Зверева Е. Н., г. Видное Московской области).

— Автор будет приглашен в Министерство культуры СССР для решения вопроса.

— Предлагаю поднять потолок заработной платы распространителям театральных билетов выше 200 рублей, при этом выражаю уверенность, что залы на оперных спектаклях будут заполнены зрителями (Горелов В. Е., г. Душанбе).

— Мне кажется, что если театр и его солисты не на высоте, то даже высокооплачиваемый распространитель билетов не заполнит его публикой, поскольку там, где интересно, публики всегда достаточно. Тем не менее вопрос об отмене потолка для этой категории работников стоит на повестке дня и, видимо, будет положительно решен.

— Когда будут пересмотрены зарплата, нагрузка и отпуск концертмейстерам консерваторий? (Группа концертмейстеров Казанской консерватории, г. Казань.)

— Увеличение заработной платы концертмейстерам консерваторий будет произведено в 1991—1992 годах. Вопрос об изменении нагрузки и увеличении продолжительности отпуска в настоящее время рассматривается.

— Кто и как, Василий Георгиевич, готовит руководителей культуры? Впрямую этот вопрос не был задан читателями, но рискну предположить, что он интересует многих.

— До недавнего времени этим никто не занимался. Сейчас на экономическом факультете ГИТИСа дают образование будущим директорам театров. Серьезная переподготовка работников культуры ведется во Всесоюзном институте повышения квалификации работников культуры. Но это, конечно, капля в море. Мы в ближайшее время будем решать, как профессионально готовить руководителей культуры.

— Культура и деньги — как их совместить? Ваше мнение по этому поводу?

— Больной вопрос. Культура находится на бюджете. Большинство театров — на дотации. Мы не умеем зарабатывать деньги. Нас сковывают различные инструкции, положения и распоряжения. Министерство финансов — это парадокс! — у нас имеет больше прав в области культуры, чем мы. Например, есть решение от 1963 года о том, что зарубежных актеров мы имеем право поселять в номерах стоимостью не более 30 рублей в сутки (для иностранцев оплата за гостиницу другая, чем для советских граждан). Но за эти деньги нам дают номер в одной из гостиниц около ВДНХ с туалетом в коридоре. Мы пишем специальные письма с просьбой отменить это решение, ибо за 25 лет цены изменились и мы на практике вынуждены решение от 1963 года, постоянно получая за это выговоры, нарушать.

К нам приезжал Балтиморский симфонический оркестр. Стыдно сказать, мы не смогли их разместить на ночь — в гостиницах не оказалось номеров. Мы даем заявку за полгода, а нам за два дня говорят: в гостинице отказываем. Мы — о престиже страны, а нам — номеров нет.

Ко мне обращались дирижеры. У нас нет стимула, говорят они, ездить со своими оркестрами за рубеж. Когда дирижер едет за рубеж со своим оркестром, он практически живет только на суточные. Гонорара не бывает или он очень мал. А если Евгений Светланов продирижирует Лондонским симфоническим оркестром, то ему за один концерт заплатят многократно больше. Почему такое «разночтение» происходит, никто ответить не может, и, хуже того, не хотят изменить эту несправедливость!

В течение года мы пересмотрели и отменили более 700 лимитирующих, запрещающих и ограничивающих (ранее принятых) решений, приказов и инструкций. Но мы не имеем права отменять решения Министерства финансов! Это относится и к положению о том, что каждая поездка в капиталистическую страну для любого коллектива должна быть рентабельной. А мы говорим: пусть в сумме все поездки за границу приносят при-

быль, но от каждой требовать этого нельзя... Едет за границу симфонический оркестр — и едет солист, который может один дать тридцать концертов и прибыль. Есть же разница?!

И самое поразительное — министерство не имеет никаких прав в области финансово-экономической деятельности в сфере культуры.

Почему-то считается, что финансовые органы знают все лучше, чем органы культуры: и какие устанавливать цены на билеты, какую дотацию давать разным театрам, сколько платить музыкантам за исполнение одного произведения, а сколько — за другое.

— Я слышал, Василий Георгиевич, что Большой театр — это особая забота министра?

— Это, пожалуй, действительно большая забота. Недавно у нас прошла беседа с ведущими артистами Большого театра. Мы обсуждали, что нужно сделать, чтобы каждая постановка становилась действительно достижением, как поднять в театре дух творчества...

ЗАПИСКИ ИЗ КОНВЕРТОВ

— Предлагаю организовать ежемесячные спектакли в Большом театре СССР специально для ветеранов. (Гирбасов, Москва, ветеран Великой Отечественной войны.)

— Для ветеранов ежедневно выделяется бронь — 20 билетов. Кроме того, ежегодно проводится фестиваль «Мастера искусств — ветеранам Великой Отечественной войны», на который билеты распределяются райвоенкоматами Москвы целевым назначением.

Всем известно, желающих попасть в Большой театр больше, чем может он принять. На вечерние спектакли в Большой театр 200 билетов отдается «Интуристу», остается 1800 мест. С театральными билетами вообще сложно. Наверное, стоит подумать о том, чтобы каждый театр продавал билеты сам. Тогда мы сможем побороть такое уродливое явление, как продажа билетов с нагрузкой.

— Как отмечается 85-летие со дня рождения Сергея Яковлевича Лемешева? (Исаева, Москва.)

— 27 июня этого года исполнилось 85 лет со дня рождения Сергея Яковлевича. Отметить дату на сцене ГАБТа СССР не представлялось возможным, так как с 1 июня театр был закрыт на ремонт.

В предстоящем сезоне после проведения праздничной программы, посвященной 70-летию Великого Октября, в Бетховенском зале Большого театра состоится концерт, посвященный 85-летию со дня рождения этого артиста.

Музей ГАБТа СССР развернет в эти дни в фойе театра экспозицию, посвященную страницам жизни и творчества С. Я. Лемешева.

— Многие, как я понимаю, Василий Георгиевич, мечтают попасть в Большой театр, чтобы просто его посмотреть.

— Я согласен с вами. Что меня поразило в Париже: в «Гранд-опера» днем стоит очередь; за 15 франков можно посмотреть театр изнутри. Там проводят специальную получасовую экскурсию. Думается, подобное можно устроить и в Большом театре.

— Василий Георгиевич, откуда у вас пристрастие к музыке? Вы из семьи музыкантов?

— Нет, я из рабочей семьи. Отец в молодости работал бутафором в Ленинграде, в театре имени Пушкина.

В семье я седьмой ребенок. У отца был хороший слух. Он любил музыку, часто рассказывал нам о спектаклях в Мариинском театре, мальчишкой я знал, кто такие Шаляпин, Собинов. В детстве полюбил музыку. У меня так и осталось это пристрастие. Мой любимый певец — Сергей Яковлевич Лемешев. Из других видов искусства преимущественно люблю живопись, прежде всего реалистическую.

— Часто ли вы бываете в театрах, на концертах?

— Обычно не реже одного-двух раз в неделю.

— Было бы интересно узнать, что вы любите читать.

— Сейчас читаю больше всего периодику, особенно толстые журналы. Мне интересны Виктор Астафьев, Валентин Распутин, Чингиз Айтматов со всеми его противоречиями. Из ленинградцев слежу за творчеством Даниила Гранина. Много читаю книг по искусству. Недавно прочитал записки Бориса Хайкина. Удивительный был деятель, дирижер, человек. Из мемуарной литературы с интересом перечитываю записки Михаила Юрьева, воспоминания Лемешева. Вот пример скромнейшего человека! Он рассказывает, что все время мучился, сомневался, ему многое не нравилось. Просто удивительно!

— Часто ли встречаетесь с деятелями культуры в министерстве?

— Достаточно часто. Через день, а то и каждый день веду прием. Читаю почту. За восемь месяцев министерство получило более шести тысяч писем. Просматриваю примерно каждое шестое письмо.

— Есть ли у вас дома фонотека?

— Есть, и большая. Собираю, и давно, преимущественно классику, но не только.

— Василий Георгиевич, было бы интересно узнать ваше мнение о публикациях нашего журнала, особенно по изобразительному искусству. Ведь вы наш журнал иногда смотрите?

— Не иногда, а всегда. Я за то, чтобы представлялись разные направления изобразительного искусства. Ваш журнал делает интересно многое. На мой взгляд, вы несколько увлеклись Марком Шагалом. У вас о нем прошло несколько материалов за год, а ведь сколько есть художников, о которых тоже надо рассказывать! Я уже говорил, моя привязанность — в сфере реалистического искусства, но и авангард, повторяю, — художественная реальность, и он не должен исчезать, пропадать, замалчиваться и тем более подвергаться гонениям: Кандинский, Кузнецов, Малевич, Фальк, Ларионов, Филонов — часть нашего национального достояния.

ЗАПИСКИ ИЗ КОНВЕРТОВ

— Что делается министерством для сохранения художественного наследия Константина Васильева? (Павлова, Таллин; Перевязкин, Харьков; Мерзликин, Москва.)

— По нашему поручению наследием художника занимается Управление культуры Мособлисполкома. По сообщению заместителя председателя исполкома Коломны Московской области тов. Редькина Н. А., в 1988 году в городе Коломне открывают картинную галерею, где будут созданы условия для хранения и экспонирования произведений художника. Работы плохой сохранности находятся на реставрации во Всероссийском художественном научно-реставрационном центре имени И. Э. Грабаря. По сообщению Управления культуры Мособлисполкома (тов. Добровольского В. Г.) планируется для галереи приобрести ряд работ К. Васильева, являющихся собственностью его матери, Васильевой К. П.

— Хочу поставить вопрос об организации выставок одной картины (Ромушкевич, Троицк Челябинской области).

— В 1982 году по инициативе Пензенского облисполкома в Пензе был организован музей одной картины. Опыт работы этого музея заслуживает внимания. Однако для дальнейшего его развития в других городах необходимо выделение специальных помещений с охранной сигнализацией и соответствующими нормами музейного хранения по режиму температуры и влажности. Без этих условий картины исторической и художественной ценности экспонировать нельзя.

В настоящее время Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина и Всесоюзным музейным объединением «Государственная Третьяковская галерея» прорабатывается вопрос о возможности организации нескольких выставок одной картины для показа в городах СССР.

— Расскажите об организации передвижных художественных выставок



Арбат. 1987.
Фото Валерия ГЕНДЕ-РОТЕ

из фондов центральных музеев страны (Куликов, Термез).

— Ежегодно по линии нашего министерства формируется художественными музеями союзного подчинения до 20 выставок из фондов Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Всесоюзного музейного объединения «Государственная Третьяковская галерея», Эрмитажа, Музея искусств народов Востока и других. Среди них «Портрет в русском искусстве XIX—XX вв.» из фондов Третьяковской галереи, «Шедевры западноевропейского искусства» из собрания ГМИИ имени А. С. Пушкина, Эрмитажа.

— Василий Георгиевич, больше всего писем оказалось по проблемам эстрады, рок-музыки. Ставился и такой вопрос: как делать в искусстве «звезд»?

— Начну с последнего вопроса. За рубежом выбирают кандидатуру и, как говорится, на этого человека «ставят»: вкладывают 5—6 миллионов, делают сотни видеозаписей, теле- и радиопрограмм, организуют рекламу, прессу и «звездой» «выстреливают». Сложнее в театре, особенно в оперном, где надо набрать репертуар, мастерство. Наверно, нам такие методы не подходят. Но в правильном понимании делать «звезд» надо. Мы утеряли умение делать «звезд» и в международном масштабе. Вспомним конкурсы артистов эстрады. «Звезд» нужно готовить самым тщательным образом: что исполнять, как исполнять, какой будет у исполнителя костюм, какой стиль поведения... Требуется и внимательнее отбирать претендентов. Подготовка «звезд» — это же и проблема талантливой режиссуры, педагогов, наставников. В спорте со знаменитым спортсменом занимаются несколько тренеров, а артист нередко предоставлен сам себе. Будем такую систему ломать. Уже сейчас отобраны несколько молодых эстрадных исполнителей, победителей «внутренних» конкурсов, которые готовятся для участия в международных фестивалях, конкурсах.

О рок-музыке. Я противник запретов в искусстве. Запретный плод сладок. Почему мы должны избегать того, что любит молодежь? Мы обязаны прививать хороший вкус. Журбин, Морозов, Рыбников, талантливые композиторы, работают в этом жанре, надо все талантливое поддерживать.

Выведя рок «из подполья», мы его значительно очистили. Ведь раньше многие ансамбли привлекали внимание молодежи прежде всего своим «запретным» ореолом.

ЗАПИСКИ ИЗ КОНВЕРТОВ

— Допустимо ли выступление артистов под фонограмму? (Безруков, Уфа.)

— Министерством культуры СССР по данному вопросу издано указание от 1983 года, запрещающее выступление артистов и коллективов в концертах под фонограмму.

— Когда будет создан в Москве театр песни под руководством народной артистки РСФСР А. Пугачевой? (Блошенко, Одесса; Кисел О., Новороссийск; Куренков П., Ташкент.)

— А надо ли создавать такой театр? Я лично в этом еще не убежден.

— Почему допускают к показу на телевидении выступления ленинградского певца С. Захарова, в свое время совершившего правонарушение и отбывшего срок наказания? (Новиков, Львов и др.)

— С. Захаров за свой проступок в прошлом понес наказание, после которого он имеет право по советским законам вернуться к своей работе. Тот факт, что он с успехом выступает сегодня и работает зрело и серьезно, свидетельствует о том, что он не подвергся, да это и не в традициях нашего общества, служебной и личностной дискриминации.

— Почему Министерство культуры СССР не создаст условий для В. Леонтьева, чтобы он мог стать «звездой» с мировым именем? (Курочкина, Иваново.)

— Солист Ворошиловградской областной филармонии, лауреат премии Ленинского комсомола В. Леонтьев пользуется успехом как в стране, так и за рубежом. Недавно, например, по нашей просьбе он участвовал в Днях советской культуры в ВНР, что немало способствовало его популярности у такой взыскательной публики, как венгерская. Так почему же не считать его «звездой» с мировым именем?..

— Когда прекратятся дискотеки? Их нужно закрывать! (Глушенко, Медногорск Оренбургской области.)

— Дискотеки — одна из форм досуга молодежи. По данным социологов, занимающихся проблемами музыки для молодежи, лишь 24 процента молодых людей всерьез интересуются той рок-музыкой, что в основном используется в дискотеках. Ими высказывается мнение, что интерес к рок-музыке и соответственно к дискотеке как форме проведения досуга будет постепенно снижаться. Но закрывать их не нужно. Улучшать нужно.

— Не пора ли сократить количество джазов? (Степанова, Свердловск.)

— В стране не так уж много джаз-ансамблей и джаз-оркестров. Этот жанр музыкальной эстрады пользуется популярностью не только у молодежи, но и у лиц старшего возраста. Искусству джаза нужно обучаться с детства, поэтому у нас существуют музыкальные школы, где обучаются первоначальным навыкам джазовой импровизации, более того, этому учат студентов тридцати шести специальных учебных заведений. Министерство и в дальнейшем будет способствовать развитию этого жанра.

— Значительная часть телеграмм и открыток поступила с вопросом о присуждении званий артистам. Кто-то спрашивал, нет ли здесь келейности, скрытности. Целая стопка открыток о Сергее Захарове и Валерии Леонтьеве, клоуне Семене Маргуляне: почему у них нет званий?

— Согласно Положению о присвоении почетных званий работникам искусства и культуры, инициатива представления кандидатур должна исходить от руководства и общественных организаций по месту работы исполнителя, в конкретном случае от Ворошиловградской областной филармонии, где работает В. Леонтьев, и Магаданской областной филармонии, где работает С. Захаров, от Союзгосцирка, в штате которого находится С. Маргулян.

Присвоение почетного звания находится в компетенции Верховных Советов союзных республик (все звания, кроме народного артиста СССР). Это, если можно так сказать, официальный ответ. Расширяя его, могу добавить: в своей позиции Министерство культуры исходит из того, что почетные звания надо предоставлять тогда, когда артист находится в расцвете, а не в связи с очередным юбилеем, не для пенсии! Видимо, правы авторы многочисленных писем и в том, что присуждение званий должно быть более гласным. И гласным оно должно быть, уже начиная с театра. А ныне, к сожалению, в театре, кроме «четырехугольника», зачастую не знают, кого театр представляет к званию. Что касается конкретного вопроса о почетном звании В. Леонтьеву, то я считаю, что он его вполне заслуживает.

— Василий Георгиевич, «Огонек» очень много писал о Союзгосцирке. На коллегии министерства тогда — а это было в декабре прошлого года — рассматривался вопрос о работе Союзгосцирка. Подводя итоги, вы сказали:

«Мы должны признать работу Союзгосцирка неудовлетворительной». Что изменилось с тех пор?

— К сожалению, мало. В ближайшее время возвращаемся к этому вопросу. Думается, на этот раз разговор будет более результативным. Союзгосцирк — действительно больная точка.

— Примерно одна пятая полученной почты касается фирмы «Мелодия», проблем грампластинок.

— Мы приняли несколько принципиальных постановлений по развитию «Мелодии». Реорганизуем многие технологические процессы выпуска пластинок, ставим вопрос, чтобы сосредоточить продажу пластинок в специализированных магазинах. Следующий этап коренного совершенствования — переход к выпуску компакт-дисков. Стараемся, чтобы фирма работала оперативнее. Это если коротко. А в принципе, согласитесь, тема настолько обширная, что требует отдельного разговора.

— Рискну взять на себя смелость предложить сделать на страницах нашего журнала «круглый стол» по проблемам фирмы «Мелодия», но непременно с вашим участием.

— Отвечаю согласием.

— Василий Георгиевич, ваше личное отношение к библиотекам? Какие здесь стоят проблемы, что предполагается сделать для их решения?

— У меня к библиотекам отношение трепетное. Когда готовил кандидатскую, докторскую диссертации, занимался в библиотеке. Ленинградскую библиотеку имени Салтыкова-Щедрина считаю своей родной.

Самая сложная проблема у библиотек — полное отсутствие современной материальной базы. Заработная плата библиотекаря — одна из самых низких в стране. Предстоящее повышение заработной платы работникам культуры включает и всех работников библиотек.

— Ваше отношение к театру массовых представлений? Об этом в свое время писали Мейерхольд, Охлопков... По-моему, мы утеряли традиции.

— Согласен. Мы растеряли традиции массовых представлений, нет специалистов. Есть в Ленинграде режиссер Петров, в Москве — Головко, а нужны такие профессионалы в каждом городе.

— В какой степени взаимодействуют Гостелерадио СССР и Министерство культуры?

— Еще слабо. Вроде есть понимание, есть желание друг другу помогать, а не все возможности для сотрудничества используются.

— Проблема национального в культуре. Что вы можете сказать по этому поводу!

— Известно, что среди негативных явлений и ошибок недавнего прошлого были и отдельные попытки под лозунгом интернационализма нивелировать национальные особенности культур братских народов нашей страны. Среди главных задач ленинской национальной политики, которую утверждает перестройка,— дальнейшее развитие социалистической по содержанию и многообразной по национальным формам советской культуры. Мы твердо считаем: опасно не только уравнивать под единый образец разные культуры, но и нарочито противопоставлять их друг другу, идеализируя «свои», исторические и бытовые особенности, а то и религиозные пережитки. Надо решительно защищать наш пролетарский интернационализм от политических и демагогических спекуляций, что он-де обедняет национальное своеобразие. В социалистической стране расцвет искусства каждого отдельного народа служит залогом расцвета искусства для всех.

Демократизм, интеллигентность, деликатность, наконец, также крайне необходимы в решении тонких вопросов духовного обмена и взаимообогащения разных народов.

ЗАПИСКИ ИЗ КОНВЕРТОВ

— Управление торговли Мособлисполкома запретило магазинам продавать музыкальные инструменты по безналичному расчету. Где и как можно их приобрести? (Величко, Павловский Посад Московской области.)

— С 1 января нынешнего года все учреждения культуры переведены на новый порядок снабжения электромузыкальными инструментами, усилительно-акустическими устройствами и ударными установками, которое осуществляется теперь по заявкам министерств культуры союзных республик, местных органов культуры, Госснабами союзных республик и территориальных управлений Госснаба по утвержденной номенклатуре.

— Где купить струны для пианино? (Салтманова, пенсионерка, Гагарин Смоленской области.)

— Фортепианные струны в продажу не поступают, поэтому необходимо обратиться к настройщику фирмы «Заря» или музпроката, который и произведет замену лопнувших струн.

— Как происходит в СССР реализация икон? (Булига, Москва.)

— Иконы и другие предметы культа принимаются от граждан Всесоюзным художественно-производственным объединением имени Е. В. Вучетича Министерства культуры СССР для реализации на комиссионных началах, по мере осуществления которой владельцу выплачиваются деньги.

— Помогите улучшить жилищные условия. Министр должен вмешаться (Евстафьев, работник культуры, г. Городец Горьковской области).

— Евстафьев А. А. приехал из г. Геленджика, работал в Городецком Доме культуры с декабря 1986 года по май 1987 года. Ему с семьей была предоставлена комната в общежитии. Затем тов. Евстафьеву предложили должность директора Дома культуры в совхозе «Заречный» с выделением трехкомнатной квартиры. Одновременно выяснилось, что Евстафьев разыскивается органами милиции как злостный неплательщик алиментов. За последние два года он поменял девять мест жительства. После состоявшегося суда Евстафьев из г. Городца уехал.

— Василий Георгиевич, когда мы говорим о культуре, то это подразумевает и общую культуру человека, его духовные запросы, эстетическую подготовку, воспитанность, образованность. Думается, что многое в этом отношении могла бы сделать школа. Эстетическое воспитание начинается с рождения ребенка, с первой услышанной колыбельной песни, с первой игрушки. И мне кажется, что Министерство культуры самоустранилось от этого процесса. Детские сады, школы, техникумы, ПТУ, институты... Сколько возможностей для воздействия, для воспитания... Конечно, не все может сделать Министерство культуры, здесь и комсомол, и профсоюзы, и Министерство просвещения, Минвуз СССР. Но застрельщиком, на мой взгляд, должно быть Министерство культуры. Ваше мнение по этому поводу?

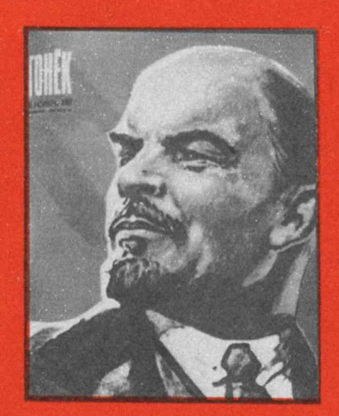
— Полностью согласен с вами. Уроки рисования и пения в школах — будем смотреть правде в глаза — в значительной мере фикция. Тринадцать тысяч школ только в Российской Федерации вообще лишены преподавателей рисования и пения. А там, где они есть, нужно еще посмотреть, кто они такие. Семья, детский сад, школа формируют вкус. Мы провели коллегию вместе с Министерством просвещения. Поразительное явление: мы не можем трудоустроить выпускников художественных вузов, а в школах некому преподавать рисование. По предложению Министерства культуры принято решение о разработке государственной программы эстетического воспитания. Пока такая программа не станет государственной, у нас ничего не будет получаться. Мы подсчитали, что примерно шестьдесят ведомств и министерств должны принять участие в ней. Думаем, это как-то сдвинет дело с мертвой точки. Здесь нам необходима помощь средств массовой информации (той же «Советской культуры», которая действительно становится все более интересной, хотя нас на ее страницах нередко справедливо критикуют), деятелей культуры, педагогов — словом, всех, кто заинтересован в повышении духовного потенциала страны.

Беседу вел
Владимир ШАХИДЖАНЯН.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Мы благодарим сотрудника Министерства культуры СССР В. А. Беклешова за содействие в подготовке этой публикации, за помощь в работе с полученными письмами читателей.

1917
1987



1967

С ОСОБЫМ ВОЛНЕНИЕМ ПРЕДСТАВЛЯЛ НАРОДНЫЙ ПОЭТ БАШКИРИИ МУСТАЙ КАРИМ В НОЯБРЕ ШЕСТЬДЕСЯТ СЕДЬМОГО НА СТРАНИЦАХ «ОГОНЬКА» МОЛОДОЙ ГОРОД НЕФТЯНИКОВ ОКТЯБРЬСКИЙ. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ — СРОК, ЗА КОТОРЫЙ К ЛЮДЯМ И ГОРОДАМ ПРИХОДИТ ЗРЕЛОСТЬ. И ГОРОДУ, НОСЯЩЕМУ СТОЛЬ СЛАВНОЕ ИМЯ, ЕСТЬ ЧЕМ ОТЧИТАТЬСЯ В ПОРУ 70-ЛЕТИЯ ОКТЯБРЯ. ЧИТАЙТЕ ОБ ЭТОМ РЕПОРТАЖ НАШИХ СПЕЦИАЛЬНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ.


Носящий имя революции

Высшая цель — благо человека

ИДЕТ ЗА ОКТЯБРЕМ НОЯБРЬ

До чего же хороша осень! Блеснет низкий луч солнца сквозь тучи — сразу огнем ответят холмистые перелески, утонувшие в глубоких колеях проселки. За моей спиной меж холмов ворочается, готовясь ко сну, город. И лишь одни «железные ишачки» поматывают головами. Пьют и пьют из чрева земли черное молоко ее — нефть. Уж полвека пьют и все не напьются.

На продуваемой всеми ветрами площадке, на Шайтан-поле (Чертовом поле), появились в свое время первые несколько домиков, рабочая столовая, почта и клуб. А рядом, в вырытом глинистом котловане, бродили по колено в жиже лошади, меся тесто для саманных кирпичей, из которых и начинали расти стены Соцгорода.

...Когда мы, мальчишки, в стране, победившей врага, стояли в послевоенные годы в бесконечных очередях за буханкой черного хлеба, за килограммом сахарного песку, где-то рядом громыхали по железнодорожным путям цистерны, полные «черного золота». Мы знали, республика наша зовется «Второе Баку», хотя «первое» уже начало сдавать свои позиции по отношению к Башкирии. Мы знали немало месторождений нефти, обраставших впоследствии поселками и городами. Но среди всех особо звучал город Октябрьский — тот самый саманный Соцгород, который теперь обрел не только ширь, но и стать.

В 1966 году на Туймазинском месторождении в Башкирии был достигнут максимум добычи и составил 14,9 миллиона тонн.

Увы! У месторождений, как и у людей, силы не вечны. И старость приходит подчас быстрее, чем наша готовность принять ее. Скудели и обводнялись пласты, основные запасы нефти почти уже выработаны. Ну, а город, что назвали именем Октября, который только перешагнул свой мальчишеский сорокалетний возраст? Он-то как? Тоже старик?

...Мы целый день ездили по его площадям, улицам, микрорайонам. Заходили в цеха: вот один из спутников КамАЗа — завод «Автоприбор».

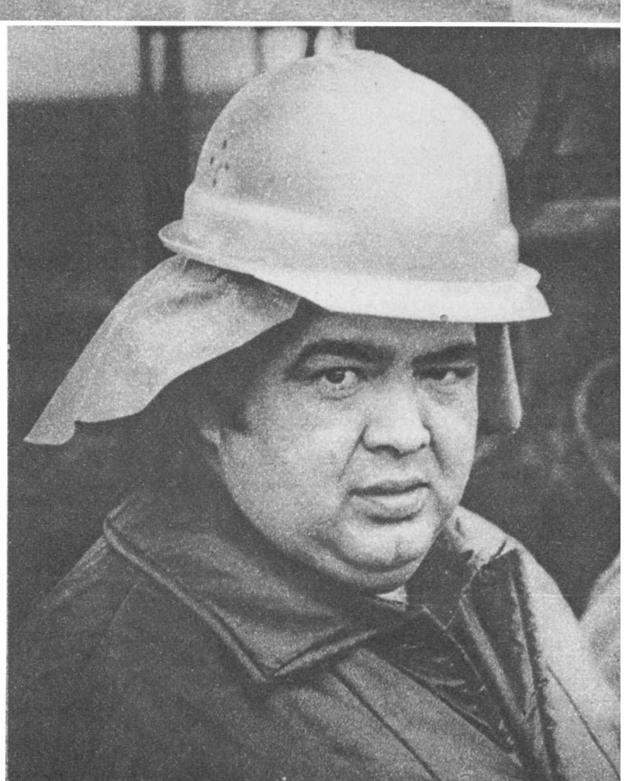
Смело можно сказать: четвертая доля экономики города принадлежит ему. Тысячи рабочих. Но это предприятие не единственное из существующих в городе. Мы были во Всесоюзном научно-исследовательском и проектно-конструкторском институте геофизических исследований геологоразведочных скважин. Выслушали подробные объяснения: что люди исследуют, какие разрабатывают методы. Специалисты убедили нас, что без их разработок не обойдутся ни Тюмень, ни Прикаспье, ни Камчатка.

Направились в Октябрьское УБР — управление буровых работ. Две повстречавшиеся нам женщины, одна из которых оказалась диспетчером авиаперевозок, разъяснили: и управляющий, и секретарь парткома, и остальные руководящие лица управления далеко отсюда, за тысячи верст. Ищите их на севере Тюмени, в городе Ноябрьске! Каждый день, исключая воскресенье, уходит из Башкирии в рейс самолет Ту-154 и берет курс на Север. На борту его рабочие, инженеры. Два часа лета, две недели на вахте, потом на две недели домой. Октябрьский делится и знаниями своими, и силой. Октябрьский передает эстафету Ноябрьску.

Когда сгустились сумерки и тучи овладели городом, мы попали в школу. Нет, школа была обычная, не вечерняя. И занятий там никаких не шло. Хотя мы и увидели массу табличек с указанием классов: 1 «А», 3 «В» и т. д. За столами, украшенными горящими осенними ветвями берез и кленов, сидели школьники, люди постарше и даже дедушки и бабушки. Из стоящих самоваров лился струйками крутой кипяток. Всем хватало чашек и кренделей, а главное — тепла. Здесь не было сказано ни одного нравоучения. Звучали стихи о Есенине, сочиненные поэтом-рабочим, музыка Бетховена. Невысокого роста мальчишка перед исполнением солидно и с достоинством пояснил, почему именно «Лунная» — особое место в творчестве композитора. Потом были песни. Много песен, разных. Были воспоминания. И я подумал: сколько же горожан прошло через школу, отметившую свой двадцатипятилетний педагогический стаж! Подумал: сколько же тепла могут подарить друг другу люди, не теряющие своей дружбы в течение долгих лет! И как хорошо может быть от этого тепла даже человеку постороннему, забредшему на «чужой огонек»! Потом звучал «Школьный вальс», такой давний и такой щемящий. На глазах ветеранов-учителей поблескивали слезы, на цветущих лицах десятиклассниц горел румянец. Наверное, и этот вальс, и этот зал, и весь свой город они видели глазами юности, а юность смотрит только вперед.

Андрей ЛЕВУШКИН

Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА









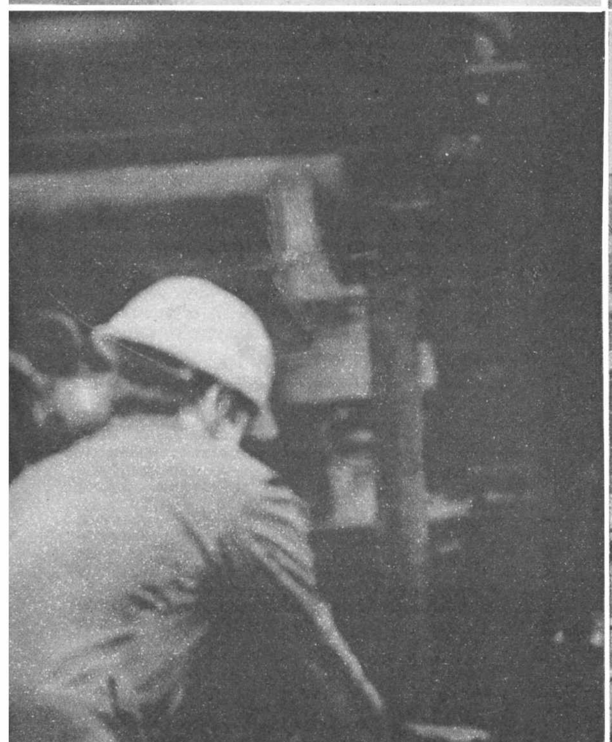
Потом звучал «Школьный вальс»...

В детском саду института геофизических исследований.

Расуль Тухватуллин — мастер подземного ремонта скважин. Мастер по должности и по мастерству...

Сборщица «Автоприбора» Валентина Лауэр колдует над манометрами, без которых тоже далеко не уедешь...

Октябрьский «Автоприбор» — спутник КамАЗа, хотя его продукция идет и на другие крупные автозаводы страны.





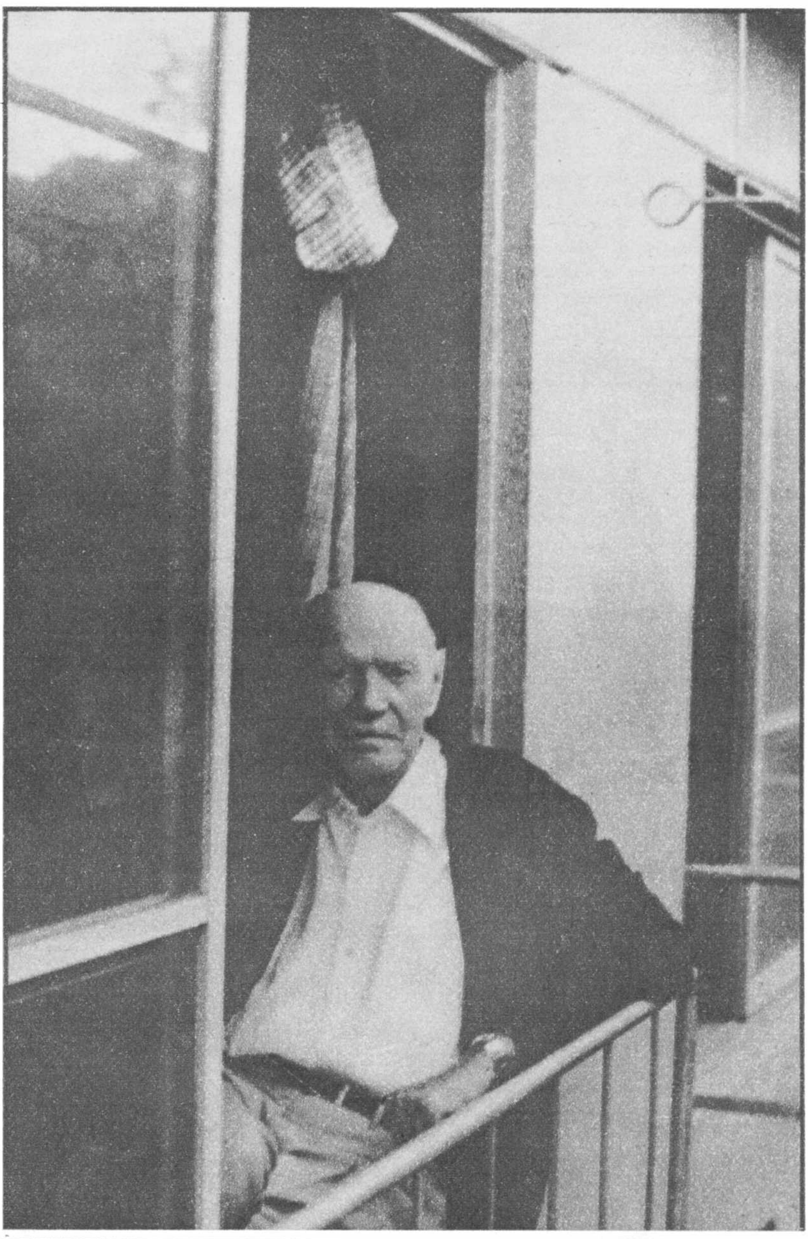
ГОЛОС ИЗДАЛЕКА

Владимир ЦВЕТОВ

КАК ИЗ ПОЛУШЕК И КОПЕЕК СОСТАВЛЯЮТСЯ РУБЛИ, ТАК ИЗ МЕЛКИХ И КРУПНЫХ ФАКТОВ СОСТАВЛЯЕТСЯ ИСТОРИЯ. СЕЙЧАС НАСТАЛА ПОРА ПРИВЕДЕНИЯ В СООТВЕТСТВИЕ СЛОВА И ДЕЛА. ПОЭТОМУ Я И ХОЧУ ВЕРНУТЬ В КОПИЛКУ НАШИХ ЗНАНИЙ И САМИМ СЕБЕ ТО, ЧЕМ В СВОЕ ВРЕМЯ НЕРАСЧЕТЛИВО ПРЕНЕБРЕГЛИ.

— В СЛУЧАЕ АРЕСТА И СУДА В МОСКВЕ МЕНЯ ОЖИДАЛА ВИСЕЛИЦА. ЕСЛИ Б СХВАТИЛИ В КИЕВЕ, ТО ТАМ ВОЕННО-ПОЛЕВОЙ СУД ПРИГОВОРИЛ БЫ К РАССТРЕЛУ...

ЧЕЛОВЕК, РАССКАЗЫВАВШИЙ, ЧТО В 1905 ГОДУ СУД В МОСКВЕ ГРОЗИЛ ЕМУ ВИСЕЛИЦЕЙ, А СУД В КИЕВЕ — РАССТРЕЛОМ,— ЭТО АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ ВАННОВСКИЙ, ДЕЛЕГАТ ПЕРВОГО СЪЕЗДА РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ.



Я слушаю хриплый прерывающийся голос и испытываю радостное удовлетворение от того, что двадцать лет назад хватило у меня здравого смысла не последовать совету одного из руководителей Гостелерадио размагнитить пленку и выбросить из головы рассказанное Ванновским. Впрочем, забыть его рассказ я бы все равно не смог. Ведь виселица была уготована Ванновскому за причастность к Декабрьскому вооруженному восстанию в Москве, расстрел — за то, что месяцем раньше в Киеве вместе со взбунтовавшимся саперным батальоном вышел на защиту от полиции шестнадцатитысячного митинга в Киевском политехническом институте.

— Нам это не нужно,— сказал зампред. «Нам» прозвучало у зампреда многозначаще и авторитетно, и во взгляде поверх моей головы читалась уверенность в доскональном постижении истины. Чудилось: зампред глаголет от лица миллионов, ровненько построившихся за спиной и впереди него друг другу в затылок.

На миллионы счет, конечно, не шел. Когда самодовольной власти слишком много, то чересчур большого числа не надо. Те, что возглавляли колонну, наверное, решили: память о Ванновском, царском министре, важнее, чем о Ванновском, участнике создания РСДРП, и в Большой Советской Энциклопедии нашлось место для первого и не хватило — для второго. В популярной литературе Александр Алексеевич Ванновский упоминался только при перечислении делегатов первого съезда РСДРП, и если уж Ванновскому давалась характеристика, то не иначе, как «молодой и малоопытный представитель слабенькой организации», и указывалось на его «замаскированное выступление» на съезде против будущего ЦК.

Язык бесконтрольной власти имеет свои тайны, подобно речи церковников. Зампред знал ключ к этим тайнам. И ему не было необходимости консультироваться с кем-либо. Рассказ Ванновского я записал в Японии, где тот проживал с 1919 года. Такая особенность его биографии лишь добавила уверенности, что «нам это не нужно». Тогда считалось: нет и не может быть иных героев революции, кроме тех, кто похоронен на парадном столичном кладбище или на погосте сибирского лесоповала.

— Родители определили меня в третий кадетский корпус. Однажды мы ожидали высочайшего посещения,— звучат с магнитофонной пленки воспоминания Ванновского о своей юности.— Но государь почему-то не заехал к нам, ограничившись осмотром двух других кадетских корпусов. И мы решили просить его побывать у нас на обратном пути. Видим: появилась головная пролетка обер-полицмейстера, за которой неслась коляска государя. Кто-то выбежал из строя наперерез кавалькаде, и тотчас же к ней ринулась, словно по команде, вся рота. Кортеж остановился. Поднялась страшная сумятица.

Кадеты, как черные муравьи, облепили царскую коляску и лезли в нее, сталкивая друг друга с подножек.— Я вспоминаю, как в этом месте Ванновский чуть оживился. Давняя картина, наверное, представилась ему во всех подробностях. Ванновский продолжил: — Я растолкал всех, вскочил в коляску и, приложив руку к козырьку, воскликнул: «Ваше величество, пожалуйста, посетите наш корпус!» Тут меня сильно толкнули сзади, и я, чтобы удержаться, схватился за государевы колени. Поднял голову и увидел его лицо. Вернее, не лицо, а одни глаза — в них не было ни улыбки, ни интереса к нам. А под глазами — большие мешки, чуть подернутые мелкими морщинами. Казак, восседавший на козлах подле кучера, что-то спросил у императора, тот кивнул, и кучер стегнул лошадей. Они рванулись, и я вывалился из коляски. Упал у самого колеса, но, к счастью, оно меня не задело.

Ротный командир долго отчитывал нас. Грозил исключением из корпуса. А мне сказал: «Это вы впереди других полезли в коляску! Вы всегда действуете по первому побуждению и не думаете о последствиях. Ну, прямо готовый бунтовщик!» Все рассмеялись. И я тоже. Никому не пришло на ум, что слова ротного — вещие.

Странно было слушать о событиях, случившихся в Москве в конце минувшего и начале нынешнего столетия, от участника этих событий. Вдвойне странно было разговаривать с ним в предместье японской столицы. В 1967 году район, где проживал Ванновский, считался токийской окраиной. Ее усеивали собранные на скорую руку жилые дома, весьма напоминавшие наши блочные пятиэтажки. Ванновский занимал тут тесную квартирку. За перегородкой, такой тонкой, что, казалось, изготовлена она из картона, мужской хор настойчиво выводил знакомое в то время каждому японцу: «Акаруй «Насионару»... акаруй «Насионару»...— Светлый, яркий «Националь» — телевизионную рекламную песенку о новых радиоприемниках, холодильниках и кофеварках «короля» японской электротехники Коноскэ Мацуситы. Наверху женский голос вел бесконечный телефонный разговор. Потолок был не намного толще стен, и поэтому я отчетливо разбирал, что произносила женщина. Она с разной интонацией беспрестанно повторяла: «Со-о дэс ка, со-о дэс ка...» — что означало то «в самом деле?», то «вот это да!», то «не может быть!..».

Хотя я и прикрыл плотно окно, чтобы шум улицы не мешал магнитофонной записи, в комнату свободно проникали звон колокольчика, предупреждавший у железнодорожного переезда о приближении поезда, стремительно нараставший переливчатый звук охотничьего рога — сигнал самой электрички, наконец, дробь колес и снова звон умолкавшего ненадолго колокольчика. В наступавшей паузе женщина наверху успевала несколько раз проговорить «со-о дэс ка», телевизор за стеной — прославить пиво «Кирин» или часы «Сэйко», и опять начинал звенеть колокольчик у переезда.

Совсем лысый, с дрожащими руками, старый, но все еще прямой, Ванновский, казалось, забыл обо мне. Он медленно, по крупицам восстанавливал в памяти свою жизнь, обращаясь только к магнитофону. Мысленно был Ванновский далеко за пределами этой комнаты. Я оглядел ее. На полках расставлены как попало посеревшие от пыли книги — рядом с английским изданием собрания сочинений Шекспира виднелись мягкие желтоватые корешки русского эмигрантского «Нового журнала», сборник материалов «Первый съезд РСДРП», выпущенный в Советском Союзе, соседствовал с дореволюционным изданием стихов Александра Блока и томиком древних японских преданий «Манъёсю». Видно было, что за письменный стол никто давно не садился: на пыльной поверхности остался четкий след от футляра моего магнитофона.

Я ставлю новую кассету и слушаю Ванновского дальше.

— Слова ротного в кадетском корпусе начали сбываться, когда я учился в императорском техническом училище. С революционными теориями меня познакомил старший брат Виктор. Он отсидел два года в тюрьме по тому же делу, по какому осудили на смерть Александра Ульянова, брата Ленина. Виктора быстро выпустили, так как определили у него душевное расстройство. Болезнь не была серьезной, но брат умело симулировал ее, чтобы полиция ослабила за ним наблюдение.

Направляясь к Ванновскому, я, честно говоря, не верил, что смогу услышать от 90-летнего старика повествование со столь многими подробностями. От очевидца хочется узнать именно детали былого, и теперь я с напряженным вниманием следил за рассказом Александра Алексеевича.

— В училище читал лекции Сергей Николаевич Булгаков.— Я вновь вслушиваюсь в магнитофонную пленку. Такое же, как и двадцать лет назад, овладевает мною внимание сейчас.— Это потом Ленин подвергнет Булгакова критике за извращение марксизма, а в мои студенческие годы Булгаков находился на верных позициях. Булгаков мне много разъяснил. Но все же первым моим учителем был брат, Виктор. Он разработал систему революционного просвещения. Брат использовал ее для преподавания в рабочих кружках. Сперва он познакомил с работами Шелгунова, Писарева, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Глеба Успенского, Короленко. Потом изложил мне историю революционного движения от декабристов до «Народной воли». Мне все это представлялось интересным, но сказать, что я сердцем прикипел к революционным идеям, было бы неправдой.

Из магнитофонного динамика слышно теперь только шуршание пленки. Здесь Ванновский задумался. Я не торопил его. И вот снова хриплый голос:

— В начале 90-х годов ходило по рукам письмо народной учительницы Цебриковой царю Александру Третьему. Она написала ему об ужасающей темноте деревни, умоляя царя продолжить реформы, начатые его отцом. Быть может, потому, что письмо не содержало ничего революционного и представляло собой всего лишь крик души патриотки, устрашившейся за судьбу отечества, оно получило широкое распространение. Его переписывали, тайно размножали на гектографах и под большим секретом передавали из рук в руки даже люди, далекие от революционно настроенных кругов. Брат показал мне письмо. С него-то, пожалуй, и началось мое политическое прозрение. Я стал задаваться вопросами: почему государь не придал значения письму? Почему за чтение письма сажают в тюрьму? А когда нашел ответ на эти вопросы, то понял: страной правит камарилья, которой наплевать на интересы России.

Известную по институтскому курсу истории СССР эпоху принялись заселять, благодаря Ванновскому, новые для меня персонажи. И эпоха стала будто бы оживать.

— Как раз в те месяцы,— продолжает звучать из динамика голос Ванновского,— я сошелся с Павлом Павловичем Покровским, примкнувшим впоследствии к меньшевикам. Он ввел меня в свой кружок, который существовал в Московском университете. Помню, на собрании кружка кто-то сказал, что прежде всего следует заняться выработкой своей собственной философии. Покровский ответил: «Занимается заря рабочего движения. Оно и поведет борьбу с царизмом. Зачем нам изобретать какую-то новую философию? Сама жизнь диктует обратиться к идеологии пролетариата, каковой является марксизм». В кружке Покровского учились по такой программе: происхождение мира по Канту и Лапласу, происхождение человека по Дарвину, история первобытной культуры по Тэйлору, происхождение семьи и государства по Энгельсу и материалистическое понимание истории по Марксу. Вот в таком виде я и получил марксистское образование.

Возвратившись из Японии после встречи с Ванновским, я взялся штудировать воспоминания активных участников революционного движения 90-х годов — те, что изданы в наше время и широко доступны читателю. Из записок А. Ульяновой-Елизаровой, М. Владимирского, делегатов первого съезда РСДРП Б. Эйдельмана и П. Тучапского я узнал о пропагандистской и агитационной работе московского «Рабочего союза», об участии членов «Союза» в организации забастовок на московских заводах и фабриках, о разгроме властями «Рабочего союза» и о его возрождении под названием «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Однако среди полутора десятка имен, перечисленных в записках, мне ни разу не попалось упоминание о Викторе и Александре Ванновских. Не было ничего сказано и о том, кто же возглавлял московский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» — один из четырех союзов, представители которых вместе с делегатами от группы «Рабочей газеты» и Бунда и созвали первый съезд РСДРП.

Возможно ли, чтобы даже при тогдашней разобщенности социал-демократических организаций на съезде оказался человек, который совершенно никакой роли в революционном движении не играл и которого не знал никто из инициаторов съезда? Мыслимо ли, чтобы Б. Эйдельман, опытный подпольщик, объезжая социал-демократические группы в разных городах «для переговоров,— как он написал в воспоминаниях о съезде,— и для ознакомления с личным составом групп на местах», пустился в очень важный разговор с людьми, о которых не имел заслуживавшей доверия информации? Нет, конечно.

Включаю запись, сделанную в Токио:

— Брат и я приступили к созданию в Москве «Союза борьбы за освобождение рабочего класса»,— говорил Ванновский.— Ленинская организация в Петербурге называлась так же. «Союз» пошел хорошо. В него вошли рабочие, студенты...

Останавливаю магнитофон и просматриваю личные записи Ванновского, которые он передал мне в Токио. «В центре нашей организации,— читаю в них,— кроме нас двоих, стали еще следующие лица: Карпов, сделавшийся потом секретарем Московского комитета партии большевиков, его имя после революции присвоили химическому институту; Любимов и Биск, перешедшие впоследствии к меньшевикам; Ситнин, репрессированный, как дошел до меня слух, при Сталине; и Покровский, руководитель кружка в Московском университете. В контакте с нами находился Переверзев, отказавшийся от народничества и воспринявший марксизм. В марксистских кругах он пользовался уважением. При Советской власти он занялся изучением творчества Гоголя и Достоевского, и, говорят, довольно успешно. Переверзев-то и свел нас с Эйдельманом».

Включаю магнитофон.

— Эйдельман сказал нам,— рассказал Ванновский.— что на съезд представителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» нужен делегат от Москвы. Я остановился на вашей группе, объяснил Эйдельман, хотя в Москве имеются и другие объединения социал-демократов. Он дал адрес в Минске, сообщил пароль и назначил дату сбора — 1 марта 1898 года. Брат ехать в Минск опасался — полицейская слежка за ним могла продолжаться. И он поручил отправиться мне, так как я активно еще не проявил себя в революционном движении и полиция меня пока не заскла.

Не скрою, привезя из Японии несколько рулонов магнитозаписи рассказа Ванновского, я чувствовал себя героем. В самом деле, мне поразительно повезло. Я снова и снова прокручивал пленку и слушал голос участника событий, отстоявших в моем воображении далеко-далеко. Но несколько десятилетий двадцатого века вместили в себя множество грандиознейших свершений, и оттого короткий в общем-то исторический отрезок виделся мне необыкновенно продолжительным. Думаю, я не одинок в подобном ощущении нашего времени. Поэтому несложно понять, что на Ванновского я смотрел с изумлением, восторгом и оторопью.

Отказ в немедленном признании журналистской удачи меня не обескуражил. Я верил, что мы нуждаемся в полной исторической правде, особенно в той, что касается прошлого нашей партии. Разумеется, сведения, сообщенные Ванновским, могли быть отрывочными и даже искаженными из-за несовершенства человеческой памяти. Конечно же, оценки его несли на себе отпечаток личных симпатий или личной неприязни. Безусловно, дать окончательную ясность историческим событиям свидетельства Ванновского были не в состоянии. Однако они содержали зерна истины. И поэтому я отнесся к первоначальной неудаче с хладнокровием любимого мною классика, при котором, по его словам, одну и ту же комедию забросали камнями в Мадриде и осыпали цветами в Толедо.

В поисках цветов я явился в журнал «Юность» к главному редактору Борису Николаевичу Полевому. И не ошибся. Он внимательно меня выслушал, обронил по поводу утверждения «нам это не нужно» несколько слов, которые не включают в словари, и сказал: «Пиши документальную повесть. Я опубликую». Я написал. Заключение на повесть должен был дать Институт марксизма-ленинизма. Там повесть прочли. И я пришел за ответом.

Где-то я вычитал, что, когда говорит История, отдельные личности должны умолкнуть. В кабинете, куда я попал, обитала именно История. Во всяком случае, мне так казалось. И я не собирался в кабинете разговаривать. Я просто хотел получить обратно свою рукопись вместе с приложенным к ней листком, предоставлявшим рукописи право превратиться в книгу. Однако листка не оказалось.

— Тут есть ошибки?— Я был готов к тому, что специалисты отыщут в рукописи неточности.

— Мы не дадим заключения на рукопись,— услышал в ответ.

— Но почему? Может быть, я в чем-то не прав?— Мне требовалась бумага. Без нее написанное не увидит света. Я заранее готов был принять любые замечания. Имелся и элемент простодушного шантажа: История должна была убояться неправильного истолкования чтимых ею фактов.

— Вы член партии и должны знать, как следует оценивать факты, приведенные в рукописи.— История говорила со мной с убийственным спокойствием.

Тогда у меня мелькнула мысль подкупить ее.

— Материалы, которые привез из Токио, я мог бы отдать институту. Может, они пригодятся тем, кто изучает первый съезд РСДРП,— скромно предложил я.

— Нам это не нужно.— Я вздрогнул, услышав знакомую фразу.—Этот период нами разработан. И менять наших концепций мы не собираемся.

У меня и в помыслах не было требовать изменения концепций, тем более в области, куда я забрел волей случая. Да и не было необходимости концепции менять. Просто я принимал за истину, что развитие науки — это цепная реакция накопления информации. В том, что рукопись содержала интересные сведения, я не сомневался.

— Нам все известно,— наставительно сказала между тем История. Хладнокровия во мне уже как не бывало. Гибла надежда, что не зря трудился, обшаривая Токио в розыске свидетеля рождения нашей партии — о его возможном пребывании там я узнал от старейшего нашего дипломата Ивана Михайловича Майского,— что выпущу книгу, с которой, что греха таить, связывал многое в своей судьбе. «О поле, поле, кто тебя усеял мертвыми костями?»— вспыхнувшее озлобление подсказало вдруг такую ассоциацию с обширным письменным столом; из-за которого История повторила: — Нам это не нужно.

Оставалось восхититься Историей: она отыскала правду! Однако мудрец предостерег: бегите от тех, кто правду уже нашел, а следуйте за теми, кто ее ищет. И я прикрыл за собой дверь кабинета.

Борис Николаевич Полевой и на сей раз внимательно меня выслушал. Видимо, стандартные ситуации вызывали у него стандартную реакцию. Борис Николаевич произнес те же несколько слов, какие я услышал от него в первый свой приход, забрал у меня папку с рукописью и, выпроваживая из комнаты, сказал:

— Тебя позовут прочесть верстку.

Об аресте всех делегатов съезда хорошо известно. Схвачен был и Александр Алексеевич Ванновский. Наказанием ему была определена ссылка. Местом поселения — Вологодская губерния. Оттуда Ванновский переехал в Ярославль. О ссылке и ярославском периоде своей жизни Ванновский написал несколько глав воспоминаний. И написал, по-моему, неплохо.

«Своеобразное зрелище на русском Севере представляют собой мховые болота, или, лучше сказать, озера, покрытые довольно толстым слоем мха,— читаю успевшие поблекнуть машинописные странички.— Мхи тянутся на десятки и сотни верст. Земство задумало проложить дорогу в район Печоры, где предполагались залежи угля и нефти. В связи с этим я производил изыскания в направлении реки Уфтюги. Все время приходилось пересекать мховые болота. Нас вели охотники, знавшие безопасные тропинки. Идешь по ним, точно по мягкой, упругой настилке, и чувствуешь, как она дрожит и прогибается под ногами. Тут цветы заменяет мох самой разнообразной окраски — зеленый, красный, серо-синий, совершенно синий, белый и, наконец, лиловый со многими оттенками. В памяти у меня сохранилась картина ярко-красного болота, казавшегося в лучах заходившего солнца обширным ковром, залитым кровью. Впечатление жуткое».

Кого только не повстречал Ванновский в Вологде и в Ярославле! Это были Вацлав Воровский, впоследствии крупный большевистский деятель, дипломат и публицист; Алексей Ремизов, известный теперь разве что специалистам-филологам за старания реставрировать «допетровский» русский язык; Николай Бердяев, знакомый нам по уничтожающей критике его работ Владимиром Ильичем Лениным, но не по самим работам. Ванновский общался с литературоведом Павлом Щеголевым, чью книгу «Дуэль и смерть Пушкина» читали, я уверен, многие. Виделся Ванновский и с эсером-террористом Борисом Савинковым...

Оставлю, однако, записки Ванновского о ссылке. Перейду к его участию в первой русской революции. Об этом Ванновский рассказал мне сам.

— В 1905 году я примкнул к меньшевикам и накануне вооруженного восстания в Москве руководил их вооруженной организацией,— звучит записанный в Токио голос Ванновского.— Когда на московских улицах открылась стрельба, я предложил послать боевую рабочую дружину во главе со мной к солдатам, которые митинговали и не подчинялись начальству. Мы соединились бы с этими солдатами, и у нас получилась бы большая сила. Ее должно было хватить, чтобы взять Кремль. Меньшевики пришли в восторг от плана. Говорили, что он реален, да только осуществлять его нецелесообразно.— Я хорошо запомнил, как при этих словах Ванновский недоуменно развел руками.— Меньшевики не верили в успех восстания. «Все равно Кремль придется в конце концов сдать»,— твердили они. «Но какой эффект взятие нами Кремля произведет во всей России!» — пытался убедить их я. Однако безуспешно. И я ушел от меньшевиков. На прощание сказал: «И чего вы подняли лозунг всеобщей стачки, переходящей в вооруженное восстание, если не желаете действовать?»

Что касается позиции меньшевиков в отношении Декабрьского вооруженного восстания в Москве, Ванновский не погрешил против истины. Владимир Ильич Ленин в брошюре «Доклад об Объединительном съезде РСДРП» привел главные доводы меньшевиков против вооруженного выступления: «Декабрьское восстание было только продуктом отчаяния», «поражение Декабрьского восстания было обеспечено уже в первые дни». Такие взгляды меньшевики высказали в апреле 1906 года на четвертом съезде РСДРП, но выношены они были еще в декабре 1905-го.

Правильно оценил Ванновский и настроение солдат. Второго декабря московский градоначальник послал министру внутренних дел телеграмму: «Обязываюсь доложить, что Ростовский полк в полном восстании, в Несвижском и саперном батальоне сильное брожение, остальные войсковые части наготове на случай военного бунта, так что столичный порядок поддерживаю двумя тысячами измученных полицейских чинов и жандармским дивизионом». Однако хватило бы сил у рабочей дружины повести за собой солдат? Сомнительно. М. Васильев-Южин, один из руководителей восстания в Москве,

описал свою встречу с артиллеристами, участвовавшими в похоронах Николая Баумана, что являлось в тех условиях ясным свидетельством их недовольства властями:

«Офицеры были очень сдержанны. В конце концов я прямо поставил вопрос, как они будут себя вести, если в Москве вспыхнет вооруженное восстание; можем ли мы рассчитывать на активную поддержку с их стороны? Ответ был уклончивый».

— Когда я уходил, меньшевики кричали мне вслед: «Иди к Ленину! Ему нравятся такие, как ты!» — Я продолжаю прослушивать пленку с голосом Ванновского.— Но прежде я пришел к эсерам,— сказал далее Ванновский.— Ну, они вообще занимались чепухой: стреляли в одиночек-городовых. И тогда я обратился к большевикам. Их тактика была партизанской: стремительный удар вооруженной пятеркой и быстрый отход, чтобы следующий удар нанести в другом месте. Мое предложение объединиться с солдатами и пойти на штурм Кремля не нашло поддержки и у большевиков. И я решил действовать самостоятельно. Собрал небольшой отряд. Попытка склонить на нашу сторону солдат нам, правда, не удалась. Не сумели мы добраться и до Кремля. По моим сведениям, верные властям войска изолировали там распропагандированный Екатеринославский полк. Но урон полицейским и жандармам мы все же нанесли.

Партизанская тактика московских рабочих, о которой говорил Ванновский, не была случайной. В октябре 1905 года Владимир Ильич Ленин написал статью «Задачи отрядов революционной армии». Восставшие пользовались ею как боевым наставлением. «Отряды могли бы быть всяких размеров, начиная от двух-трех человек...— указывалось в статье.— Убийство шпионов, полицейских, жандармов, взрывы полицейских участков, освобождение арестованных, отнятие правительственных денежных средств для обращения их на нужды восстания...» — такие методы предложил Ленин.

— В 1908 году, в подполье, я занялся исследовательской работой и подытожил военный опыт Декабрьского вооруженного восстания в Москве,— рассказал мне Ванновский.— Привлек другие материалы, касавшиеся теории и практики народных выступлений с оружием в руках. И написал целый трактат о возможности всероссийского вооруженного восстания. Ленин находился тогда за границей. Через Крупскую я переправил ему трактат. Александр Богданов сообщил мне потом, что Ленину трактат понравился, но публикацию его он счел преждевременной. Ленин в то время еще не порвал с Богдановым из-за расхождений по философским вопросам, они часто общались и вместе просмотрели трактат.

Я высчитывал дни, оставшиеся до апреля — «Юность» предполагала поместить повесть в ленинском номере. Речь в ней шла не только о Ванновском, но и о японском журналисте Рё Накахира, видевшем Ленина и взявшем у него интервью, о других японцах — очевидцах революционных событий в России. О Рё Накахира и об интервью у Ленина забыли и в Японии, и у нас. Мне посчастливилось встретиться с журналистом и отыскать японский текст его беседы с вождем революции.

Как и обещал Борис Николаевич Полевой, меня действительно позвали читать верстку. Но это была верстка иной рукописи. Упоминание об Александре Алексеевиче Ванновском в ней, правда, осталось, и сохранился даже абзац, из которого следовало, что Ванновский ездил в Минск делегатом на первый съезд РСДРП. Но и только. На перечеркнутых страницах не значился лиловый штемпельный оттиск: «Нам это не нужно». Но я был уверен, что отчетливо видел его. Борис Николаевич мог многое, но не все. Стараясь, видно, подбодрить меня, он обронил фразу, на которую в расстройстве я не обратил тогда внимания:

— Охраняя общество от наплыва идей вредных, она вместе с тем предостерегает молодых и неопытных публицистов от могущих случиться с ними неприятностей...

Повесть в журнале появилась. Вышла и отдельной книжкой. Потом я написал другие книжки. А однажды, перелистывая Салтыкова-Щедрина, натолкнулся на памятные мне слова: «Охраняя общество от наплыва идей вредных, она вместе с тем предостерегает молодых и неопытных публицистов от могущих случиться с ними неприятностей». В контексте щедринского фельетона слова звучали не успокаивающе, как показалось мне в редакционной комнате «Юности», а саркастично, как и произнес их Борис Николаевич, да только я не уловил. Фельетон был о цензуре.

— Наступил 1909 год. Год трудный и для России, и для РСДРП,— снова слушаю я пленку с записью рассказа Ванновского.— Кому не лень, все принялись ревизовать марксизм. Нашлись подобные люди и среди большевиков. Я хотел послужить партии, воевавшей против меньшевизма, но сделать это открыто не мог, потому что прятался от полиции — она объявила мой всероссийский розыск за декабрьские бои в Москве и за киевский бунт в составе саперного батальона. И я решил заняться разработкой вопроса: из кого будет состоять социалистическое общество? Не получится ли так, что с новой формой хозяйствования буржуазная психология все же сохранится у людей? И я подумал: а не создать ли идеал человека, на который станет ориентироваться человек социалистического будущего?

Звучавший до сих пор размеренно голос Ванновского задрожал, выдавая волнение. В Токио во время нашей беседы Ванновский даже попытался подняться с кресла, но не сумел и лишь энергичнее зажестикулировал руками.

— Мне показалось, что основой, каркасом идеального образа человека социалистического общества должен быть литературный герой. Сила воздействия на сознание литературного персонажа необыкновенно велика,— доносится из магнитофона голос Ванновского.— Но какой персонаж выбрать? Я перечитал многих классиков русской и иностранной литературы. И когда вчитался в Шекспира, меня осенило: совершенен тот человек, какой несет в себе черты Гамлета.

Ванновский заметил, вероятно, недоумение и сомнение, отразившиеся на моем лице. Взгляд Ванновского сразу посуровел. Он явно рассердился.

— Вот-вот, и тогда многие подняли меня на смех,— слышу из магнитофона.— Поэтому я захотел посоветоваться с кем-либо из видных большевиков. Ленин был за границей. Из тех, кого я знал лично, в России находился только Михаил Ольминский. Я поехал к нему. Ольминский горячо поддержал мою мысль. Маркс очень интересовался Шекспиром, сказал он. Много читал его, цитировал в своем «Капитале». Одобрение Ольминского я расценил как указание партии. Теперь я был просто обязан осуществить свою идею.

Теперь ясно, почему в комнате Ванновского так много произведений Шекспира, догадался я. Он неплохо владел английским языком и читал, как сейчас я понял, Шекспира в подлиннике.

— Почему же именно Гамлет? — звучит с пленки вопрос. Ванновский задал его сам, не дожидаясь, пока это сделаю я. И сам же ответил: — Потому что Гамлет остро чувствовал, сколь жесток и безобразен мир. Он жаждал мир исправить. Но не насилием. Убийство неспособно восстановить связь времен. Только человеческий разум может возобновить такую связь. Иначе говоря, основой человеческих качеств личности при социализме должен быть гуманизм. А плюс к нему — вера в правоту своих убеждений, мужество, интеллект, нетерпимость ко всякому злу... Гамлет всеми этими чертами, разумеется, не обладал. Их следовало, как я считал, добавить к идеальному образу, какой я конструировал.

Ванновский не завершил работы. Вспыхнула первая мировая война. Под чужим именем Ванновский отправился в офицерском звании добровольцем на фронт. Воевал храбро, был честен и справедлив и снискал уважение солдат. Февральская революция 1917 года застала воинскую часть Ванновского в Хабаровске. Солдаты выдвинули его в Совет рабочих и солдатских депутатов. Ванновский принял командование над Хабаровской военной радиостанцией. Он не скрыл в разговоре со мной, что занимал тогда позиции «революционного оборончества». Он верил: Февральская революция изменила характер войны и она перестала быть империалистической, то есть верил в то, что непримиримо и резко критиковал Ленин.

Три с половиной странички о Ванновском, оставшиеся в повести, что опубликовала «Юность», заканчивались так:

«— А потом... — голос Ванновского звучал глухо, мне показалось, даже надрывно, — потом я тяжело заболел. Врачи сказали: лечиться, лечиться, полный покой. Какой же покой, где было лечиться тогда, в девятнадцатом году, на Дальнем Востоке!.. Друзья посоветовали поехать в Японию: рядом... Такая возможность в то время предоставилась. И я поехал...

В Россию Ванновский уже не вернулся».

А вернуться мог бы. И был очень близок к этому. В середине пятидесятых годов навестил его кто-то приехавший из Москвы. Имя Ванновский забыл. «Страна должна знать своих героев, — убеждал Ванновского гость.— На Родине вас ждут слава и почет, как одного из основателей нашей партии». Ванновский заколебался. В его возрасте непросто решиться круто изменить привычный распорядок жизни. Да и дальнее путешествие пугало Ванновского. Но желание увидеть родную землю, новую Россию постепенно брало верх над опасениями. И Ванновский согласился ехать домой. Но гость из Москвы вдруг сказал, что было бы неплохо, если б Ванновский написал статью о русской эмиграции, разоблачил ее антисоветизм, прислужничество японскому империализму. И Ванновский возмутился:

— Мы, эмигранты,— дети страшных лет. Это о нас строки Блока,— горячо и горько говорил мне Ванновский.— Страшные годы по-разному повлияли на эмиграцию. Одни до сих пор ненавидят красных, большевиков, других охватило безразличие к тому, что происходит дома, третьи раскаиваются, что покинули Родину, но уже не имеют сил исправить ошибку. Но долгие годы мы жили здесь, в Японии, вместе. А это были нелегкие годы, особенно когда к власти пришли милитаристы и началась вторая мировая война. Мы помогали друг другу чисто по-человечески, как соплеменники, которых занесло на чужбину. Мог ли я плохо написать о них, и без того обиженных судьбой? Нет, конечно! Хотя есть такие, кто мне неприятен, кого я ненавижу. И я сказал гостю из Москвы: ценой подлости советский паспорт мне не нужен.

Я обратился к магнитофонным записям двадцатилетней давности, к дневниковым страничкам Ванновского, побуждаемый чувством долга. Долга перед памятью о человеке, который не был последовательным в идеях и поступках, но который послужил в меру своих сил революции. Ее творили миллионы. Запомнить всех невозможно. Но о тех, чей вклад в революционное движение достаточно весом — разве участие в образовании РСДРП не лепта в революцию? — мы знать обязаны.

Николай Шелгунов, взгляды которого оказали огромное влияние на первых русских марксистов, написал: «Человечество имеет на истину право неотъемлемой собственности потому, что создавало и создает ее всей своей жизнью». Теперь у нас есть возможность сполна воспользоваться таким правом. А узнав полную истину о своем прошлом, мы обретем богатство, равного которому не сыскать ни в каких сокровищницах мира, ибо лучшее, что дает история, — это возбуждаемый ею энтузиазм. Гете, кому принадлежит крылатая фраза, имел в виду, конечно же, истинную Историю.



Михаил Светлов

1903—1964

Участник гражданской войны. Один из лучших романтических поэтов революции. Создатель чистейшей, «светловской» интонации, где с приподнятостью соединялась мягкая, обезоруживающая ирония. Классическое стихотворение Светлова «Гренада» Маяковский любил читать во время собственных выступлений. Воспитатель нескольких поколений поэтической молодежи, в том числе и автора этих строк.

Я счастлив тем, что в 1966 году привез на могилу Светлова щепотку гренадской земли и соединил ее с русской. Самому Светлову в Гренаде побывать так и не удалось.

ГРЕНАДА

Мы ехали шагом,
Мы мчались в боях
И «Яблочко»-песню
Держали в зубах.
Ах, песенку эту
Доныне хранит
Трава молодая —
Степной малахит.

Но песню иную
О дальней земле
Возил мой приятель

Александр Безыменский

1898—1973

Участник Октябрьской революции в Петрограде, член ЦК комсомола первого созыва, автор знаменитой в свое время поэмы «Комсомолия»: «Ах, Комсомолия, мы почки твоих стволов, твоих ветвей...» В тридцатых годах и позднее неоднократно обращался к антибюрократической сатире. Во время войны прогремело его стихотворение «Я брал Париж».





Яков Шведов

1905—1984

Песня Шведова «Орленок» на музыку В. Белого вместе с «Каховкой» Светлова, «Партизаном Железняком» Голодного стала одной из самых знаменитых, любимых народом песен о революции.

ОРЛЕНОК

Орленок, орленок, взлети выше
солнца
И степи с высот огляди.
Навеки умолкли веселые хлопцы,
В живых я остался один.

Мы не случайно начали публикацию нашей поэтической антологии в год юбилея Октябрьской революции. В материалах, помеченных кануном семнадцатого года, мы показали пророческие революционные всполохи. В стихах, написанных после семнадцатого года, мы показали и поэзию, призывавшую слушать музыку революции, и поэзию, не только слушавшую, но и делавшую революцию. Мы сочли нужным выбрать не только известные всем имена, но и воскресить имена полузабытые или забытые. Мы сочли нужным показывать не только социально-политические тенденции нашей поэзии, но и ее лирические линии, формально—стилевое разнообразие. Несмотря на юбилейный год, в антологию включены стихи некоторых поэтов, не принявших революции, стоявших на других политических позициях, потому что без них историческая картина нашей поэзии была бы усеченной, то есть искаженной. В некоторых письмах нас упрекали за Гиппиус, за Мережковского, так как в разное время они высказывались определенным контрреволюционным образом. Мы дали оценку их политической позиции, но стихи представили. Ведь идя по запретительной логике, мы должны были бы исключить из этой антологии и Горького, написавшего книгу «Несвоевременные мысли», и Бунина, написавшего «Окаянные дни». Забираясь дальше в историю, мы должны были бы исключить из нашей литературы Гоголя за его «Выбранные места из переписки с друзьями», Достоевского за многие его реакционные философствования в дневниках, да и Пушкина за его осуждение польского восстания.

Истинно революционное отношение к культурному наследию — это незлопамятность. В некоторых письмах, правда, редких, есть сомнения: надо ли было вообще в этот юбилейный год печатать эмигрантских поэтов? Отвечаю: одна из главных тем русской эмигрантской поэзии, достойной внимания,— это тоска по Родине. А разве эта ностальгия не есть один из нравственных аргументов в пользу правоты Октябрьской революции? В некоторых письмах есть ханжеские замечания: надо ли в этом юбилейном году делать такие ремарки, как, например, «незаконно репрессирован»? Отвечаю: если мы будем продолжать скрывать правду о человеческих трагедиях в сталинские времена, не упоминая причину смерти, как делают некоторые газеты в дни юбилеев выдающихся революционеров, то, на мой взгляд, никакая перестройка не получится. Не может быть перестройки без перестройки памяти. Частью этой «перестройки памяти» и является наша антология.



С собою в седле.
Он пел, озирая
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Он песенку эту
Твердил наизусть...
Откуда у хлопца
Испанская грусть?
Ответь, Александровск,
И Харьков, ответь:
Давно ль по-испански
Вы начали петь?

Скажи мне, Украйна,
Не в этой ли ржи
Тараса Шевченко
Папаха лежит?

Откуда ж, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Он медлит с ответом,
Мечтатель-хохол:
— Братишка! Гренаду
Я в книге нашел.
Красивое имя,
Высокая честь —
Гренадская волость
В Испании есть!

Я хату покинул,
Пошел воевать,
Чтоб землю в Гренаде
Крестьянам отдать.
Прощайте, родные!
Прощайте, семья!

«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Мы мчались, мечтая
Постичь поскорей
Грамматику боя —
Язык батарей.
Восход поднимался
И падал опять,
И лошадь устала
Степями скакать.

Но «Яблочко»-песню
Играл эскадрон
Смычками страданий
На скрипках времен...
Где же, приятель,
Песня твоя:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»?

Пробитое тело
Наземь сползло,
Товарищ впервые
Оставил седло.
Я видел: над трупом
Склонилась луна,
И мертвые губы
Шепнули: «Грена...»

Да. В дальнюю область,
В заоблачный плес
Ушел мой приятель
И песню унес.
С тех пор не слыхали
Родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!»

Отряд не заметил
Потери бойца
И «Яблочко»-песню
Допел до конца.
Лишь по небу тихо
Сползла погодя
На бархат заката
Слезинка дождя...

Новые песни
Придумала жизнь...
Не надо, ребята,
О песне тужить.
Не надо, не надо,
Не надо, друзья...
Гренада, Гренада,
Гренада моя!

1926



Я БРАЛ ПАРИЖ

Я брал Париж. Я. Сын стальной
России.
Я — Красной Армии солдат.
Поля войны — свидетели прямые —
Перед веками это подтвердят.

Я брал Париж. И в этом нету чуда!
Его твердыни были мне сданы!
Я брал Париж издалека. Отсюда.
На всех фронтах родной моей страны.

Нигде б никто не вынес то, что было!
Мечом священным яростно рубя,
Весь, весь напор безумной вражьей
силы
Я принимал три года на себя.

Спасли весь мир знамена русской
славы!
Немецких армий лучшие полки
Успели сгнить от Волги до Варшавы,
На запад пяля мертвые белки.

Ряды врагов редели на Ла-Манше.
От стен Парижа снятые войска
Пришли сюда сменить убитых раньше,
Чтоб пасть самим от русского штыка.

Тех, кто ушел, никем не заменили,
А тех, кто пал, ничем
не воскресишь!
Так, не пройдя по Франции ни мили,
Я проложил дорогу на Париж.

Я отворял парижские заставы
В боях за Днепр, за Яссы, Измаил.
Я в Монпарнас вторгался у Митавы,
Я в Пантеон из Жешува входил.

Я шел вперед сквозь битвы грохот
адов —
И мой удар во фронт немецких орд,
Мой грозный шаг и гул моих
снарядов
Преображали Пляс де ля Конкорд.

Во все века грядущей светлой жизни,
Когда об этих днях заговоришь,
Могу сказать я миру и Отчизне:
— Я брал Париж!

1944

Орленок, орленок, блесни опереньем,
Собою затми белый свет.
Не хочется думать о смерти,
поверь мне,
В шестнадцать мальчишеских лет.

Орленок, орленок, гремучей гранатой
От сопки солдат отмело.
Меня называли орленком в отряде,
Враги называют орлом.

Орленок, орленок, мой верный
товарищ,
Ты видишь, что я уцелел,
Лети на станицу, родимой
расскажешь,
Как сына вели на расстрел.

Орленок, орленок, товарищ
крылатый,
Ковыльные степи в огне.
На помощь спешат
комсомольцы-орлята,
И жизнь возвратится ко мне.

Орленок, орленок, идут эшелоны,
Победа борьбой решена.
У власти орлиной орлят миллионы,
И нами гордится страна.



Алексей Сурков
1899—1983

В последние годы жизни работал секретарем Союза писателей СССР, снискал себе мрачную славу, когда начал кампанию против Пастернака. Но, помимо всего, Сурков был, безусловно, талантливым поэтом. С 12 лет пребывал на побегушках в петербургской прислуге, во время гражданской войны стал пулеметчиком, отличился на фронтах Великой Отечественной. Об этом времени он написал сильные стихи, приводимые нами. Широко известны также песни Суркова: «Конармейская», «Песня смелых» и «Бьется в тесной печурке огонь». В течение многих лет редактировал «Огонек».

О НЕЖНОСТИ

Мы лежали на подступах
к небольшой деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного
омета.
Трехаршинный матрос Петро
Гаманенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под
пулемета.

Ленька плакал. Глаза его синие,
щелками,
Затекали слезами и предсмертным
туманом.
На сутулой спине, размозженной
осколками,
Кровь застыла пятном, густым
и багряным.

Подползла санитарка отрядная
рыжая.
Спеленала бинтом, как пеленками,
туго,
Прошептала: — Отплавал матросик,
не выживет.
Потерял ты, Петрусь, закадычного
друга!

Бился «максим» в порыве свирепой
прилежности.
Бредил раненый ломким,
надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей
нежности
Гаманенко разглаживал Ленькины
волосы.

По сутулому телу расползалась
агония,
Из-под корки бинта кровоточила
рана.
Сквозь пальбу уловил в замирающем
стоне я
Нервный всхлип, торопливый выстрел
нагана.

...Мы лежали на подступах
к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами
угол.
Трехаршинный матрос Петро
Гаманенко
Пожалел закадычного друга.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

То, что произошло в тот день, стало впоследствии излюбленной темой разговоров у мадам Мегрэ, к которой она с удовольствием возвращалась во время семейных торжеств.

Мегрэ пришел в два часа дня и лег в постель, не пообедав, хотя обычно, когда бы он ни возвращался, комиссар первым делом отправлялся на кухню и начинал заглядывать в кастрюли. В этом не было ничего удивительного. Правда, он сказал, что успел перекусить. Когда жена стала расспрашивать, Мегрэ объяснил, что на кухне ресторанчика на набережной Шарантон он съел целый ломоть ветчины.

Опустив шторы и убедившись, что у мужа есть все необходимое, мадам Мегрэ на цыпочках вышла из спальни. Не успела она затворить за собой дверь, как супруг заснул.

Она вымыла посуду, прибралась на кухне и не сразу решилась вернуться в спальню за вязаньем. Услышав равномерное дыхание мужа, осторожно повернула ручку и, производя не больше шума, чем ангел-хранитель, неслышно вошла на носках. И тут, по-прежнему ровно дыша, комиссар произнес:

— Подумать только! Два с половиной миллиона за пять месяцев...

Глаза у него были закрыты, лицо порозовело. Мадам Мегрэ решила, что муж разговаривает во сне, и из опасения разбудить его застыла на одном месте.

— Как бы ты распорядилась такой суммой, а?

Она не смела ответить в уверенности, что муж бредит. Не разомкнув век, тот нетерпеливо повторил:

— Отвечай же, мадам Мегрэ.

— Просто не знаю,— прошептала она.— Сколько, ты сказал?

— Два с половиной миллиона. Возможно, много больше. Это самое малое, что им удалось прибрать к рукам. Большей частью в золотых монетах. Правда, существуют скачки... Мы всякий раз возвращаемся к скачкам. Ты заметила?

Она понимала: муж разговаривает не с ней, а с самим собой. Подождала, пока он снова заснет, чтобы выйти потихоньку. Некоторое время комиссар молчал, и мадам Мегрэ решила было, что он спит.

— Послушай, мадам Мегрэ. Надо уточнить одну деталь. Где устраивались скачки в прошлый вторник? Разумеется, в окрестностях Парижа. Позвони и выясни.

— У кого?

— Позвони в Пари-Мютюэль. Номер найдешь в телефонной книге.

Телефон находился в столовой, и шнур был слишком короток. Когда мадам Мегрэ приходилось говорить в этот черный металлический кружок, особенно с незнакомыми людьми, она почему-то терялась.

— Справиться от твоего имени?

— Как хочешь.

— А если спросят, кто я такая?

— Этого у тебя не спросят.

И тут Мегрэ открыл оба глаза, должно быть, проснувшись окончательно. Войдя в соседнюю комнату, жена оставила дверь открытой. Выяснять пришлось недолго. Служащий бюро привык, видно, к подобным вопросам и знал расписание наизусть, поскольку ответил без запинки.

Но когда мадам Мегрэ вернулась, чтобы сообщить мужу нужные ему сведения, тот уже похрапывал.

Будить его она не решилась. Отворив на всякий случай дверь, время от времени она поглядывала на часы: послеобеденный сон у мужа редко бывал продолжительным.

В четыре часа она пошла поставить суп на плиту. Минут тридцать спустя заглянула в спальню: супруг по-прежнему крепко спал. Но немного погодя, усевшись по обыкновению у окна, услышала голос, в котором сквозило нетерпение:

— Ну, так что ты узнала?

Мадам Мегрэ торопливо вошла и с удивлением увидела, что муж сидит в постели.

— Линия занята?— спросил он без тени иронии, и это встревожило мадам Мегрэ. Та решила, что муж начал заговариваться.

— Ну, конечно же, я звонила. Это произошло почти три часа назад.

— О чем это ты? Который час?

— Без четверти пять.

Мегрэ даже не понял, что спал. Он решил, что лишь смежил веки, пока звонила жена.

— Где же были скачки?

— В Венсене.

— Ага, что я тебе говорил?— воскликнул он, торжествуя.

На самом деле он никому ничего не говорил, просто часто думал об этом, что, в сущности, одно и то же.

— Позвони на улицу Ив... 00-90... Попроси кабинет Коломбани...

— Что ему сказать?

— Ничего. Я сам буду говорить. Если только он не уехал.

Коломбани находился все еще у себя. Как обычно, он опаздывал на деловое свидание и охотно согласился встретиться дома у Мегрэ, а не в полицейском управлении.

По просьбе мужа мадам Мегрэ приготовила крепкий кофе, и все-таки это не помогло ему проснуться окончательно. От частого недосыпания веки у него были воспалены и едва не закрывались сами по себе. Не в силах заставить себя одеться как следует, он лишь надел брюки, сунул ноги в шлепанцы да поверх ночной сорочки с вышитым мелкими красными крестиками воротом накинул домашний халат.

Оба удобно уселись напротив друг друга. На столе возвышался графин с кальвадосом, на фоне белой стены черными буквами выделялось название фирмы «Лост и Пепэн».

Давно зная друг друга, оба детектива избегали излишних церемоний. Низкорослый, как большинство корсиканцев, Коломбани носил туфли на высоких каблуках и яркие галстуки; на среднем пальце сверкал перстень с брильянтом — не то настоящим, не то фальшивым. Вот почему его самого принимали подчас за одного из тех, за кем он охотился, а совсем не за полицейского.

— Я велел Жанвье заняться скачками,— говорил Мегрэ, затягиваясь трубкой.— Где они сегодня?

— В Венсене.

— Как и прошлый вторник. Любопытно, уж не в Венсене ли начались злоключения маленького Альберта? Мы уже проводили предварительную работу по скачкам, но ощутимых результатов не получили. Правда, тогда мы занимались одним лишь бывшим кельнером. Теперь проблема иная. Нужно выяснить у различных букмекеров, особенно тех, кто принимает крупные ставки по пятьсот и тысяче франков, нет ли в числе их клиентов моложавого мужчины с иностранным акцентом.

— Может, его опознали детективы, дежурящие на ипподроме?

— Боюсь, ставки он делал через подставных лиц. Слишком уж жирный куш — два с половиной миллиона.

— Сумма, вероятно, гораздо значительнее,— заявил Коломбани.— В моем докладе приведены лишь приблизительные размеры добычи. Фермеры, которых они убивали, очевидно, имели тайники и под пытками могли указать их грабителям. Не удивлюсь, если окажется, что общая сумма составит миллиона четыре, а то и больше.

На что могли израсходовать награбленное жалкие обитатели ночлежки? На одежду они не тратились. В ресторанах не кутили. Лишь объедались да пьянствовали. Но даже пяти человекам не так-то просто проесть и пропить миллион.

Между тем налеты совершались довольно часто.

— Должно быть, львиную долю присваивал себе главарь.

— Но почему с этим мирились остальные?

Вопросов было так много, что голова разламывалась. Тогда Мегрэ тер лоб, уставясь на какой-нибудь предмет, к примеру, на герань, стоявшую в дальнем окне.

Вопреки его желанию мысли комиссара то и дело возвращались к расследованию: все, что происходит в Париже и его окрестностях, беспокоило Мегрэ.

Он еще не отправил Марию в тюремную больницу и договорился с издателями газет, что в дневном выпуске будет упомянуто название госпиталя, в котором она находится.

— Надеюсь, что там оставили детективов?

— Да, четверых в штатском, не считая постовых. К госпиталю есть несколько путей. Ведь сегодня день посещений.

— Думаешь, они попытаются что-то предпринять?

— Не знаю. Все они настолько без ума от нее, что не удивлюсь, если кто-нибудь рискнет своей шкурой. К тому же, сам понимаешь, каждый из них считает себя отцом. Поэтому они захотят повидать ее и ребенка... Игра опасная. И опасность эта исходит не столько с моей стороны, сколько со стороны остальных членов шайки.

— Не понимаю.

— Убили же они Поленского, верно? А почему? Да потому, что могли погореть из-за него. Если над кем-нибудь еще из банды нависнет угроза попасть к нам в руки, я удивлюсь, если его оставят в живых.

Мегрэ задумчиво посасывал трубку.

— Наверняка они попытаются сначала связаться со своим главарем,— произнес Коломбани, закуривая сигарету с золотым ободком.— Особенно, если они на мели.

Мегрэ задумчиво посмотрел на корсиканца. Внезапно в глазах его появилось жесткое выражение. Вскочив, он стукнул по столу.

— Болван! Форменный идиот!— воскликнул он.— Мне это и в голову не пришло!

— Но ведь ты не знаешь, где он живет...

— Совершенно верно! Готов биться об заклад, что и остальные члены шайки знают не больше. Тип, который затеял все это дело и распоряжался своими сообщниками, наверняка принял меры предосторожности. Что же говорил владелец гостиницы? А вот что: человек этот появлялся перед

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—44.

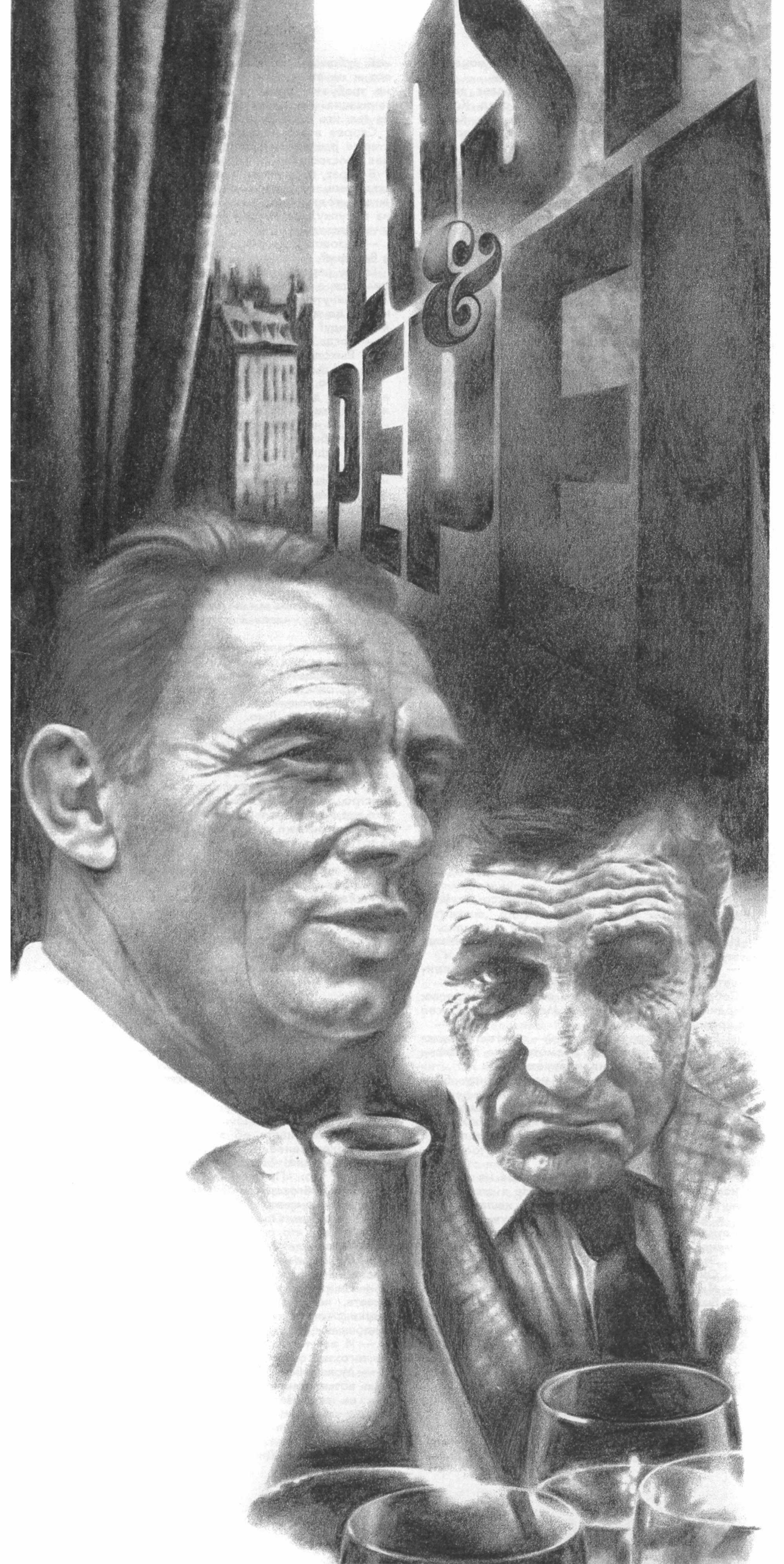
Преследователи убили человека, обращавшегося за помощью к Мегрэ. Расследуя это дело, комиссар и его сотрудники обнаружили во время облавы красавицу роженицу Марию. Хозяин гостиницы рассказал, что вместе с ней жили четверо нигде не работающих мужчин, которые иногда отлучались по ночам. Один из них угрожал убить хозяина, если тот не будет держать язык за зубами. Спустя некоторое время Мегрэ приехал в больницу. Он спросил у Марии, где она была, когда банда совершала зверские убийства. Но женщина лишь с ненавистью посмотрела в ответ. Тогда Мегрэ сказал, что в последний раз бандиты не заметили спрятавшуюся девочку, которая видела, как убивали ее близких, а Мария пытала ее мать. Девочка узнала преступницу, когда ей показали фотографию Марии. Мегрэ догадывается: маленького Альберта убили, потому что он как-то проник в тайну шайки.

Жорж СИМЕНОН

РОМАН

Рисунки Валерия КАРАСЕВА





каждым налетом, чтобы дать шайке нужные инструкции. Ты понял, что я хочу сказать?

— Не вполне.

— Что мы о нем знаем наверняка или предположительно? Мы ищем его на скачках. Думаешь, те глупее нас? Ты совершенно прав: в эту самую минуту они наверняка пытаются связаться с ним. Может, затем, чтобы достать денег. Во всяком случае, сообщить ему о последних событиях, попросить совета или указаний. Могу поклясться, ни один из них не провел последнюю ночь в своей постели. Как думаешь, куда они отправились?

— В Венсен?

— Более чем вероятно. Если шайка не развалилась, то по крайней мере один из бандитов отправился на скачки. Если же все разбежались, не имея определенного плана действий, не удивлюсь, если в Венсене окажутся все трое. Хотя в лицо мы их не знаем, у нас превосходная возможность их заловить. Таких, как они, отыскать в толпе дело нехитрое. Подумать только! Жанвье на скачках, а я не дал ему нужных инструкций! С тремя десятками детективов вокруг ипподрома и на трибунах мы б их живо схватили. Который час?

— Поздно. Шестой заезд окончился полчаса назад.

— Вот ведь как бывает! Думаешь, что предусмотрел все. Когда я ложился в постель, я был уверен, что сделал все, что в моих силах. Мои люди изучают платежные ведомости у Ситроена и прочесывают район Жавеля. Оцепили госпиталь Леннека. Осматривают все кварталы, где могут прятаться вот такие типы. Допрашивают бродяг и беспризорников. Обыскивают ночлежные дома. Мерс в своей лаборатории исследует все, что было найдено на улице Сицилийского короля, вплоть до малейшего волоска. А тем временем эти головорезы, возможно, сумели встретиться со своим вожаком в Венсене.

Должно быть, Коломбани и сам был неравнодушен к конским бегам: он оказался недалек от истины. Раздался телефонный звонок. Говорил Жанвье:

— Я все еще в Венсене, шеф. Попытался связаться с вами в управлении.

— Скачки кончились?

— Полчаса назад. Я остался потолковать с обслуживающим персоналом. Во время скачек никак было не поговорить: хлопот у них хватает, как только они умудряются работать без ошибки. Знаете, я спрашивал насчет тех ставок. Букмекера, который принимает ставки по тысяче франков, мой вопрос удивил. Этот парень бывал в Центральной Европе и в тамошних языках разбирается. «Вас интересует богемец?— спросил он.— Есть у меня один, который постоянно делает крупные ставки. Почти всегда на аутсайдеров. Я сперва подумал, что он откуда-нибудь из посольства».

— Почему?— поинтересовался Мегрэ.

— Потому что он, судя по-всему, принадлежит к сливкам общества и всегда прекрасно одет. Проигрывает довольно часто, но и глазом не моргнет, усмехнется — и все дела... Но букмекер обратил внимание на него больше из-за его подружки.

Облегченно вздохнув, Мегрэ, не скрывая радости, взглянул на Коломбани, словно говоря: «Вот мы и добрались до них!»

— Что, женщина?— крикнул он в трубку.— Иностранка?

— Парижанка. Минутку! Вот потому-то я и не ушел с ипподрома. Если б мне удалось поговорить с букмекером раньше, он бы мне эту парочку показал.

— Что собой представляет эта женщина?

— Совсем девчонка. Похоже, очень смазливая, одевается у лучших портных. Это еще не все, господин комиссар. По словам букмекера, она киноактриса. Сам он в кино ходит редко. Имен кинозвезд не знает. К тому же она, как ему кажется, не на главных ролях. Я кучу имен перебрал, но это все не то.

— Который теперь час?

— Без четверти шесть.

— Раз уж ты в Венсене, сбегай в Жуэнвиль. Это недалеко. Захвати с собой своего букмекера.

— Он сказал, что он к моим услугам.

— Сразу за мостом есть несколько киностудий. У режиссеров обычно хранятся фотографии всех актеров, даже таких, которых берут на эпизодические роли. Они обращаются к своей коллекции, когда снимают новый фильм. Ты меня понял?

— Понял. Куда вам позвонить?

— Домой,— ответил Мегрэ, удобно усаживаясь в кресло.— Может, сработает,— обратился он к Коломбани.

— Разумеется, если это **наш** иностранец.

Наполнив рюмки с золотым ободком, комиссар выколотил трубку и набил ее заново.

— Чувствую, горячий предстоит вечерок. Ты послал за девчушкой?

— Она в три часа выехала. Я сам ее встречу на Северном вокзале.

Речь шла о девочке с фермы Мансо, которая чудом спаслась и видела в числе погромщиков Марию.

...И опять телефонный звонок.

— Алло?— Мегрэ снова взглянул на коллегу, но на этот раз с досадой. Говорил вполголоса. Какое-то время через равные промежутки времени он повторял:

— Да... да... да...

Коломбани напрасно пытался что-нибудь понять: слышались лишь гудение да несвязные обрывки фраз.

— Через десять минут? Да, да. Как я и обещал.

Почему Мегрэ как бы замкнулся? Облик его совершенно изменился. Словно ребенок в ожидании рождественского подарка, он так и дрожал от нетерпения, однако пытался казаться спокойным, даже скучающим.

Повесив трубку, вместо того чтобы обратиться к Коломбани, открыл дверь на кухню.

— Твоя тетушка со своим мужем едут к нам,— заявил он.

— Что? О чем ты говоришь? Но ведь...

Он тщетно делал знаки жене.

— Знаю. Меня это тоже поразило. Должно быть, случилось что-то серьезное. Она хочет спешно поговорить.

Просунув голову в дверь, Мегрэ строил немыслимые рожи, но супруга никак не могла понять, что это значит.

— Ну и ну! Очень странно. Надеюсь, ничего страшного не произошло?

— Может, насчет наследства?

— Какого такого наследства?

— Дядюшкиного.

Коломбани встретил Мегрэ с кривой ухмылкой.

— Извини, дружище. С минуты на минуту приедет женина тетушка. Только-только успею одеться. Не хочу спроваживать тебя, но сам посуди.

Залпом осушив свою рюмку, комиссар из «Сюртэ» поднялся и вытер рот.

— Конечно, я вполне понимаю. Позвонишь, если узнаешь что-нибудь новенькое?

— Обещаю.

— У меня такое чувство, что позвонишь ты очень скоро. Я даже не уверен, стоит ли мне отправляться к себе на улицу Ив. Нет! Если не возражаешь, я лучше пройдусь в полицейское управление.

— Вот и отлично! До встречи.

Мегрэ чуть ли не вытолкал Коломбани на лестницу. Затворив дверь, он мигом подошел к окну. Слева, за складом Лоста и Пепэна, находилась выкрашенная в желтый цвет лавка, торговавшая вином и углем. Возле двери стояла кадка с каким-то растением. На нее-то он и уставился.

— Ты что, ломал комедию?— спросила жена.

— Ну, конечно! Мне не хотелось, чтобы Коломбани встретился с людьми, которые вот-вот придут сюда.

Он машинально оперся о подоконник, где только что стоял Коломбани. Там лежала сложенная газета. На странице, где помещаются объявления, заметил обведенную синим карандашом рамку.

— Вот мерзавец!— процедил он сквозь зубы.

Между «Сюртэ насьональ» и полицейским управлением издавна существует соперничество, и человек с улицы Ив с удовольствием разыграет своего коллегу с набережной Орфевр.

Правда, Коломбани не стал злобно мстить за байку про тетушку. Он лишь оставил доказательство того, что не дал себя провести. В объявлении, появившемся в тот день во всех утренних газетах, а потом и в дневном выпуске, посвященном скачкам, говорилось:

«Друзья Альберта, в целях вашей безопасности срочно зайдите к Мегрэ по адресу бульвар Ришар-Ленуар, 132. Тайна беседы гарантируется».

Они-то и звонили из лавки, находящейся через дорогу, желая убедиться, что объявление не розыгрыш и не ловушка, услышать от самого Мегрэ обещание молчать и, наконец, выяснить, не выслеживают ли их.

— Сходи прогуляйся по улице, мадам Мегрэ. И не очень торопись. Надень шляпку с зеленым пером.

— Почему именно с зеленым?

— А потому, что весна на носу.

С деловым видом улицу пересекли двое мужчин. Наблюдая за ними из окна, Мегрэ сумел распознать лишь одного.

Еще несколько минут назад о людях, которые придут к нему, он не имел ни малейшего представления. Даже к каким слоям общества принадлежат, не знал. Однако готов был поклясться, что на скачках они частые гости.

— Верно, Коломбани тоже наблюдает за ними,— проворчал комиссар. Попав на след, Коломбани был вполне способен обставить его. Коллеги с набережной Ив охочи до таких вот подлых штучек.

Тем более что Коломбани тоже знаком с Боксером Джо. Даже лучше самого комиссара.

Низенький, коренастый, с перебитым носом, голубыми глазами, прикрытыми тяжелыми веками, в неизменном костюме в клетку и кричащем галстуке. Постоянный завсегдатай забегаловок на авеню Ваграм.

Раз десять, не меньше, вызывал его Мегрэ, но каждый раз Джо вылезал сухим из воды.

Был ли он на самом деле опасен? Ему хотелось, чтобы люди так думали, любил изображать из себя грозу округи. Он мнил себя преступником, однако уголовники относились к нему с опаской и некоторой долей презрения.

Мегрэ отворил дверь и поставил на стол чистые рюмки. Гости вошли, настороженно озираясь, поглядывая по углам и на закрытые двери соседних комнат.

— Не бойтесь, ребятки. Никто не собирается тут ни стенографировать, ни записывать ваши слова на пленку. Смотрите! Это моя спальня.— Он показал смятую постель.— Вот ванная. А там гардероб. Здесь кухня, в честь вашего визита жена только что покинула ее.

Из кастрюли шел аппетитный запах супа, на кухонном столе поблескивала жиром жареная курица.

— Эта дверь? Последняя. Там комната для гостей. Она плохо проветрена. Тут довольно душно по той простой причине, что гости здесь никогда не спят. Два-три раза в год останавливается моя свояченица. Ну, а теперь к делу.

Протянув рюмки, чокнулся с гостями, при этом пристально взглянув на человека, пришедшего вместе с Боксером Джо.

— Это Фердинанд,— пояснил Джо.

Комиссар порылся в памяти, но ничего не вспомнил. Долговязая, тощая фигура, огромный нос и шустрые мышиные глазки, как и имя, ничего ему не говорили.

— У него гараж недалеко от ворот Майо. Крохотный, конечное дело, гаражик.

Забавно было наблюдать за ними: ни тот, ни другой не желали присесть, причем не из страха, а из благоразумия. Такие люди боятся очутиться поодаль от дверей.

— Вы вроде говорили насчет какой-то опасности.

— Да, и причем двойной. Во-первых, вас могут выследить богемцы, и тогда ваша песенка спета.

Джо и Фердинанд изумленно переглянулись, решив, что чего-то недопоняли.

— Какие еще богемцы?

Ведь ни о каких богемцах в прессе не упоминалось.

— «Пикардийская банда».

На этот раз гости поняли, лица их помрачнели.

— Мы им ничего не сделали.

— Гм! Об этом мы еще потолкуем. Если присядете, беседовать будет удобнее.

Собравшись с духом, Джо опустился в кресло, Фердинанд, не знакомый с Мегрэ, лишь присел на краешек стула.

— Есть и вторая опасность,— заметил комиссар, закуривая трубку, и посмотрел на гостей.— Разве вы ничего сегодня не заметили?

— Везде полно мусоров, не в обиду будь сказано.

— Ничего, я не обиделся. Не только мусоров, как ты выразился, но и детективов в штатском. Они разыскивают кое-кого, в том числе и двух мсье, владельцев желтого автомобиля.

Фердинанд улыбнулся.

— Насколько я понимаю, он теперь не желтый, и номер у него совсем другой. Не в этом дело. Если у вас нашли детективы из нашей конторы, я, возможно, сумел бы вас выручить. Но ты заметил господина, который только что вышел от меня?

— Это Коломбани,— буркнул Джо.

— Он видел вас?

— Мы подождали, пока он не сядет в автобус.

— Выходит, за вами охотится и городская полиция. Попадись вы им в руки, знакомства с Комелио вам не избежать. Но раз вы сами пришли ко мне, мы сможем побеседовать как друзья.

— Мы ж почти ничего не знаем.

— Достаточно и того, что вы знаете. Вы дружили с Альбертом?

— Он был хороший парень.

— Любил пошутить, верно?

— Мы с ним познакомились на скачках.

Теперь все стало на свои места. Должно быть, гараж Фердинанда редко был к услугам широкой публики. Возможно, краденых машин хозяин его и не сбывал: для того, чтобы видоизменять их, требуется сложное оборудование и целая организация. Кроме того, оба посетителя были не из тех, кто охоч до рискованных предприятий.

Скорее всего человек этот скупал по дешевке старые развалюхи, наводил на них лоск и продавал простофилям.

В барах, на скачках, в гостиных отелей нередко встретишь простаков, которые не прочь заключить выгодную сделку. Иногда их можно подбить на покупку, шепнув, будто бы «тачка» похищена у кинозвезды.

— Прошлый вторник вы оба были на скачках в Венсене?

Гости переглянулись — не затем, чтобы сговариваться, а чтобы припомнить.

— Минутку. Послушай, Фердинанд, ты случайно не во вторник выиграл, когда ставил на Семирамиду?

— Тогда.

— Выходит, мы там были.

— И Альберт?

— Точно, я вспомнил. Во время третьего заезда еще дождь полил как из ведра. Альберт тоже был там. Я его издали заметил.

— Ты с ним не разговаривал?

— Он был не на трибунах, а в ложе. Мы-то всегда сидим на трибунах. Да и он тоже. Но в тот день он пришел с женой. Отмечали годовщину свадьбы или что-то вроде. Он мне сам до этого говорил. Он даже подумывал купить какой-нибудь дешевенький автомобиль. Фердинанд обещал подыскать. Что-нибудь приличное, верно говорю!

— А потом?

— Что потом?

— Что произошло на другой день?

Оба снова переглянулись. Комиссару пришлось подсказать им выход.

— В среду, часов в пять, он звонил вам в гараж?

— Нет. В кафе «Пеликан», на авеню Ваграм. Мы почти все время там сидим.

— Послушайте, ребята. Мне нужно знать, что́ именно он сказал, если возможно, слово в слово. Кто ему отвечал?

— Я,— сказал Джо.

— Подумай хорошенько. Не торопись.

— Мне показалось, что он очень спешит или чем-то взволнован.

— Я знаю.

— Сперва я не понял, что к чему. Он говорил быстро, слов было не разобрать. Будто боялся, что его вот-вот разъединят.

— Я это тоже знаю. Он мне раз пять звонил в тот день...

— Да неужто?

Джо и Фердинанд отказывались что-либо понять.

— Раз он вам звонил, выходит, вы все знаете.

— Все равно продолжай.

— Он сказал, что за ним гонятся какие-то типы и что он боится, но он будто бы придумал, как от них отделаться.

— Он сообщил, каким образом?

— Нет, но вроде был доволен своей выдумкой.

— А потом?

— Потом сказал примерно так: «Дело жуткое, но, может, нам удастся кое-что подзаработать». Не забывайте, комиссар, вы обещали...

— Повторяю свое обещание. Из этого дома вы выйдете так же беспрепятственно, как и вошли, и никто вас не тронет, что́ бы вы мне ни сообщили. При одном условии, что скажете всю правду.

— Вы же знаете об этом не хуже нас.

— Более-менее.

— Ну, ладно! Тогда слушайте! Альберт сказал еще вот что: «Приезжайте ко мне в восемь часов. Есть разговор».

— Что он имел в виду, как вы считаете?

— Погодите. Прежде чем он трубку повесил, он вот еще что сказал: «Нину я отправлю в кино». Вы поняли? Выходит, дело было нешуточное.

— Один момент. Альберт когда-нибудь участвовал в ваших операциях?

— Ни разу. На что бы он пригодился? Вы же знаете, чем мы промышляем. Закон на такие штуки смотрит косо. А Альберт был человек порядочный.

— И все-таки ему вздумалось извлечь выгоду из того, что он узнал.

— Может быть. Не знаю. Хотя постойте! Пробую вот вспомнить, что́ он тогда сказал, но никак не получается. Он что-то толковал насчет банды с Севера.

— И вы решили встретиться?

— А что нам еще оставалось?

— Послушай, Джо. Не пудри мне мозги. Ты

в полной безопасности и можешь быть откровенным. Ты подумал, что твой кореш Альберт надыбал парней из пикардийской шайки. Из газет тебе было известно, что эти бандиты взяли несколько миллионов. И ты думал, нельзя ли как-нибудь получить свою долю. Так ведь?

— Я решил, что Альберт так подумал.

— Ну, вот и договорились. А потом?

— Мы к нему поехали.

— И на бульваре Генриха Четвертого поломались. Выходит, желтый «ситроен» был не такой новый, каким он казался с виду.

— Мы навели марафет, чтобы «толкнуть» его. Сами не собирались на нем кататься.

— До набережной Шарантон вы добрались с опозданием в полчаса. Ставни были опущены. Вы открыли дверь, она была не заперта.

Гости уныло переглянулись.

— И вы обнаружили, что вашего друга Альберта «замочили».

— Точно.

— Что же вы предприняли?

— Сперва мы подумали, что он еще жив: он был еще теплый.

— А потом?

— Мы заметили, что дом обыскивали. Подумали о Нине, которая вот-вот должна вернуться из кино. Кинотеатр там один, возле канала. Мы туда и поехали.

— Что вы намеревались делать?

— Честно говоря, мы и сами не знали. Чувствовали себя отвратительно. Разве приятно сообщать женщине такую новость? Потом нам пришло в голову, что бандиты могли засечь нас. Стали вместе с Фердинандом думать, как быть.

— И тогда вы решили отвезти Нину в провинцию?

— Да.

— Где теперь она?

— Возле Корбей, в гостинице на берегу Сены. Иногда мы ездим туда рыбачить, у Фердинанда там лодка.

— Неужели она не захотела взглянуть на мужа?

— Мы ей не дали. Когда мы возвратились назад, рядом с домом никого не было. Из-под двери пробивался свет, мы выключить забыли.

— А труп зачем увезли?

— Это Фердинанд придумал.

— Зачем?— повернулся Мегрэ к долговязому. Тот понурился.

— Не знаю, как и объяснить. Я был такой взвинченный. Мы в гостинице пропустили для храбрости по паре стаканчиков. Я подумал, что соседи видели машину и нас наверняка засекли. Когда узнают, что Альберт убит, легавые начнут искать Нину. Ну, а та расколется, расскажет, что и как.

— И вы пустили их по ложному следу.

— Пожалуй, что так. Полицию не очень интересует преступление, если в нем нет ничего таинственного. К примеру, если человека убили и ограбили прямо на улице.

— Это тебе пришло в голову проделать в плаще дырку?

— Пришлось. Надо было, чтоб поверили, будто его на улице пришили.

— И лицо изуродовать?

— Пришлось. Он все равно ничего не чувствовал. Мы решили, что в таком случае дело положат на полку и мы окажемся в безопасности.

— Это все?

— Все, уверяю вас. Правда ведь, Джо? На другой день я перекрасил машину в голубой цвет и сменил номерные знаки.

Гости явно намеревались уходить.

— Еще минутку. Вы ничего с тех пор не получали?

— А что мы должны получить?

— Конверт, вероятно, с каким-то содержимым.

— Нет.

Оба искренне изумились вопросу. Задавая свой вопрос, Мегрэ пытался найти разрешение проблемы, которая последние дни больше всего его занимала.

Разгадку он нашел в словах Джо, которые тот произнес несколько минут назад. Разве Альберт не сообщил ему по телефону, что придумал способ отделаться от бандитов, которые его преследовали?

Разве после звонка друзьям из кафе, где его видели в последний раз, он не попросил дать ему конверт?

У него с собой, видно, в кармане, было нечто такое, что скомпрометировало бы членов шайки. Потому-то один из них постоянно за ним и следил. И наверняка лучший способ сбить их со следа состоял в том, чтобы совершенно открыто бросить конверт в почтовый ящик.

Сунуть в конверт документ — пара пустяков. Но какой он подписал адрес?

Сняв трубку, Мегрэ позвонил в полицейское управление.

— Алло? Кто у телефона? Бодэн? Задание тебе, дружище. Притом срочное! Сколько сейчас детективов в управлении? Что? Всего четыре? Да, один должен остаться за дежурного. Возьми трех остальных. Распределите между собой все почтовые отделения Парижа... Погоди минутку! В том числе и в Шарантоне. Этим займись самолично, причем в первую очередь. Опроси служащих, ведающих корреспонденцией «до востребования». Где-то должно находиться письмо на имя Альберта Рошэна. Лежит уже несколько дней. Да, его нужно забрать и доставить мне. Нет, не домой. Через полчаса буду в управлении.

— Еще по капельке?— Он с улыбкой посмотрел на гостей. Те, видно, кальвадос не очень-то жаловали, но из вежливости не стали отказываться.

— Ну как, можно идти?— Гости неуверенно поднялись, похожие на школьников, которых отпустил на перемену учитель.

— Нам не влетит?

— Вы совсем не будете привлечены. Попрошу только ничего не говорить Нине.

— У нее тоже не будет неприятностей?

— А с какой стати?

— Вы с ней поделикатнее, ладно? Если б вы знали, до чего ж она любила своего Альберта!

Затворив за ушедшими дверь, Мегрэ пошел на кухню выключить газ: суп закипел и начал заливать горелку.

Как он и подозревал, эти мошенники все-таки покривили душой. По словам доктора Поля, они принялись уродовать своего приятеля, не став дожидаться, пока Нина окажется в безопасности.

Но дела это не меняло: оба проявили достаточно доброй воли, и комиссар решил оставить их в покое. Ведь чувство стыда знакомо и людям такого сорта.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В кабинете было накурено. Вытянув ноги, в углу сидел Коломбани. Начальник уголовной полиции только что ушел. Входили и выходили детективы в штатском. Совсем недавно звонил Комелио.

— Алло! Господин Маршан?— взялся за трубку Мегрэ.— Говорит Мегрэ. Да, самый настоящий. Что, что? Мой однофамилец? Ваш приятель? Граф? Нет, совсем не родственник!

Часы показывали семь. Собеседником комиссара был управляющий «Фоли-Бержер».

— Что вам угодно, дружище?— отвечал, пришепетывая, Маршан.— Не так-то это просто, черт возьми. До открытия всего ничего, успею перекусить. Если только составите мне компанию. Скажем, в «Шоп Монмартр»? Через десять минут? Ну, до встречи, дружище.

Находившийся в кабинете Жанвье был крайне возбужден. Из Жуэнвиля он привез большую фотографию, одну из тех, какие можно увидеть в актерских уборных. Крупным, уверенным почерком на ней было выведено: Франсина Латур.

Симпатичная, совсем юная девушка. На обороте указан адрес: Пасси, улица Лоншан, дом 121.

— Наверно, она теперь в труппе «Фоли-Бержер»,— объяснил Жанвье.

— Букмекер ее узнал?

— Определенно. Я хотел захватить его, но уже поздно, он жены боится. Но если он нам понадобится, в любую минуту можно к нему заскочить. Он живет на острове святого Людовика, рукой подать. И телефон у него имеется.

Телефон был и у Франсины Латур. Мегрэ набрал номер. Ни слова не говоря, он повесит трубку, если кто-нибудь ответит. Однако, как он и предполагал, дома ее не оказалось.

— Прогуляйся-ка к ней, Жанвье. Захвати с собой кого-нибудь потолковее. Ни в коем случае не привлекайте к себе внимание.

— Устроить у нее засаду?

— Пока не надо. Подожди, я позвоню. Пусть один из вас сидит в каком-нибудь баре неподалеку. Звякни сюда, сообщи номер телефона.

Мегрэ хмурился: ничего нельзя упустить из виду. Поездка на завод к Ситроену дала по крайней мере хоть какой-то результат. Выяснилось, что Серж Мадок работал там почти два года.

— Послушайте, ребята.— Комиссар зашел в дежурку.— Вечером или ночью мне понадобится уйма народу. Далеко не отлучайтесь. Сходите по очереди закусить, а не то пошлите за бутербродами и пивом. Скоро увидимся. Пойдем, Коломбани?

— Разве ты не обедаешь с Маршаном?

— Ты ведь с ним тоже знаком?

Перевел с французского Виктор КУЗНЕЦОВ.

Окончание следует.



МЭРИ ПИКФОРД И ДУГЛАС ФЕРБЕНКС В МОСКВЕ

20 июля 1926 года. В яркий солнечный день толпы москвичей устремились к Белорусскому вокзалу, западным воротам столицы. Десятки тысяч поклонников американских киноактеров Мэри Пикфорд и Дугласа Фербенкса, впервые прибывших в нашу страну, заполнили привокзальную площадь. И мне, обвешанному кино- и фотоаппаратами, пришлось основательно поработать локтями, чтобы пробиться на перрон в момент подхода поезда.

Мне повезло, я оказался как раз у вагона, украшенного зеленью; показались наши гости, и мне первому удалось их снять, чем я потом очень гордился.

Сохранилось это фото — нигде ранее не опубликованное — увеличение с кинокадра более чем полувековой давности, а журналистам тогда достался автограф: «Мы польщены радушным приемом, оказанным нам, очарованы энтузиазмом русских — этого действительно великого народа.

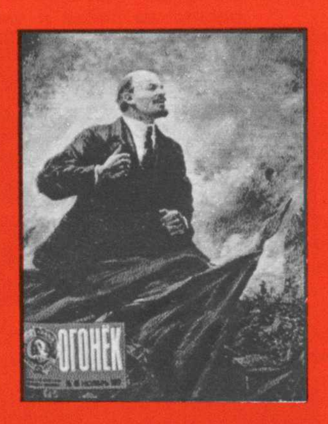
Июль 20/1926 Мэри Пикфорд
Дуглас Фербенкс».

Я. ТОЛЧАН,
режиссер-оператор,
заслуженный работник культуры РСФСР

We are delighted with the wholehearted reception accorded us – charmed with enthusiasm of the Russians – truly a great people.
Mary Pickford
July 20/1926 Douglas Fairbanks



1917
1987



1977

К 60-ЛЕТИЮ ОКТЯБРЯ «ОГОНЕК» ПОДВЕЛ ИТОГИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНКУРСА «ПО СЛЕДАМ СОВЕТСКОГО ДИПЛОМА». СРЕДИ ПОБЕДИТЕЛЕЙ СМОТРИТ НА НАС С ПАМЯТНОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ ФОТОГРАФИИ СОЛИСТКА ТАДЖИКСКОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ТЕАТРА ОПЕРЫ И БАЛЕТА М. КУРБАНОВА. МНОГО ИЗМЕНЕНИЙ ПРОИЗОШЛО ЗА МИНУВШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ. И В ЖИЗНИ АРТИСТКИ — ТОЖЕ. ОБ ЭТОМ И РАССКАЗЫВАЕТ ПОБЫВАВШИЙ У НЕЕ В ГОСТЯХ КОРРЕСПОНДЕНТ.



КОНКУРС

ПРЕДСТАВЛЯЕМ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

САОДАТ—ЭТО СЧАСТЬЕ

Лев ШЕРСТЕННИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»,
фото автора

МНЕ ПОПАЛ В РУКИ МАЛЕНЬКИЙ ЛИСТОК: ТО ЛИ РЕКЛАМКА, ТО ЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ. «ТВОРЧЕСКИЙ ЦЕНТР... ЕЖЕДНЕВНО С 20.00 ДО 8.00». ЭТО ЧТО ЖЕ, ВСЮ НОЧЬ, ВСЕ ДВЕНАДЦАТЬ ЧАСОВ! НАВЕРНОЕ, ЗДЕСЬ ЧТО-ТО НЕ ТАК, УСОМНИЛСЯ Я...

Если собрать воедино странички жизни Мавджуды Курбановой, то получится значительная повесть о судьбе неспокойной женщины. Тут будут и годы учебы в педагогическом институте, и в консерватории.

С увлечением работая в школе (имея, кстати, неплохой оклад), Курбанова решила перейти в театр. А так как иных вакансий, кроме как в мимансе, ей предложить не могли, Мавджуда согласилась на ставку в семьдесят рублей, хотя, вероятно, и представляла: с сыном-то на эти рубли да на пенсию старушки матери протянуть будет не просто. Представляла, но пошла. Охота пуще неволи.

А голос у нее, говорили,— да и сама она чувствовала — необыкновенный. Как сказано в характеристике, данной по какому-то очередному поводу, «голос — довольно редкий — контральто большой силы (особенно в нижнем регистре, более двух октав)». Ее партии: Марта в «Иоланте» Чайковского, Петровна в «Царской невесте» Римского-Корсакова и старая цыганка в «Алеко» Рахманинова, Мария в «Порги и Бесс» Гершвина и Мать в «Бозгашт» Сабзанова, местного композитора, а еще партии во всех детских операх, да еще партии, прозвучавшие пока только в мечтах, как, например, Вани из «Ивана Сусанина». Певица уверена: ее Ваня будет особенный.

Теперь Таджикский театр оперы и балета не в лучшей форме. Но ведь держался же высоко. И ведь совсем недавно оно было, это время. Кто, например, не только из театральных знатоков, а просто из любителей балета не знал имени несравненной Малики Сабировой! Несколько лет уже нет Малики, которая своим талантом немало сделала для театра. Нет Малики. Но ее помнят... Помнят ли? Быть может, не одной Мавджуде пришло в голову: а что знает о ней молодежь? И, к удивлению своему, увидела: молодежь-то — ну, не вся, конечно — не знает даже имени балерины, которая была гордостью республики. Разве ж это, как пишут в газетах, не тревожный сигнал? Разве ж это не говорит о том, что порою в стороне от истинных духовных ценностей молодежь ищет свои ориентиры, часто путаясь, принимая позолоченные скорлупки за сам орех?

Курбанова вспоминает те дни, когда она работала в школе. Вспоминает уроки пения. Те уроки, которые сначала воспринимались детьми ухмылками и смешками, а потом становились нужными, самыми любимыми. Вспоминает, как подходили к ней девчушки и, чуть стесняясь, просили: «Мавджуда Курбановна, проведите у нас урок!» «Но ведь у вас сейчас физика». «Нет, физики не будет, учитель заболел, пожалуйста, проведите вы...»

На факультете повышения квалификации директоров средних общеобразовательных школ Таджикистана Курбанова пишет курсовую работу «Возможности музыки в интернациональном воспитании учащихся и подростков». Но написать можно порой и то, во что и сам не веришь. А Мавджуда верит. Привозит малышей на спектакли теперь уже в свой театр. То, что подготовленные к восприятию музыки дети отправляются в столичный театр как на праздник, это понятно. И их просветлевшие глаза — это ожидаемо. Но и у самих артистов влажнеют глаза, когда они видят в зале эту благодарную публику. «Майечка, ты почаще их привози. Если надо, мы и бесплатно будем для них играть...»

Вот так и живут в душе Майи две страсти. Одна — к музыке, питаемая верой в свою звезду, свой голос, другая — к ребятишкам, к молодежи. Вторая привязанность, наверное, пошла от мамы, учительницы, отличника народного образования республики, 42 года проработавшей в начальных классах в узбекских и таджикских школах. От мамы своей Саодат...

Саодат — это счастье. Наверное, когда задумывали эту чайхану, расположенную чуть поодаль от центра Душанбе, решили, что счастье — это роскошь убранства. Поставили «домик» на славу. Расписные потолки, стены, просторные помещения на трех этажах. Чувствуется, потрудились тут мастера от души и не один миллион рублей потратили. Достойно, надо сказать, справились с этой частью — красна изба углами. А когда дошло дело до пирогов, поняли торговцы: не тянет эта золотая табакерка, доходов от нее никаких, одни только хлопоты.

Не знаю, кому первому пришла в голову эта мысль, но решили огромный зал третьего этажа чайханы, куда вообще редко добирались посетители, отдать молодежи. А у комсомольцев уже было соображение использовать это завидное помещение под свой клуб. Назвать его решили «Центр творческой молодежи ЦК ЛКСМ Таджикистана». Когда я усомнился, получив приглашение на всю ночь с 20.00 до 8.00, то оказался прав. Такой режим в Центре действовал только в период Дней РСФСР в Таджикистане.

Вкратце об истории Центра рассказал секретарь ЦК ЛКСМ республики Алишер Норматов. Созданный год назад, Центр должен был действовать на общественных началах. Министерство торговли республики «поделилось» чайханой, комсомол выделил средства на аппаратуру, возникла активная группа Центра, и стали выкристаллизовываться цели: встречи с представителями творческих союзов, показ собственных достижений ребят и девчат из самодеятельности. Почему бы Центру не стать местом, где любой молодой человек сможет проявить творчество? Во всем. Будь ли это танец брейк или любительский цирк, не признанный еще ВИА или неведомый пока художник. Для одних Центр станет местом дебюта, для других — возможностью передачи опыта, определенных идей, наболевшего...

Вот на одной из таких встреч и оказалась Мавджуда со своими товарищами по театру Музаффаром Бурхановым, народным артистом Таджикской ССР, партнером и мужем Малики, концертмейстером Натальей Андреевной Сапрыкиной, много работавшей с балериной. Многое ли расскажешь словами об искусстве танца? И если не все уходили из зала потрясенными услышанным, то знакомство со страничкой истории обогатило всех...

Когда я попал под своды чайханы, молодой директор Центра Сергей Клименко, музыкант по образованию, помогал мне войти в курс дела, а попутно и знакомил с активистами — участниками вечеров.

В большом и красивом зале ежевечерне собирается девяносто гостей. Входящий платит рубль. Это за программу, которая предлагается в этот вечер. Деньги за билет пойдут на оплату работников Центра. Их пятнадцать. Своих сто — сто пятьдесят за вечер соберет торговля. В штате — единственный бармен, который, естественно, не справляется, но ему помогают официантки из студентов — бескорыстно, к тому же с улыбкой...

На сцене появляются самодеятельные артисты. Их много. Профессиональные музыканты, приглашаемые на серьезные разговоры о классической музыке, обижаются: «Говорить о Бахе и жевать шашлыки?..» Им бы хотелось в идеале увидеть ту аудиторию, которая собирается в стенах филармоний, консерваторий...

Кафе, как его ни называй,— это прежде всего место отдыха. Да, посетитель с удовольствием примет интересное зрелище, с радостью потанцует в музыкальные паузы, но тут должна быть своя, «фирменная», но ненавязчивая программа: хочешь — смотри, хочешь—беседуй с соседом...

Чтоб это нужное дело встало прочно, уверенно, надолго, не стоит останавливаться на первом шаге. У Центра должен быть один хозяин. В самом широком смысле слова. Просветительские задачи не должны стоять порознь от экономических. Это не значит: шашлыки и Баха в одно меню. Но только став рентабельным (а это значит включить под единое начало и торговый оборот кафе, и культурно-развлекательные программы, и все остальные виды деятельности), Центр может рассчитывать и на расцвет, и на долголетие, и на любовь и поддержку той самой молодежи, которая так нуждается в нем.

Начнется вечер, зажжет огни «Саодат» — счастье. Быть может, кому-то это откроет дорогу в большое творчество, а кому-то напомнит о своем, не всегда легком пути в искусство. Я прощаюсь с Мавджудой. Она верит в свою звезду. Быть может, скоро придет вызов на стажировку. И он достанется ей. И она поедет в Ленинград, к любимому ее дирижеру — Темирканову. Ее прослушают и поймут: такого Вани еще не было.

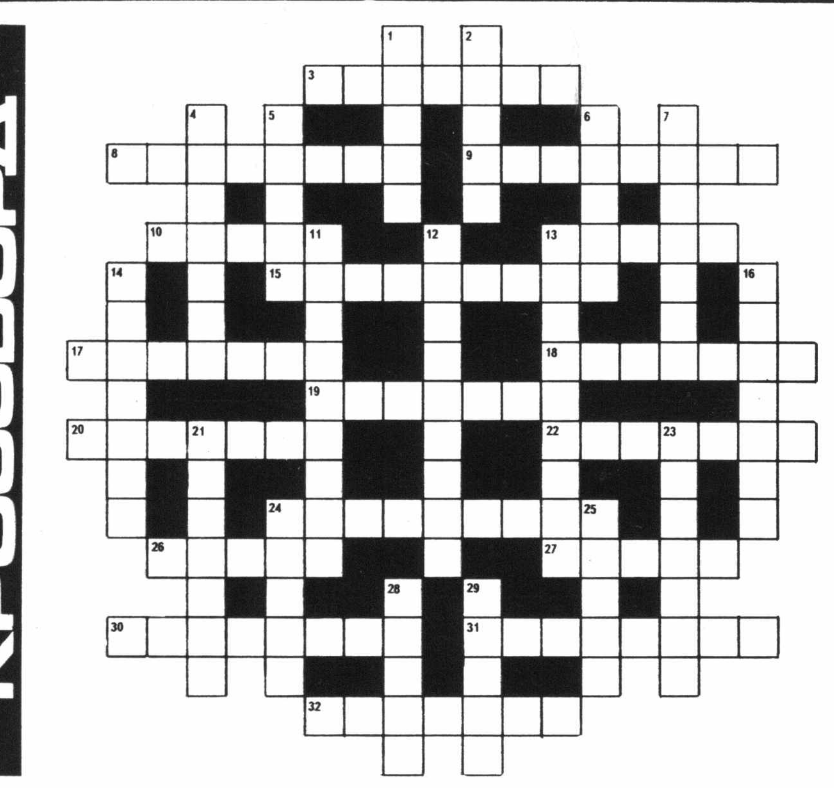
А если нет, если никогда не придет этот вызов или вызов достанется не ей? Что ж, она умеет ждать. Она будет ждать. А когда сил ждать уже совсем не станет, уйдет из театра, вернется в школу, войдет к детям в класс. Там ждут ее. Дети бросятся к ней гурьбой. Вот это, быть может, и будет саодат...

Когда студентка Альмира Бахибекова исполняет танец Шахразады, в зале молодежного Центра равнодушных нет.



● В холле центра можно познакомиться с новыми работами молодых художников.
● Владимир Абдурахманов — мим.
● Фольклорную группу Далера Назарова хорошо знают в республике.
● Эти модели девушки придумали и сшили сами.

КРОССВОРД



По горизонтали: 3. Скульптор, народный художник СССР, автор памятников Марксу и Ленину. 8. Скульптура рабочего А. С. Голубкиной. 9. Народный художник СССР, автор картины «Допрос коммунистов». 10. Первый немецкий пролетарский поэт, член Союза коммунистов. 13. Советский военачальник, адмирал флота. 15. Один из руководителей партизанского движения в Белоруссии, Герой Советского Союза и Герой Социалистического Труда. 17. Инструмент альпиниста. 18. Опера композитора, народного артиста СССР В. И. Мурадели. 19. Советский спортсмен, двукратный олимпийский чемпион по современному пятиборью. 20. Песня композитора А. Н. Пахмутовой. 22. Порт на северо-востоке Бразилии. 24. Поэма А. А. Блока. 26. Народный художник СССР, автор картины «Зимний взят». 27. Народная песня на слова К. Ф. Рылеева. 30. Работница в системе легкой промышленности. 31. Матрос, участник Октябрьской революции, главный комиссар Балтийского флота. 32. Картина советского баталиста М. Б. Грекова.

По вертикали: 1. Движение льда на море под влиянием ветра, течения. 2. Писатель, академик, Герой Социалистического Труда. 4. Быстрый темп в музыке. 5. Природный водоем. 6. Столица Вьетнама. 7. Комплекс общественных наук. 11. Герой кинофильма «Председатель». 12. Один из героев романа М. А. Шолохова «Они сражались за Родину». 13. Восторженная радость. 14. Основная часть травянистого растения. 16. Руководитель оркестра, хора. 21. Советский летчик-космонавт. 23. Морское судно. 24. Большевистская легальная газета, выпускаемая в 1906 году. 25. Солист Ереванского театра, баритон, народный артист СССР. 28. Узорчатая художественно-декоративная ткань. 29. Плодовое дерево.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 44

По горизонтали: 5. Бродский. 7. Парфенов. 10. Стопа. 11. Тартини. 12. Ретавас. 13. Ягода. 14. «Дороги». 17. Грузия. 19. «Победа». 20. Ариэль. 24. Статус. 26. «Россия». 28. Кубок. 30. Ахунова. 31. Огарков 32. Плиев. 33. «Вольница». 34. Любезнов.

По вертикали: 1. Крыжачок. 2. Миссия. 3. Самара. 4. Корчагин. 6. «Солинг». 8. Фактор. 9. «Хорошо». 15. Офорт. 16. Ивенс. 17. Глиэр. 18. Уэллс. 21. Стаханов. 22. Гибрид. 23. Гироскоп. 25. Удокан. 27. Олайне. 28. Капица. 29. Ковтюх.

НЕТ ПРОБЛЕМ?

Рисунок Евгения **МИЛУТКИ**



Пролетарии всех стран, соединяйтесь!





ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 45 (3146)

7—14 НОЯБРЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Работа художника Юрия МАРКАРОВА.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.

Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

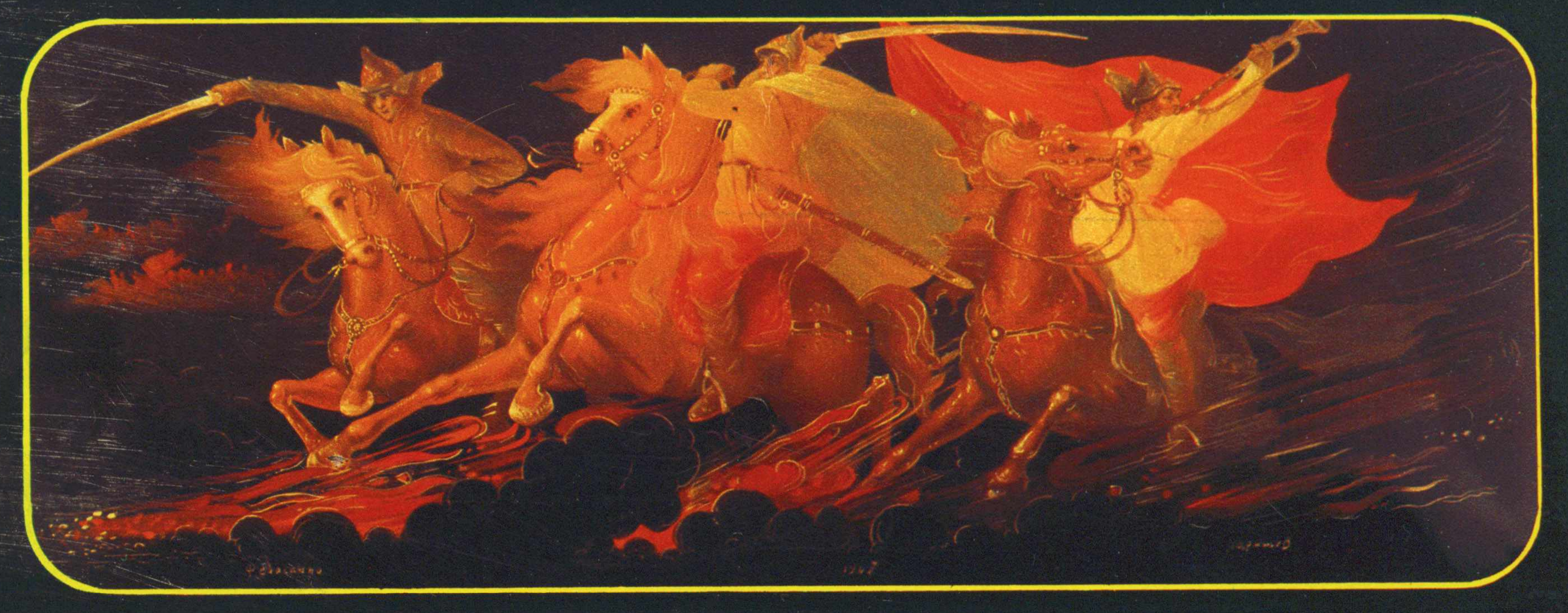
Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 251-89-83; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 16.10.87. Подписано к печати 03.11.87. А 00453. Формат 70×108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,30. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 2696. Заказ № 1372.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.



ЛОЗУНГИ НА ФАРФОРЕ

Пришло время, и взметнулись алые кони на палехских шкатулках, замелькали на ситцах необычные рисунки: трактора и лампочки, буденовки и красные звезды. Стали привычными для нас неожиданные, не слыханные ранее сочетания: агитационный фарфор, агитационный текстиль.

Интересная коллекция художественных произведений собрана во Всероссийском музее декоративно-прикладного и народного искусства. С этих работ начиналось молодое социалистическое искусство, они же удивительные документы времени революции.

«Всем, кто смел и сердцем молод, в руки книгу, серп и молот», «Пропади, буржуазия — сгинь, капитал» — тарелки с такими надписями выпускались Государственным фарфоровым заводом в Петрограде. «Полпред советского искусства» — агитфарфор был сродни знаменитым «Окнам РОСТА».

Революции обязаны своим возрождением старинные народные промыслы: Хохлома, Мстера, Дымка. И самый яркий пример тому — Палех. Бывшее село «богомазов» стало прославленным на весь мир «селом-академией» — древние традиции суздальского письма возродились в лаковой палехской миниатюре.

Лариса ЧЕРКАШИНА











ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663